

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический
университет»

ISSN 2658-7637

**ТРУДЫ
КАМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ**

Выпуск XVII

Пермь
ПГГПУ
2020

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)
Т 782

Т 782 **Труды Камской археолого-этнографической
экспедиции. Вып. XVII:** сб. науч. тр. / под общ. ред.
Н.Б. Крыласовой; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь,
2020. – 163 с.: ил. и табл.

Настоящим выпуском продолжается серия научных изданий ПГГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции». Настоящий сборник преимущественно включает статьи, подготовленные в рамках программы развития научной школы «Пермская археолого-этнографическая научная школа». Сборник будет интересен специалистам по истории, искусству и археологии Евразии, преподавателям и студентам профильных факультетов вузов, научным работникам, сотрудникам музеев и всем, кто интересуется историей и культурой Пермского Предуралья.

УДК 902/904
ББК Т4 (2РОС36-4ПЕР)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук проф. Н.Б. Крыласова (отв. редактор);

д-р ист. наук проф. А.М. Белавин;

канд. ист. наук, доц. А.Н. Сарапулов;

канд. ист. наук, доц. Ю.А. Подосенова

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

*Издание осуществлено при поддержке Министерства образования и науки Пермского
края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г. в рамках программы развития
«Пермской археолого-этнографической школы»*

© Коллектив авторов, 2020

© НПЕ «Афкула», оформление и макет, 2020

© Пермский государственный

гуманитарно-педагогический университет, 2020

ЮБИЛЕИ

70 ЛЕТ

ПРОФЕССОРУ В.А.ИВАНОВУ

УДК 929.52

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-4-13

**А.С. Проценко,¹ Е.В. Бубнель,² А.Н. Сарапулов,³ Д.В. Шмуратко³
К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА
ИВАНОВА***

¹ Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа», г. Уфа, РФ

² Уфимский государственный авиационный технический университет, г. Уфа, РФ

³ Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, РФ

В статье, посвященной юбилею выдающегося археолога В.А. Иванова, освещаются основные направления его научной деятельности. Приводится краткий обзор исследований, посвященных научной биографии В.А. Иванова и осмыслению его научного наследия. Важным аспектом работы является осмысление научного вклада исследователя в развитие археологии Волго-Уральского региона.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, угорская проблематика, историко-культурное наследие.

**A.S. Protsenko,¹ E.V. Bubnel,² A.N. Sarapulov,³ D.V. Shmuratko³
TO THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR
IVANOV VLADIMIR ALEKSANDROVICH**

¹ Republic Historical-Cultural Museum-Reserve «Ancient Ufa», Ufa, Russia

² Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

³ Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

In the article dedicated to the anniversary of the archeologist V. A. Ivanov the main areas of his research are highlighted. The brief overview of his research dedicated to his scientific biography and understanding of his scientific heritage is provided. A most important aspect of the work is understanding of his scientific heritage in the development of archeology of Volga and Ural region.

Key words: archeology, the early Iron Age, Ugric issues, historical and cultural heritage.

Введение

Данная статья посвящена 70-летию выдающегося археолога, доктора исторических наук, профессора Иванова Владимира Александровича. Мы прекрасно понимаем, что пытаемся выполнить очень непростую задачу, работая над такой статьей. Причина этому – необыкновенная масштабность и многогранность его личности – перечень научных трудов громаден, а вклад в науку, на наш взгляд, просто неопределим.

Владимир Александрович с детства стремился стать историком (археологом) и «сам себя сделал» выдающимся специалистом. Он очень много сил и энергии уделяет работе с источниками, в чем проявляется стремление к объективности и основательности. По справедливому замечанию В.А. Иванова, модернистские и постмодернистские парадигмы в процессе исторического познания часто подменяют научное источниковедение – основу основ исторической науки [Иванов, Иванова, 2017, с. 13]. Умение работать с материалом он старается привить и нам, своим ученикам.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Как ученый и как преподаватель, он прошел огромный путь: был студентом, учителем в сельской школе, научным сотрудником в ИИЯЛ БФ АН СССР, преподавателем и руководителем исторического факультета в Стерлитамакском институте, преподавателем, заведующим кафедрой в Институте исторического и правового образования БГПУ им. М. Акмуллы. И везде оставил яркий след, воплотившийся в большом, постоянно пополняющемся количестве фундаментальных исследований, и конечно, в организации научной работы в коллективах, где работал.

После окончания в 1972 г. Башкирского государственного университета, Владимир Александрович отправился (до 1975 г.) на работу сельским учителем в Иглинский район (сначала в с. Охлебинино, потом в с. Балтику). Затем последовала годичная командировка в Куйбышев, после возвращения из которой юбиляр больше не покидает родную республику. Работая учителем, В.А. Иванов активно проводил археологические исследования и набирал материал для диссертации (Тра-Тау, Аначевском, Трикольском, Андреевском городищах). И в 1978 г. в совете Института археологии АН СССР он защитил кандидатскую диссертацию – «Население Нижней и Средней Белой в ананьинскую эпоху» [Иванов, 1978].

Основные направления научной деятельности В.А. Иванова

В.А. Иванов по праву может быть назван одним из основоположников внедрения в урало-поволжскую археологическую науку *методов математической статистики*. Объективные предпосылки проникновения в археологию статистического инструментария сложились еще в конце первой трети XX века. Следует назвать работы П.П. Ефименко «Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа» (1926), А.В. Арциховского «Курганы вятичей» (1930), Г.А. Бонч-Осмоловского «Палеолит Крыма» (1940) и др.

В археологию Урало-Поволжья математика приходит чуть позже, в 50-х гг. XX века. Описывая методику организации раскопок и камеральной работы в Камской археологической экспедиции за период с 1947 г. по 1953 г., О.Н. Бадер впервые подчеркнул необходимость полного изъятия керамического материала с памятника и обязательность статистических подсчетов для вычисления процентных соотношений массового материала по ряду признаков [Бадер, 1961].

Временем массового увлечения статистикой стали 70-е гг. XX века. Молодые археологи буквально зачитывались работами В.Ф. Генинга, Г.А. Федорова-Давыдова, И.С. Каменецкого, Б.И. Маршака, Я.А. Шера, посвященными анализу археологических источников с использованием формализованного статистического подхода. Большой интерес вызывали рецензии Г.А. Федорова-Давыдова и Л.С. Клейна, публикуемые на страницах «Советской археологии», в которых авторы разбирали основные положения и идеи процессуализма, «новой археологии» Л. Бинфорда, «аналитической археологии» Д. Кларка, «современной археологии» Н. Вудолла [Федоров-Давыдов, 1970; Клейн, 1973, 1975]. В такой обстановке «научной революции» формировался фундамент исследовательской программы В.А. Иванова.

Как нами уже было отмечено, в 1978 г. В.А. Иванов защитил кандидатскую диссертацию, где использовал синтез методик В.Ф. Генинга и И.С. Каменецкого,

Б.И. Маршака, Я.А. Шера. «Основная цель исследования, – как пишет сам автор, – выделить, с применением *современных методов обработки материала*, в бассейне р. Белой памятники ананьинской общности и выяснить как механизм их генезиса, так и характер контактов их создателей с соседними синхронными этнокультурными образованиями» [Иванов, 2014, с.68-69]. С тех пор математика стала неизменным научным помощником исследователя. Постепенно В.А. Иванов осваивал новые методы и алгоритмы формализованно-статистического анализа археологического материала, комбинировал их, дополнял, совмещал. Некоторые алгоритмы, используя однажды, оставлял, другим был верен и последователен многие годы. Так, например, в 1986 г. в работе «Опыт статистического анализа археологического материала VII-IX вв. Южного Урала и Приуралья», написанной совместно с Н.К. Бакировым и В.П. Евдокимовой, В.А. Иванов первым в урало-поволжской археологии апробировал модель кластерного анализа [Бакиров, Евдокимова, Иванов, 1986], однако больше к ней никогда не обращался. Напротив, алгоритмы, предложенные Г.А. Федоровым-Давыдовым, В.Ф. Генингом и В.А. Борзуновым, прочно вошли в научный инструментарий ученого.

Основным археологическим источником, с которым работает В.А. Иванов, являются погребальный обряд и керамика, и то и другое – массовый материал раскопок, наиболее пригодный для статистической обработки. За годы работы у исследователя накопилась многотысячная база данных по кара-абызским, пьяноборским, мазунинским, бахмутинским, турбаслинским, кушнаренковским, караякуповским, мадьярским, золотоордынским и др. погребениям. Приступая к статистическому анализу погребальных памятников, В.А. Иванов всегда действует по четко выверенной и годами отработанной схеме: 1. формализация данных, описание погребений по заранее определенному набору признаков; 2. определение «представительных признаков» и «нижнего порога значимости»; 3. общая характеристика обряда; 4. формализовано-типологическое сравнение обрядов анализируемых культур. Осуществляя формализацию данных, исследователь четко следует структуре морфологических признаков погребального обряда. Так, к примеру, для кушнаренковско-караякуповских могильников был разработан перечень из 64 признаков, разбитых на 11 групп (1 – тип могильника; 2 – типы курганных насыпей (в курганных могильниках); 3 – тип (конструкция) могильной ямы; 4 – наличие внутримогильных конструкций; 5 – поза и 6 – ориентировка погребенных; 7 – ритуальные захоронения коня; 8 – место захоронения коня; 9 – проявление культа огня; 10 – останки заупокойной пищи в могиле; 11 – состав погребального инвентаря) [Бакиров, Евдокимова, Иванов, 1986, с. 2]. При определении «представительных признаков» и «нижнего порога значимости» В.А. Иванов в обязательном порядке ссылается на фундаментальный труд «Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников)» [Генинг, Бунатян, Пустовалов, Рычков, 1990]. Проводя общую характеристику погребального обряда, исследователь часто обращается к методике В.Ф. Генинга и В.А. Борзунова, оперируя и сравнивая частоты, нормы распределения и тенденции признаков. Формализованно-типологические сравнения В.А. Иванов обычно проводит, используя коэффициенты C_2 и C_3 (по Г.А. Федорову-Давыдову). Коэффициент C_2 применяется в тех случаях, когда

важно оценить сходство объектов, как по присутствию, так и по отсутствию общих признаков (см., например, работу «Древние угро-мадьяры в Восточной Европе» [Иванов, 1999]). Коэффициент S_3 применяется тогда, когда отсутствие общих признаков на объекте не признается значимым (см., например, статью «Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах» [Иванов, 2009]).

Работая с хронологией погребального инвентаря, а также реконструируя погребальный костюм, В.А. Иванов использует методику выделения комплексов связанных признаков (КСП), осуществляя расчеты коэффициентов согласия χ^2 (хи-квадрат) и сопряженности Q . В качестве примера, можно указать совместную с Н.Б. Крыласовой монографию [Иванов, Крыласова, 2006], где исследователями была предпринята удачная попытка комплексного анализа убранства костюма степняков-кочевников и оседлых жителей Предуралья.

При обработке керамического материала В.А. Иванов в целом придерживается программы, разработанной В.Ф. Генингом. Впервые программа была представлена в 1971 г. на Пленуме ИА АН СССР, где В.Ф. Генинг выступил с докладом «Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок», в 1973 г. основные положения этого доклада были опубликованы отдельной статьей [Генинг, 1973]. Данная программа, расширенная за счет возможностей современной компьютерной техники и статистических пакетов (SPSS), вполне сохраняет свою актуальность. Для того чтобы представить как это может быть, достаточно изучить статью, написанную В.А. Ивановым совместно с Т.В. Чичко [Иванов, Чичко, 2019].

Таким образом, анализ научных трудов В.А. Иванова позволяет считать его одним из ключевых и последовательных трансляторов процессуалистской исследовательской парадигмы в археологии, которая во главу угла ставит не личное убеждение исследователя в правильности предлагаемой им интерпретации материала, а точные логически выверенные процедуры и аргументы, подвергнутые открытой критике и верификации [Иванов, 2018; Кузнецов, 2004].

Особое внимание автор уделяет т.н. «угорской проблеме», и на наш взгляд, его работы играют важную роль в исследовании данного вопроса в контексте проблем средневековой истории региона и приуральской истории (прото-) мадьяр. Как и ряд учёных (Е.А. Халикова, А.Х. Халиков, И. Фодор, Е.П. Казаков, А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, С.Г. Боталов), он разделяет в целом точку зрения, что угорский этнический компонент оказал сильное влияние на население региона.

Данной проблеме автор посвятил ряд работ. Особенно интересны тезисы 1988 г. в сборнике «Проблемы древних угров на Южном Урале» [Иванов, 1988]. Вслед за Е.А. и А.Х. Халиковыми, он уделит большое внимание археологическому подтверждению наличия угорских памятников в Поволжье и Приуралье. Вначале автор высказывался, что идея «Magna Hungaria», как территории заселенной венграми перед их миграцией на запад, обречена на неудачу в силу отсутствия памятников на территории Восточной Европы, где археологическая культура венгров была бы представлена в полном объеме. Слабая монолитность и многокомпонентность – особенности венгерской археологической культуры. Затем он в целом развивает данную мысль в 1999 г.

в монографии «Древние угры-мадьяры в Восточной Европе», в которой отождествляет кушнареновскую культуру с «древними уграми-мадьярами». Данный труд явился на закате XX в. своеобразным итогом исследований по проблеме «Magna Hungaria» в соответствии с парадигмой современного источниковедения. Автор привлек в этом исследовании большой круг источников: письменных и археологических. В данной работе он делает историографический обзор, в котором освещает основные подходы отечественных и зарубежных исследователей на протяжении второй половины XX в. к проблеме локализации проживания венгров на востоке. Но главной заслугой автора является не это. Исследователь в своем труде «Древние угры-мадьяры в Восточной Европе» постарался подойти к вопросу с позиций комплексного научного источниковедения.

В.А. Иванов в вышеупомянутой работе подчеркивает, что «...Проблема локализации и археологического содержания Magna Hungaria перестает быть региональной проблемой, поскольку, во-первых, «Древняя или Великая Венгрия», в каком бы районе Урало-Волжского региона она ни находилась и какой бы смысл ни вкладывали в это понятие средневековые и современные авторы, являлась начальным пунктом пребывания древних мадьяр-протовенгров в Восточной Европе, пунктом, в котором древнемадьярская культура, в самом широком смысле этого слова, какое-то время сохранялась в максимально чистом виде» [Иванов, 1999].

В 2008 г. в своих работах автор высказывается еще решительнее. На основе обширного археологического материала, в частности – широкого распространения по обе стороны Южноуральского горного хребта однотипных археологических культур, доказывает наличие единого этнокультурного ареала, который, по его мнению, образуют памятники кушнареновской, караякуповской, бакальской, неволинской культур, занимающие лесостепную зону Южного Урала, Приуралья и Зауралья, от Камы на западе до Иртыша на востоке и объединяющиеся по следующим признакам:

- лесостепной ландшафт, предопределяющий занятие полукочевым скотоводством;
- обряд захоронения под курганами, содержащими по несколько захоронений.
- керамика, украшенная резным и штампо-гребенчатым орнаментом.

Данные критерии автор определяет на основе проведенного им статистического сравнительно-типологического анализа погребального обряда культур, составляющих ЭКА культур с резной и штампо-гребенчатой керамикой. Анализ проводился по 33 альтернативным признакам обряда. Результаты его показывают, что могильники кушнареновской, караякуповской культур, потчевашского и молчановского типов (условно обозначенные, как «западносибирские угры») образуют замкнутый типологический блок с высоким уровнем типологического сходства – от 0,74 до 0,90, что, согласно выводу автора, свидетельствует о том, что указанные культуры составляют один ЭКА и являются если не частями одного целого, то, во всяком случае, «ближайшими родственниками» [Иванов, 2008, с. 87]. В 2009 г. выходит коллективная монография, в которой подведен итог многолетних исследований по угорской

проблематике [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009], вызвав тем самым очередной виток дискуссий по этому вопросу.

Вопрос о судьбе предков венгров (мадьяр) и их проживании на востоке до миграции в Карпатский бассейн имеет важное значение в контексте исследования истории народов, населяющих Урало-Поволжский регион. Высокий уровень исследовательской работы в данном направлении неоднократно подчеркивался отечественными и зарубежными исследователями и был ими высоко оценен.

Еще одним значимым направлением в исследовательской работе юбиляра – это *изучение средневековых кочевников*. Так, после защиты диссертации В.А. Иванов волей судьбы переходит к изучению средневековой тематики, что, в свою очередь, повлекло за собой новые полевые выезды, исследовательские темы и фундаментальные разработки в данном направлении.

В то время как юбиляр уже несколько сезонов колесит по просторам степей южного Зауралья и Оренбургской области, в 1984 г. выходит монография по вооружению и военному делу Приуралья в раннем железном веке [Иванов, 1984а], которая стала наиболее полным и фундаментальным исследованием по данной проблематике. В работе рассмотрен материал по развитию вооружения и военного дела лесных финно-угорских племен Приуралья с начала I тыс. до н.э. и до середины I тыс. н.э., то есть – до периода, когда в среду местного населения внедряется мощный иноэтничный компонент, совершенно нарушивший монолитность финно-угорского этнического пласта и обусловивший в конечном итоге пестроту и чересполосицу этнической карты Приуралья в эпоху раннего средневековья.

На протяжении последних трех десятилетий В.А. Иванов опубликовал значительное количество работ по данной тематике. Объем настоящей статьи не позволяет остановиться на каждой из них, отметим лишь, что работы по средневековым кочевникам стали своего рода классическими (напр.: «Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.)», написанная с В.А. Кригером); «Огузы и печенеги в евразийских степях», написанная с Г.Н. Гарустовичем). Сформировавшаяся за два десятилетия объемная источниковая база позволила, как отмечает сам В.А. Иванов, обозначить место и роль археологических памятников средневековых кочевников Урало-Поволжского региона в этнокультурной и этнополитической истории степей Евразии. Так, практически одновременно появились две книги, посвященные археологическому источниковедению и историко-археологическому анализу, синтезу и интерпретации средневековых кочевнических древностей Урало-Поволжья [Гарустович, Иванов, 2014; Иванов, Гарустович, Пилипчук, 2014]. В 2015 г. определенный итог в изучении кочевников Золотой Орды, В.А. Иванов подводит в одноименной монографии [Иванов, 2015], которая, как и большинство работ, была написана по канонам археологического источниковедения.

Большое внимание профессор В.А. Иванов уделял и продолжает уделять *популяризации изучения прошлого*, стремясь привлечь к историческому знанию не только квалифицированных членов исторического сообщества, но и неискушенных в тонкостях исторической науки читателей. Уже в 1980-х гг. особенно интересной в этом плане стала книга «Путями степных кочевий»

[Иванов, 1984б]. В ней автор обратил внимание на особенности природных условий региона и их влияние на развитие человеческого общества на разных его этапах, на «территориальный фактор» – соседство и взаимодействие двух особых «миров» – оседлого и кочевого населения, влияние миграций на судьбу региона, особое внимание было обращено на мадьярский племенной союз, также отмечено последующее громадное влияние монгольского завоевания на регион.

Через 10 лет выходит уже ставшая своего рода бестселлером научно-популярной литературы книга – «Откуда ты, мой предок», открывшая для широкого круга читателей научно-популярную серию «Тысячелетия вокруг Урала» [Иванов, 1994].

За последнее десятилетие научно-популярная серия «Мой Урал сквозь столетия» (ГУП РБ БИ «Китап» им. Зайнаб Биишевой) пролила свет на немалое количество темных пятен в древней и средневековой истории региона для широкого круга читателей. В.А. Иванов стоял у истоков данной серии и внес значительный вклад в популяризацию историко-культурного наследия Урало-Поволжского региона. Первой в данной серии появляется работа «Путешествие Ахмед ибн Фадлана», где в популярной форме освещаются события X в., связанные с посольством, отправленным в 921 г. халифом ал-Муктадиром из Багдада в Волжскую Булгарию с целью установления связей между Багдадским халифатом и Волжской Булгарией [Иванов, 2010]. Отметим, что именно серия «Мой Урал сквозь столетия» является единственной в Республике Башкортостан, в которой в научно-популярной форме отражены интересные и отчасти уникальные странички древней истории, хочется верить, что данная серия будет продолжаться.

Также было уделено внимание отражению *духовных представлений населения Урала* и их выражению в изобразительном искусстве. В 2012 г. в соавторстве Г.Т. Обыденновой выходит следующая книга из рассматриваемой серии «Древние живописцы Урала», в которой описываются начальные этапы становления и развития изобразительного искусства у племен, населявших Урал в эпоху глубокой древности. Авторы, опираясь на материалы, полученные из известных, уникальных археологических памятников, пещер: Шульган-Таш (Каповая), Игнатьевская (Ямазы-Таш), Идрисовская (Киссяташ, Дворец, Краснопольская) и др., «расшифровывают» основные сюжеты и образы наскальной живописи, проводят параллели между ними, мифами и религиозными верованиями Урала [Иванов, Обыденнова, 2012].

В 2017 г. выходит монография «Это были башкиры...», которая посвящена начальным этапам *этнической истории* башкирского народа. Наряду с письменными источниками (нарративы, произведения башкирского фольклора, башкирские родословные) исследователями был детально проработан археологический материал. В результате была выстроена картина этногенеза башкир с конца I тыс. н.э. до позднего средневековья [Иванов, Злыгостев, 2017].

Заключение

Ну и в окончании нашей статьи хочется от лица всех учеников и коллег поздравить Владимира Александровича с юбилеем. Выразить благодарность и пожелать крепкого здоровья, семейного благополучия, творческих сил и новых научных открытий, которые позволят нам написать еще не одну подобную статью.

Библиографический список

1. Бакиров Н.К., Евдокимова В.П., Иванов В.А. Опыт статистического анализа археологического материала VII–IX вв. Южного Урала и Приуралья: препринт. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1986. – 34 с.
2. Бадер О.Н. Памятники турбинского типа в Среднем Прикамье // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). – М.–Л.: Наука. 1961. – Вып.99. – 198 с., илл.
3. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. – 285 с.
4. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Материалы по археологии средневековых кочевников Южного Урала (IX–XV вв. н.э.). – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 328 с.
5. Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. № 1. – С. 114–136
6. Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / Отв. ред. С.П. Пачкова. – Киев: Наук.думка, 1990. – 304 с.
7. Иванов В.А. Население Нижней и Средней Белой в ананьинскую эпоху / дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1978. – 177 с.
8. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (I тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.). – М.: Наука, 1984а. – 88 с.
9. Иванов В.А. Пути степных кочевий. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984б. – 135 с.
10. Иванов В.А. Magna Hungaria археологическая реальность? // Проблемы древних угров на Южном Урале. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. – С.53–66
11. Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). – СПб.: УНЦ РАН, 1994. – 124 с.
12. Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа: Гилем, 1999. – 123 с.
13. Иванов В.А. Археологические культуры Южного Урала второй половины I тыс. н.э. в контексте концепции об уральской прародине древних мадьяр // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2008. – С. 84–88
14. Иванов В.А. Социальный мир Золотой Орды и его отражение в археологических материалах // Золотоордынское наследие: Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». – Казань: Инст. истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. – С. 15–23
15. Иванов В.А. Путь Ахмеда ибн-Фадлана. – Уфа: Китап, 2010. – 64 с.
16. Иванов В.А. Финно-угорская тематика в современной археологии Башкортостана // Поволжская Археология. – 2014. № 4 (10). – С. 58–81
17. Иванов В.А. Кочевники Золотой Орды: история, культура, религия. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2015. – 208 с.

18. Иванов В.А. Этнокультурные процессы в Урало-Поволжье в эпоху средневековья: процессуалистская и постмодернистская концепции // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева (материалы Всероссийской научной конференции с международным участием). – Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. – С. 291–293
19. Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 396 с.
20. Иванов В.А., Злыгостев В.А. Это были башкиры...– Уфа: Китап, 2017. – 128 с.
21. Иванов В.А., Иванова М.И. Хранитель лучших исследовательских традиций в уральской археологии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная: сб. науч. тр. к 50-летию юбилею Н.Б. Крыласовой / под общ. ред. А.М. Белавина. – 2017. – С. 13–17
22. Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). – Пермь: ПГПУ, 2006. – 162 с.
23. Иванов В.А., Обыденнова Г.Т. Древние живописцы Урала. – Уфа: Китап, 2012. – 64 с.
24. Иванов В.А., Чичко Т.В. Статистико-типологический анализ керамики с поселений эпохи поздней бронзы в низовьях р. Белой (еще раз о проблеме генезиса ранней ананьинской культуры шнуровой керамики – АКШК) // Поволжская Археология. – 2019. № 1 (27). – С. 121–135
25. Клейн Л.С. New Perspectives of Archeology // СА. – 1973. №2. – С. 303–312
26. Клейн Л.С. J.N. Woodall. AnIntroductionto Modern Archeology // СА. – 1975. № 3. – С. 267–273
27. Кузнецов О.В. Процессуализм и постпроцессуализм в современной археологической теории // Известия Лаборатории древних технологий ИрГТУ. – 2004. Вып. 2. – С. 19–23
28. Федоров-Давыдов Г.А. Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка // СА. – 1970. № 3. – С. 258–270

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 902.01: 543.42: 543.442:543.5

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-14-26

И.Г. Мокрушин,¹ М.П. Красновских,¹ Ю.А. Подосенова,^{2,3} А.Н. Сарапулов²
ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ*

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ

² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

³ Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, РФ

Комплексное изучение культурного слоя, артефактов и реконструкция окружающей среды сегодня представляется невозможным без использования естественнонаучных методов, которые гарантируют достоверность археологических исследований и подчеркивают объективность научных результатов. В данной работе описаны различные инструментальные методы анализа, которые могут быть использованы археологами Камской археолого-этнографической экспедиции в сотрудничестве с Химическим факультетом ПГНИУ. Среди них выделяются: термический анализ (СТА, ТА, ТГ, ДТГ, ДТА, ДСК); сканирующая электронная микроскопия (СЭМ); рентгенофлуоресцентный анализ (РФА); рентгенофазовый анализ и рентгеновская дифрактометрия (РФА); инфракрасная и ультрафиолетовая спектроскопия (ИК, УФ); хроматография (ХМС, ГХ-МС, ВЭЖХ); спектроскопия ядерного магнитного резонанса (ЯМР); элементный анализ (ЭА, АЭА, ИСП); механический анализ.

Трудно переоценить роль описываемых методов, их вклад в интерпретацию археологических материалов и реконструкцию среды обитания, хозяйственного уклада, экономической и культурной деятельности наших предков.

На основании представленной статьи возможна разработка списка рекомендаций по единообразному описанию археологических находок с помощью физико-химических методов анализа, который позволил бы классифицировать полученные при работе на раскопе данные и разработать единый универсальный язык общения археологов, исследующих различные памятники в разных частях света.

Основы междисциплинарного сотрудничества, заложенные в данном обзоре, позволяют решать поставленные учеными-археологами задачи методами физико-химического аппаратного анализа, реализовать которые могут только ученые-химики.

Ключевые слова: физико-химический анализ, сканирующая электронная микроскопия, СЭМ, термический анализ, СТА, пиролиз рентгенофлуоресцентный анализ, РФА, рентгенофазовый анализ и рентгеновская дифрактометрия, РФА инфракрасная и ультрафиолетовая спектроскопия, ИК, УФ, хроматография, ГХ-МС, ВЭЖХ, спектроскопия ядерного магнитного резонанса, ЯМР, элементный анализ, АЭА, ИСП, механический анализ, микротвёрдость, археология, находки, минералы, керамика, металл, стекло, красители, пигменты.

I.G.Mokrushin,¹ M.P.Krasnovskikh,¹ Yu.A.Podosenova,^{2,3} A.N.Sarapulov²
PHYSICAL-CHEMICAL METHODS OF ANALYSIS IN ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH

¹ Perm State University, Perm, Russia

² Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

³ Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (PFRC UB RAS), Perm, Russia

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

A comprehensive study of the cultural layer, artifacts and the reconstruction of the environment today seems impossible without the use of natural scientific methods that guarantee the reliability of archaeological research and emphasize the objectivity of scientific results. This paper describes various instrumental methods of analysis that can be used by archaeologists of the Kama archaeological and ethnographic expedition in cooperation with the Faculty of Chemistry of Perm State National Research University. Among them stand out: thermal analysis (STA, TA, TG, DTG, DTA, DSC); scanning electron microscopy (SEM); X-ray fluorescence analysis (XRF); X-ray phase analysis and X-ray diffractometry (XRD); infrared and ultraviolet spectroscopy (IR, UV); chromatography (GC-MS, HPLC); nuclear magnetic resonance (NMR) spectroscopy; elemental analysis (EA, AES, ICP); mechanical analysis.

The described methods contribute greatly to the interpretation of archaeological materials and the reconstruction of the habitat, economic structure, economic and cultural activities of our ancestors.

On the basis of the presented article, it is possible to develop a list of recommendations for a uniform description of archaeological finds using physicochemical methods of analysis, which would allow classifying the data obtained during excavation work and developing a single universal language of communication for archaeologists who study various sites in different parts of the world.

The foundations of interdisciplinary cooperation, laid down in this review, make it possible to solve the problems posed by scientists-archaeologists by methods of physical and chemical instrumental analysis, which can only be realized by chemists.

Keywords: *physicochemical analysis, scanning electron microscopy, SEM, thermal analysis, STA, pyrolysis, X-ray fluorescence analysis, RFLA, X-ray phase analysis and X-ray diffractometry, XRF infrared and ultraviolet spectroscopy, IR, UV, chromatography, GC-MS, HPLC, nuclear magnetic resonance spectroscopy, NMR, elemental analysis, AES, ICP, mechanical analysis, microhardness, archeology, finds, minerals, ceramics, metal, glass, dyes, pigments.*

Введение

Отличием человека от животного, отмеченным американским профессором Джозефом Ламбертом, является умение проводить химические реакции [Раков, 1999].

Процессы, протекающие при термической обработке пищи, стали первым неосознанным химическим опытом формирующегося человечества. Последовавшее затем закономерно необходимое развитие технологических навыков обращения с огнём для производства посуды и орудий труда явилось толчком для изучения химического превращения минералов и глины, получения металлов и керамических изделий. Важными вехами развития стали использование и переработка сырья растительного и животного происхождения, способы химической консервации, окрашивание текстиля, получение цветных эмалей, дубление кож, создание мыла, получение композиционных материалов на основе глин, растительных компонентов и угля, изготовление ароматических веществ.

Время беспощадно уничтожает произведения человеческих рук. Зачастую для изучения остаются лишь небольшие фрагменты. Работа археолога, состоящая в восстановлении аспектов всех сфер жизни человека, основанная на изучении древних предметов – орудий труда, посуды, оружия, а также следов жизнедеятельности, оставленных в окружающей среде, немыслима без современных естественнонаучных методов исследования. Микрохимический

анализ своеобразных «свидетелей» прошлого, дополняемый геологией, биологией и физикой, помогает установить, например, места поселений и пастбищ, торговые связи между отдельными племенами, уровень развития технологии, реконструировать быт и среду обитания, воссоздать социокультурный облик человека прошедших эпох [Хакимова, Цыбиктаров, 2013; Lambert, 1997].

В археологической практике широко используют доступные средства физического, физико-химического или микрохимического анализа. Он основывается на принципах хемотаксономии, когда присутствие определенного соединения или распределение соединений в неизвестном образце сопоставляется с его присутствием в современном природном веществе. Грамотное определение и выбор метода работы в зависимости от поставленной задачи, сохранение находки для дальнейшего изучения, как правило, ставится во главу угла при проведении исследования. Способность выбрать наиболее эффективный метод исследования зависит от предмета и объекта изучения. Результативность зачастую определяется правильной постановкой *цели исследования* и умением определить значение тех отдельных фактов, которые устанавливаются в ходе работы. Для корректной интерпретации результатов исследования необходим специалист, обладающий даром предвидения, знакомый как со спецификой труда археологов, так и со свойствами изучаемого материала, а также с возможной реакцией этих материалов на применение того или иного аналитического метода [Осипова, 2012].

Неразрушающие описательные исследования применимы к большинству артефактов, в то время как дополнительные исследования, требующие *изъятия пробы*, повреждения или безвозвратного разрушения артефакта, иногда являются единственным способом получить необходимый естественнонаучный материал [Цыбульская и др., 2010].

В мировой литературе только формируется стандартный подход к исследованию находок с применением методов естественных наук. Проблемой является то, что у археологов отсутствует широкий доступ к использованию физических и химических методов, наблюдается бессистемность и случайность получаемых результатов, и, как следствие, невозможность их сравнения [Молодин, Мыльникова, 2015].

Создание экономичного и информативного подхода, стандартизация методик, отработка единых механизмов для анализа и интерпретации результатов при многообразии используемых методов являются приоритетной задачей [Дребущак и др., 2006].

Наблюдается тенденция к формированию *баз данных*, систематизирующих знания по различным направлениям, например по погребальному обряду средневекового населения Предуралья, сельскохозяйственному инвентарю, костяным изделиям, включающим результаты палеозоологического анализа, а также металлических изделий разного предназначения (ножи, наконечники стрел, мечи, напильники, зубила), содержащих краткое описание (памятник, год раскопок, автор раскопок, шифр, название предмета) и данные, полученные при проведении металлографического анализа (микроструктура металла, шлаковые включения, уровень углерода, микротвердость, технологическая схема, особенности изготовления изделия) [Белавин, 2016].

Таким образом, интерпретация лабораторных данных – наиболее ответственный этап исследования. Объективный характер естественнонаучных аналитических методов гарантирует высокую точность и достоверность, в то время как правильность прочтения и истолкования полученных данных в значительной степени зависит от субъективной оценки интерпретатора – его умения разобраться в большом числе подчас противоречивых фактов [Гренберг, 1976, с. 38; Бахматова, 2013].

Характеристика физико-химических методов анализа

Рассмотрим основные инструментальные методы исследования, доступные учёным-археологам Прикамья.

Термический анализ изучает изменение определенного свойства образца под воздействием температуры. В зависимости от наблюдаемого свойства и результата измерения выделяют Дифференциально-термический анализ (ДТА) для определения температуры фазовых превращений; дифференциально-сканирующую калориметрию (ДСК) – теплоты фазовых превращений; термогравиметрический анализ (ТГА) – масса образца; термомеханический анализ (ТМА) – линейные размеры образца; дилатометрия (Дил) – объём и линейный размер образца; динамический механический анализ (ДМА) – механическая жёсткость и амортизация; анализ выделяемых газов (ГТА; АВГ) – газовые продукты разложения. Группа методов относится к разрушающим, однако для анализа требуются микроколичества представительного образца (порядка 50 мг). Здесь и далее в описании метода приводится масса анализируемого образца, зачастую необходимы большие массы самой археологической находки, из которой потребуется извлечение представительных проб.

Сканирующая электронная микроскопия (СЭМ) пригодна для изучения микроструктуры твердых тел, их локального состава с помощью электронного пучка и соответствующего аналитического комплекса. Часто визуальное исследование поверхности образца может быть совмещено с определением качественного и количественного химического состава поверхности с помощью **рентгенофлуоресцентного анализа (РФА)**. Последний метод, в свою очередь, основан на измерении рентгеновской флуоресценции атомов, и может применяться в виде самостоятельного метода, даже в полевых условиях. Он относится к неразрушающим видам анализа, что позволяет сохранить археологическую находку для дальнейшего описания и изучения, и позволяет работать даже со следовыми количествами вещества.

Рентгенофазовый анализ (РФА) позволяет установить фазовый (химический) качественный и количественный состав (например, керамики, почвы, минерала, металлического артефакта) с помощью отражения рентгеновских лучей от слоёв кристаллов по всему объёму образца. Высоко достоверный и экспрессный метод исследования относится к неразрушающим методам, который также можно применять на месте проведения раскопок для образцов массой от 100 мг.

Инфракрасная и ультрафиолетовая спектроскопия (ИК, УФ) изучает взаимодействие соответствующего вида излучения с веществами массой от 1 мг и позволяет идентифицировать химические вещества или функциональные

группы в твердых, жидких или газообразных формах, в т.ч. с автоматическим поиском по базам данных.

Хроматография исторически сложилась как метод разделения и анализа смесей веществ (чувствительность по одному соединению, далее просто *чувствительность*, от тысячных долей миллиграмма). Среди множества вариаций для целей археологии можно отдельно выделить хромато-масс-спектрометрию (ХМС) и её разновидности: газовую (ГХ–МС) и высокоэффективную жидкостную (ВЭЖХ–МС), включающую предварительное разделение исходной сложной смеси массой от нескольких миллиграмм на относительно простые, которая позволяет идентифицировать по базам данных органические соединения с помощью характерных «отпечатков пальцев» – масс-спектров.

Спектроскопия ядерного магнитного резонанса (ЯМР) регистрирует отклик атомных ядер, вызываемые радиочастотным излучением и может быть использована для качественного и количественного определения как органических, так и неорганических соединений в составе образца. ЯМР, позволяющий изучать образцы массой от 1 мг, делится на твердотельный анализ и спектроскопию растворов.

Элементный анализ (ЭА) позволяет вести качественное обнаружение и количественное определение содержания элементов и элементного состава веществ, материалов и различных объектов. Отдельно стоит выделить атомно-эмиссионный анализ (АЭА), масс-спектроскопию с индуктивно-связанной плазмой (ИСП) и непосредственно анализ углерода, водорода, азота, серы с помощью CHNS анализатора.

В исследовательской работе археолога широко используются различные методы материаловедения и **механический анализ** образца, включающий определение гранулометрического состава смесей, изучение прочности и вязкоупругих свойств объектов, микротвердости поверхностей, исследование газо- и водонасыщения, термомеханический анализ в условиях различных статических и механических нагрузок (ТМА).

Анализ металлических находок

Для археолога, исследующего сложные процессы становления, развития и трансформации культур, начиная с эпохи энеолита, актуальнейшей задачей является использование естественных методов для изучения состава и способа изготовления предметов (и монет) из металла – золота и серебра, меди (бронзы, в том числе сложных составов, содержащих цинк и другие цветные металлы) и железа. В металлических изделиях содержится бесценная информация о месте и времени добычи руды, о навыках и возможностях металлурга-литейщика, о способах и приемах обработки полученного изделия, об истории использования и ремонта [Тишкин, Хаврин, 2006; Цыбульская и др., 2010; Колмыков, Созинов, 2016; Савельева, 2010; Шайхутдинова и др., 2018; Schreiner и др., 2004].

Ранее описан с использованием обсуждаемых методов широкий набор технологических операций кузнеца, в том числе: свободная кузнечная ковка, двухслойная и многослойная сварка, наварка стального твердого лезвия на более мягкую основу, термическая обработка стали и некоторые приемы холодной обработки металла (клёпка, обрубка, обточка) [Зиняков, 2012]. Возможно

установить шлаковые и неметаллические включения в виде точечных и строчечных оксидов и сульфидов, дефекты металлургического производства, структурные составляющие сплавов (например, феррита-перлита с добавлением углерода), локальные науглероженности, следы травления и упрочняющей термообработки [Цыбульская и др., 2014]. Интересно отметить, что возможен анализ даже мелких находок, покрытых слоями коррозии [Лобода и др., 2018; Подосенова, Сарапулов, 2013].

Можно с уверенностью считать, что булат является первым в мире композиционным материалом на основе железа и углерода, обладающим неравновесной структурой с ярко выраженной макро- и микронеоднородностью по слоям или волокнам из-за разного содержания углерода. В процессековки слои или волокна могут перемещаться, образуя характерный рисунок, т.е. булат – узорчатая сталь. После специальных методовковки, термомеханической и термической обработок и отделки булат приобретает замечательные свойства: высокую твердость, прочность, вязкость и упругость. Чередование слоев или волокон с разной структурой и свойствами на лезвии булатного изделия превращает его в микропилу и обеспечивает самозатачиваемость [Гуревич, 2005].

Особо выделяется группа химических и инструментальных методов, применяемых при реконструкции ювелирного дела и металлургии различных памятников, позволяющих дать общую характеристику ювелирного ремесла на изучаемой территории. На основе проведенных ранее классификаций височных колец, браслетов, пронизок, привесок, бус, поясных наборов, могут быть датированы ювелирные изделия и сами археологические памятники [Крыласова, Подосёнова, 2015].

Анализ керамических находок

Инструментальный анализ направлен, прежде всего, на выявление признаков, позволяющих идентифицировать технические и технологические традиции и приемы древнего гончарства: сырьевую стратегию и рецептуру формовочных масс, реконструировать гончарную технологию. В научных источниках показаны возможности ЭА, РФА, РФЛА, ТА, ТГ, ТМА, ДСК, ИК, СЭМ для анализа керамики. Данная информация позволяет локализовать керамические образцы в соответствии с сырьевым источником.

Использование физико-химических методов для изучения древней керамики может существенно расширить возможности исследования материала по сравнению с традиционными методами и увеличить уровень доказательности и объективности выдвигаемых историко-культурных положений [Молодин, Мыльникова, 2015].

Методы современных строительных ГОСТов применяются с целью идентификации керамической продукции конкретного гончарного центра и определение месторасположения источников сырья, также могут быть применены к изучению обожжённой глины. Эта группа включает исследование водонасыщения, петрографический метод, порометрию, испытания керамики на прочность в зависимости от характера примесей, температуры обжига и качества глины, сходств и отличий в технологии керамического производства [Сумманен, Светов, 2017; Востриков, Бородин, 2018; Поташева, Светов, 2014; Corti и др., 2013].

Методы термического анализа широко применяются для определения качества и режимов обжига керамики (в том числе в простейшем теплотехническом устройстве – костре), проводится сравнительный анализ сохранности глинистых компонентов в формовочных массах [Дребущак и др., 2010; Мыльникова, 2017; Krapukaitytė и др., 2008].

Таким образом, применение аналитических методов в изучении керамики даёт большие возможности лишь при использовании комплекса методов, а корректная интерпретация результатов зависит от множества факторов, в первую очередь, от компетентности исследователей и аналитиков.

Анализ стеклянных находок

Актуальное описание культурно-исторического и историко-технического аспекта технологии производства, а также физико-химических методов, подходящих для определения состава стекла и определения конкретных компонентов, наиболее полно приводится в книге «Современные методы анализа археологического и исторического стекла» [Jones и др., 2013].

Основными направлениями анализа являются: определение основных составляющих стекла и их контекстуализация; определение происхождения стеклянного сырца и, как следствие, торговых маршрутов; степень переработки стеклобоя, если таковая имеется, в качестве альтернативы импорту свежего сырого стекла; выявление возможных связей между археологической типологией и химическим составом стекла [Maltoni и др., 2015].

Стеклянные изделия бывают: свинцовой, известково-щелочной и калийно-известковой природы. Для окраски глазури и стекла использовались классические элементы: олово для белого, кобальтовая руда для синего, медь для зеленого, марганец и железо для черного и железо для желтого. Глазурованная керамика и стекла, их керамические тела могут успешно идентифицироваться с применением портативных РФА спектрометров [El Amraoui и др., 2017].

Проводилось изучение стекловаренных тиглей и цветных смальт, в т.ч. смальты в образцах клея для кожи, а также механизмы их деградации и восстановления в климатической камере для описания влияния атмосферных воздействий и концентрации загрязняющих веществ на процесс разрушения этой системы окраски [Тихонов, Калинина, 2011; Altavilla, Ciliberto, 2004].

Анализ каменных находок, минеральных красителей и пигментов

На памятниках археологии минеральные красители могут встречаться в самом разном контексте, виде и состоянии: в виде следов окрашивания на предметах быта (например, на керамической посуде и костяных изделиях), в виде приготовленного к использованию пигмента, в виде сырья и т.д. [Серигов, 2014]. Для их анализа применимы методы ЭА, РФА, РФЛА, ТГ, ДСК.

Порошки пигментов, подвергшиеся термической и/или механической обработке, могут использоваться в чистом виде либо как компонент наполненных композиционных материалов, придающий им непрозрачность, цвет или другие свойства. В данном контексте интересна как семантика материала, так и физико-химический анализ, реконструкция технологии их изготовления и использования, поиск возможного сырья [Юдина и др., 2016].

Анализ минерального сырья и красителей

Наряду с определением источника происхождения минеральных красителей, одной из главных проблем изучения природных пигментов

в археологии является вопрос их происхождения. Множество работ посвящено разработке комплексной методики идентификации признаков термической обработки минерального сырья с использованием ЭА, ТА, РФА, РФЛА, ИК и СЭМ анализа [Калинин и др., 2018; Velraj и др., 2010; Hemamalini, Velraj, 2011; Пахунов и др., 2014; Pires, Cruz, 2007; Meyvel и др., 2012].

Анализ находок органического происхождения

При анализе находок органического происхождения целесообразно пользоваться методами ЭА, ИК, ЯМР, ТА, ГХ-МС (либо ВЭЖХ-МС) анализа.

Малые количества органических остатков, которые служат прямым доказательством деятельности человека, сохраняются в культурном слое лучше, чем считалось ранее. Возросшая чувствительность современных аналитических спектральных приборов позволяет получить ранее недоступную информацию о составе находки как на молекулярном, так и структурном уровнях.

Типичные встречающиеся в природе органические материалы включают масла, жиры, воски, смолы, красители, камеди, углеводы, белки, битумные материалы и целлюлозные материалы. Эти соединения позволяют археологам и археохимикам получить представление о жизни и обычаях прошлых поколений, включая торговлю, диету, переработку и хранение пищевых продуктов. С того момента, как эти вещества производятся и используются, они подвергаются воздействию условий окружающей среды, способных изменить исходный материал. Всесторонне описаны и могут использоваться в работе устойчивость органических веществ и пигментов к выщелачиванию и экологической деградации определяются структурными и молекулярными особенностями [Reber, 2014]. Некоторые материалы, такие как жиры и целлюлозные материалы, могут претерпевать химические или микробные изменения, которые изменяют исходные компоненты (например, всем известен факт, что масло становится горьким за счет окисления кислородом воздуха), тогда как другие, такие как даммар, мастика и ладан, сохраняют свой характерный состав в течение тысяч лет.

В общем, молекулярные маркеры принадлежат к классу соединений, называемых липидами, гетерогенной группе молекул, которая включает жиры и масла, а также молекулы с общей растворимостью, такие как составляющие смол и восков. Интерес для исследователя представляют остатки пищи и натуральных продуктов, а также результаты манипуляций с ними (например, их приготовления, консервации, термообработки). Стабильные соотношения изотопов имеют особое значение для исследований пищевых сетей из-за характерных изотопных сигнатур растений, использующих различные пути фотосинтеза. Эти отличительные соотношения передаются по пищевой цепочке травоядным и плотоядным животным [Heron, Stacey, 2000].

В литературе встречаются данные об анализе археологических образцов гудрона, древесных и нефтяных смол, герметиков, ископаемых смол и янтаря, канифоли, камеди, белковых материалов, масел, жиров, растительных и пчелиных восков (например, в виде остатков на поверхностях сосудов) [Ghisalberti, Godfrey, 1998], погребальных бальзамов и следов красок, пропитанных в текстиль [Beck и др., 1974], навоза и продуктов жизнедеятельности [Pecsi, 2018].

Отдельно стоит отметить проработанные методики определения старения и деградации древесных (вплоть до определения угля и обгоревших остатков), волосяных, кожаных и костяных изделий, предметов быта, одежды, украшений, упряжки коней и т.д., в т.ч. с возможностью отдельной видовой идентификации находок [Полосьмак и др., 1995; Сапрыкина, Пельгунова, 2013]. Разрабатываются методики комплексного анализа обугленных древесных остатков, создаются базы данных для идентификации археологического угля [Мокрушин и др., 2019].

Интересен опыт идентификации принадлежности янтаря к балтийской или украинской группам с помощью девяти (!) видов инструментальных методов, а также определения плотности, микротвёрдости растворимости, содержания золы, содержания серы, присутствие янтарной кислоты [Воротников и др., 2018; Мокрушин и др., 2020]. Янтарь, возраст которого насчитывает много миллионов лет, является полимерной матрицей, сохраняющей различные включения, поскольку его ядро защищено выветрившимся внешним слоем [Merkevičius и др., 2007].

Таким образом, несмотря на тенденцию к разложению, целостность некоторых остаточных органических археологических материалов часто сохраняется, тем самым обеспечивая источник ценной археологической информации.

Заключение

На основании приведенного обзора возможна разработка списка рекомендаций – своеобразной путевой карты – по единообразному описанию археологических находок с помощью физико-химических методов анализа, который позволил бы классифицировать и систематизировать (в том числе с созданием онлайн баз данных) полученные при работе на раскопе данные и разработать единый универсальный язык общения археологов, исследующих различные памятники в разных частях света.

Создание экономичного и информативного подхода, стандартизация методик и их опубликование, отработка единых механизмов для анализа и интерпретации результатов при многообразии используемых методов являются приоритетной задачей, включающей: разработку универсального языка и условных обозначений с целью перевода информации в машинопонятный вид (для ведения атрибутики и разделения классов археологических объектов); систематизацию новых методических наработок получения метрической информации, принципов и правил ведения подобных исследований и обработки фактического материала, базирующихся на современной технической и технологической основе.

Библиографический список

1. Бахматова В.Н. Использование естественнонаучных методов в изучении неполивной керамики (на примере джукетаусской группы керамики Волжской Болгарии) «Актуальная археология: археологические открытия и современные методы исследования» // Тезисы научной конференции молодых ученых Санкт-Петербурга. – СПб.: ИИМК, 2013. – С. 29–31
2. Белавин А. М. Патент № 2016621611. Результаты металлографического анализа изделий из железа из средневековых памятников Пермского

- Предуралья. заявл. 13.10.2016. опубл. 20.12.2016 // Белавин А.М., Чирков М.В. Заявитель, патентообладатель Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.
3. Воротников Б.Ю., Булычев А.Г., Мещеряков А.Н., Мусурчак М.С., Попов Е.А. Сравнительный анализ образцов балтийского и украинского янтаря // Балтийский морской форум: Материалы международного Балтийского форума. Калининград: КГТУ; Балт. гос. акад. рыбопромысл. флота, 2018. – С. 65–70
 4. Востриков С.С., Бородина В.В. Проблемы физико-химического исследования керамики из археологических памятников Нижнего Дона // Нижневолжский археологический вестник. – 2018. – Т. 17. №. 2. – С. 70–81
 5. Гренберг Ю.И. Основы музейной консервации и исследования произведений станковой живописи. – М.: Искусство, 1976. – 221 с.
 6. Гуревич Ю.Г. Булат – первый в мире композиционный материал // Вестник Курганского государственного университета. – 2005. №2 (2). – С. 53–56
 7. Дребуцак В.А. Болдырев В.В., Молодин В.И. Физико-химическое исследование керамики (на примере изделий переходного времени от бронзового к железному веку). Рос. акад. наук, Ин-т археолог. и эти., науч.-образовательный центр «Молекулярный дизайн и экологически безопасные технологии» при Новосибирском гос. ун-те. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 98 с.
 8. Дребуцак В.А., Мыльникова Л.Н., Дребуцак Т.Н. Физикохимическое исследование керамики с поселения переходного времени от бронзового к железному веку Линево–1: возможности методов и интерпретация результатов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. №. 4. – С. 60–75
 9. Зиняков Н.М. Кузнечное производство г.Тобольска XVII–XVIII вв. (металлографическое исследование хозяйственного инвентаря) // Вестник КемГУ. – 2012. №1. – С. 46–52
 10. Калинин П.И. Трифонов В.А., Шишлина Н.И., Алексеев А.О. Красные пигменты в погребениях эпохи бронзы на Северном Кавказе: методика идентификации признаков термической обработки минерального железосодержащего сырья // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. Т. 23. №. 3. – С. 82–91
 11. Колмыков Р.П., Созинов С.А. Оптико-эмиссионная спектроскопия с индуктивно связанной плазмой в археологии для анализа древних металлических изделий на основе меди // Успехи современного естествознания. – 2016. № 11–2. – С. 226–231
 12. Крыласова Н.Б., Подосёнова Ю.А. Металлургическая мастерская с Рождественского городища: к вопросу о развитии товарного производства в Пермском Предуралье // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. – 2015. №. 4. – С. 27–41
 13. Лобода А.Ю., Терещенко Е.Ю., Антипенко А.В., Ретивов В.М., Пресняков М.Ю., Колобылина Н.Н., Кондратьев О.А., Шишлина Н.И., Яцишина Е.Б., Кашкаров П.К. Методы определения элементного состава металла археологических объектов при коррозионных наслоениях и в ограниченных условиях пробоотбора материала // Поволжская Археология. – 2018. №4 (26). – С. 203–220

14. Мокрушин И.Г., Красновских М.П., Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Крыласова Н.Б., Сарапулов А.Н. Опыт определения пород древесины методом сканирующей электронной микроскопии (по материалам Рождественского городища в Пермском крае) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XV.: Хозяйственно-культурный облик Предуралья / отв. редактор Н.Б. Крыласова. – 2019. – С. 34–43
15. Мокрушин И.Г., Красновских М.П., Иванов П.А., Каменщиков О.Ю., Сарапулов А.Н., Подосенова Ю.А. Первые находки средневекового янтаря на территории Пермского Предуралья (использование методов инструментального анализа в изучении ископаемых археологических смол). Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Международной научной конференции, Тюмень, 2–6 ноября 2020 г. – Тюмень: Изд-во ТюмНЦ СО РАН, 2020. – Вып. 6. – С. 429–432
16. Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Теория и практика исследования древней керамики: традиционные и новейшие методы // Самарский научный вестник. – 2015. №3 (12). – С. 122–127
17. Мыльникова Л.Н. Термический метод в определении качества обжига керамики из памятников Барабинской лесостепи: неолит-переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – №. 4 (20). – С. 67–81
18. Осипова Т.В. Применение методов естественных наук в современных археологических исследованиях // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2012. № 27. – С. 870–872
19. Пахунов А.С. Пахунов А.С., Житенев В.С., Брандт Н.Н., Чикишев А.Ю. Предварительные результаты комплексного исследования красочных пигментов настенных изображений Каповой пещеры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – №. 4 (27). – С. 4–15
20. Подосенова Ю.А., Сарапулов А.Н. Ювелирные изделия городища Купрос // Казанская наука. – 2013. №. 6. – С. 20–24
21. Полосьмак Н.В., Власов А.А., Кундо Л.П., Малахов В.В., Овсянникова И.А., Плясова Л.М., Шумакова Е.В. Физико-химические методы в археологии. – Отчет о НИР/НИОКР. Российский фонд фундаментальных исследований, 1995. – № 95–06–17534.
22. Поташева И.М., Светов С.А. ICP-MS анализ древней керамики как метод определения источников сырья и места производства гончарной продукции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2014. №4 (141). – С. 71–77
23. Раков Э. Химия – археология – история // Химия. Первое сентября. – №23/1999.
24. Савельева А.С. Металл поселения Исток в Кузнецкой котловине: результаты рентгенофлуоресцентного анализа // Вестник НГУ. – Серия: История, филология. – 2010. №5. – С. 56–63
25. Сапрыкина И.А., Пельгунова Л.А. Перспективы исследования археологических предметов с помощью РФА-спектрометрии (на примере m4 Tornado Bruker, Германия) // Фотография. Изображение. Документ. – 2013. № 4. – С. 80–87

26. Сериков Ю.Б. Краски и цвет в ритуалах древности // Очерки по первобытному искусству Урала. – Ниж.Тагил: Изд. центр НТГСПА, 2014. – С. 141–159
27. Сумманен И.М, Светов С.А. ICP-MS исследование образцов формовочных масс лепной керамики средневековых памятников Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2017. №1 (162). – С. 18–26
28. Тихонов П.А., Калинина М.В. Физико-химическое исследование цветных смальт и стекловаренных тиглей из раскопок химической лаборатории и Усть-Рудицкой фабрики МВ Ломоносова // Ломоносов. Сб. статей и материалов. – 2011. №. 10. – 407 с.
29. Тишкин А.А., Хаврин С.В. Использование рентгено-флюоресцентного анализа в археологических исследованиях // Теория и практика археологических исследований. – 2006. №. 2. – С.143–156
30. Хакимова Э.О., Цыбиктаров А.Д. Междисциплинарные подходы в изучении бронзового и раннего железного веков Монголии // Вестник Томского гос. ун-та. – История. – 2013. №2 (22). – С. 129–132
31. Цыбульская О.Н., Буравлев И.Ю., Юдаков А.А., Гельман Е.И., Никитин Ю.Г. О влиянии гидротермальной обработки археологического металла на его металлографическую структуру // Вестник ДВО РАН. – 2014. №2 (174). – С. 62–67
32. Цыбульская О.Н., Буравлев И.Ю., Юдаков А.А., Никитин Ю.Г. Использование физико-химических методов анализа при изучении археологических объектов // Вестник ДВО РАН. – 2010. № 5. – С. 85–90
33. Шайхутдинова Е.Ф, Храмченкова Р.Х., Бакиров Б.А. Сравнительный анализ результатов исследования химического состава средневековых серебряных монет методами СЭМ, РФА и ОЭС // Археология евразийских степей. – 2018. №5. – С. 242–247
34. Юдина Е.А., Тонкушина М.О., Кулеш Н.А., Остроушко А.А. Элементный анализ археологической охры: методика и возможности применения рентгенофлуоресцентной спектроскопии (по материалам неолитических и энеолитических памятников Среднего Зауралья и Западной Сибири) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. №. 3 (34). – С. 21–34
35. Altavilla C., Ciliberto E. Decay characterization of glassy pigments: an XPS investigation of smalt paint layers //Applied Physics A. – 2004. – Vol. 79. – №. 2. – P. 309–314
36. Beck C.W., Fellows C.A., Mackennan E. Nuclear magnetic resonance spectrometry in archaeology. Advances in Chemistry; American Chemical Society: Washington, DC, 1974.
37. Corti C., Castelletti L., Rampazzi L., Bugini R., Sansonetti A., Biraghi M., Nobile I., Orsenigo C. Thermal analysis and archaeological chronology: the ancient mortars of the site of Baradello (Como, Italy) // Thermochimica Acta. – 2013. Vol. 572. – P. 71–84
38. El Amraoui M., Haddad M., Bejjit L., Ait Lyazidi S., Lakhal R. On-site XRF characterization of archaeological materials in CERA center of Rissani (Morocco) // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – IOP Publishing, 2017. – Vol. 186. – №. 1. – P. 12–29

39. Ghisalberti E.L., Godfrey I.M. Application of nuclear magnetic resonance spectroscopy to the analysis of organic archaeological materials // *Studies in conservation*. – 1998. – Vol. 43. – №. 4. – P. 215–230
40. Hemamalini R., Velraj G. FT-IR X-ray diffraction and thermal analysis to estimate the firing temperature of the archaeological samples excavated recently at Banahalli in Karnataka, South India // *Journal of Chemical and Pharmaceutical Sciences* 4(4). – P. 135–140
41. Heron C., Stacey R. Archaeology: uses of chromatography in // *Encyclopedia of Separation Science*. – 2000. – P. 2083–2089
42. Jones J.J., Schmelzer J.W., Gutzow I.S., Mazurin O.V., Todorova S.V., Petroff B.B., Priven A.I. Modern methods for analysing archaeological and historical glass. – 2013. – 746 pp.
43. Krapukaitytė A. Tautkus S., Kareiva A. & Zalieckienė E. Thermal analysis-a powerful tool for the characterization of pottery // *Chemija*. – 2008. – Vol. 19. – №. 2. – P. 4–8
44. Lambert J.B. Traces of the past, unraveling the secrets of archaeology through chemistry. – 1997. – 336 pp.
45. Maltoni S., Chinni T., Vandini M., Cirelli E., Silvestri A. & Molin G. Archaeological and archaeometric study of the glass finds from the ancient harbour of Classe (Ravenna-Italy): new evidence // *Heritage Science*. – 2015. – Vol. 3. – №. 1.
46. Merkevičius A., Bezdzicka P., Juškėnas R., Kiuberis J., Senvaitienė J., Pakutinskienė I. & Kareiva A. XRD and SEM characterization of archaeological findings excavated in Lithuania // *Chemija*. – 2007. – T. 18. – №. 1. – P. 36–39
47. Meyvel S., Sathya P., Velraj G. Thermal characterization of archaeological pot sherds recently excavated in Nedunkur, Tamilnadu, India // *Cerâmica*. – 2012. – Vol. 58. – №. 347. – P. 338–341
48. Pecci A. Chromatography and Archaeological Materials Analysis // *The Encyclopedia of Archaeological Sciences*. – 2018. – P. 1–4
49. Pires J., Cruz A. J. Techniques of thermal analysis applied to the study of cultural heritage // *Journal of Thermal Analysis and Calorimetry*. – 2007. – Vol. 87. – №. 2. – P. 411–415
50. Reber E.A. Gas Chromatography-Mass Spectrometry (GC-MS): Applications in Archaeology. In: Smith C. (eds) *Encyclopedia of Global Archaeology*. Springer, New York, NY. – 2014. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-0465-2_340.
51. Schreiner M., Frühmann B., Jembrih-Simbürger D., Linke R. X-rays in art and archaeology: an overview // *Powder Diffraction*. – 2004. – Vol. 19. – №. 1. – P. 3–11
52. Velraj G., Sudha R., Hemamalini R. X-Ray Diffraction and Tg-Dta studies of archaeological artifacts recently excavated in Salamankuppam Tamilnadu // *Recent Research in Science and Technology*. – 2010. – Vol. 19, Issue 1. – P. 3–11

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-27-32

Д.А. Демаков,¹ Е.Л. Лычагина,^{1,3} М.А. Кулькова²**ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
КАМЕННОГО СЫРЬЯ С МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОСА II***¹Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ²Российский государственный педагогический университет (РГПУ) им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, РФ³Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ

В статье представлены первые результаты петрографического анализа каменного сырья со стоянки Коса II. Сырье, из которого были изготовлены каменные артефакты, было достаточно однородным, что и привело к решению провести его петрографический анализ. Было отобрано пять образцов разного по внешним признакам сырья.

Петрографический анализ показал, что, несмотря на присутствие некоторых внешних отличий (в первую очередь, по цвету), все образцы разделились на 2 неравные группы. К первой группе относятся образцы № 1-3. Во всех случаях речь идет об окремненной яшме вулканогенно-осадочного происхождения. Из этого сырья изготовлено более 75% предметов. Вторая группа представлена разными по составу кремнями. К этой группе относится менее 20% находок.

Вероятно, решающую роль в выборе яшмы в качестве основного сырья для изготовления орудий сыграла ее легкая доступность в момент существования памятника. По всей видимости, обитатели стоянки не видели существенных отличий в рабочих свойствах яшмы и кремня. Типологический анализ орудий труда не выявил различий между видом сырья и типом орудия (исключение – твердые отбойники, которые представляют собой гальки из кварцито-песчаника). Исследования данной стоянки будут продолжены.

Ключевые слова: Коса II, стоянка, мезолит, раскопки, петрографический анализ, яшма, кремнь

D.A. Demakov¹, E.L. Lychagina^{1,3}, M.A. Kulkova²**THE FIRST RESULTS OF PETROGRAPHIC ANALYSIS OF STONE RAW
MATERIALS FROM THE MESOLITHIC SITE KOSA II**¹Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia²Russian state pedagogical University (RSPU) A.I. Herzen, Saint-Petersburg, Russia³Perm State University, Perm, Russia

The article presents the first results of petrographic analysis of raw materials from the Kosa II site. The raw materials from which the stone artifacts were made were quite homogeneous, which led to the decision to conduct petrographic analysis. Five samples of raw materials of different external characteristics were selected and directed for analysis.

The petrographic analysis carried out showed that, despite the presence of some external differences (primarily in color), all samples were divided into 2 unequal groups. The first group includes samples No. 1-3. In all cases, we are talking about silicified jasper of volcanic-sedimentary origin. The second group is represented by flints of different composition.

Probably the decisive role in the choice of jasper as the main raw material for the manufacture of tools was played by its easy availability at the time of the site's existence.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Apparently, the inhabitants of the site did not see any significant differences in the working properties of jasper and flint. The typological analysis of the tools did not reveal any differences between the type of raw material and the type of tool (with the exception of hard chippers, which are pebbles from quartzite-sandstone). The research of this site will be continued.

Keywords: Kosa II site, Mesolithic, excavations, petrographic analysis, jasper, flint.

Введение

Коса II, стоянка находится в 1,9 км к северу–северо-западу от пос. Кордон Косинского муниципального округа Пермского края. Стоянка расположена на пологом склоне первой надпойменной террасы р. Лолог. Её поверхность расчленена палеоруслуями, которые были активны во время формирования этой террасы, но, по-видимому, подновлялись и в позднеледниковое время, и в раннем голоцене, до начала формирования поймы реки. На подобном палеорусле и расположена стоянка.

Уступ, характерный для аналогичных террас, отсутствует, а склон постепенно переходит в заболоченную пойму, поросшую смешанным лесом. Поверхность стоянки возвышается над поймой не более чем на 1–4 м. Территория памятника поросла сосновым лесом и ягелем, ее пересекает лесная дорога [Демаков и др., 2019, с. 5].

Памятник был открыт в 1962 г. В.П. Денисовым. Им был собран подъемный материал, заложены два шурфа в западной и восточной частях памятника, определена его стратиграфия, снят топографический план [Денисов, 1963].

Исследование стоянки Коса II было возобновлено в 2018 г., когда отрядом КАЭЭ ПГГПУ под руководством Д.А. Демакова, была проведена разведка по территории Косинского района Пермского края. Для определения границ памятника и уточнения его культурной принадлежности были заложены 3 шурфа в северной, центральной и южной частях памятника общей площадью 9 м² [Демаков, 2019]. В 2019 г. работы на памятнике были продолжены, – к восточной стенке центрального шурфа был прирезан раскоп площадью 16 м².

Коллекция каменного инвентаря, полученная в ходе раскопок 2018-2019 гг., состоит из 851 предметов [Демаков, 2020, в печати].

Самой массовой категорией находок являлись чешуйки – 369 экз., затем пластины – 181 экз., сколы – 161 экз., отщепы – 117 экз. Среди пластин преобладают сечения, соотношение узких и средних пластин – 56%:44%, что не типично для камского мезолита огурдинского типа, с его преобладанием узких пластин [Лычагина, 2013, с. 41]. 5,5% от общей коллекции пластин составляют широкие пластины (шириной более 15 мм). Характерной чертой коллекции является намеренное расчленение средних пластин и отбор медиальных частей.

Так как сырье, из которого были изготовлены каменные артефакты, было достаточно однородным и отличалось от сырья с других мезолитических памятников Верхнего Прикамья (Огурдино, Чашкинское Озеро V, Чашкинское Озеро X, Чашкинское Озеро XI и др.), было принято решение провести его *петрографический анализ*. Для проведения анализа было отобрано 5 образцов разного по внешним признакам материала и направлено в Изотопный центр РГПУ им. А.И. Герцена.

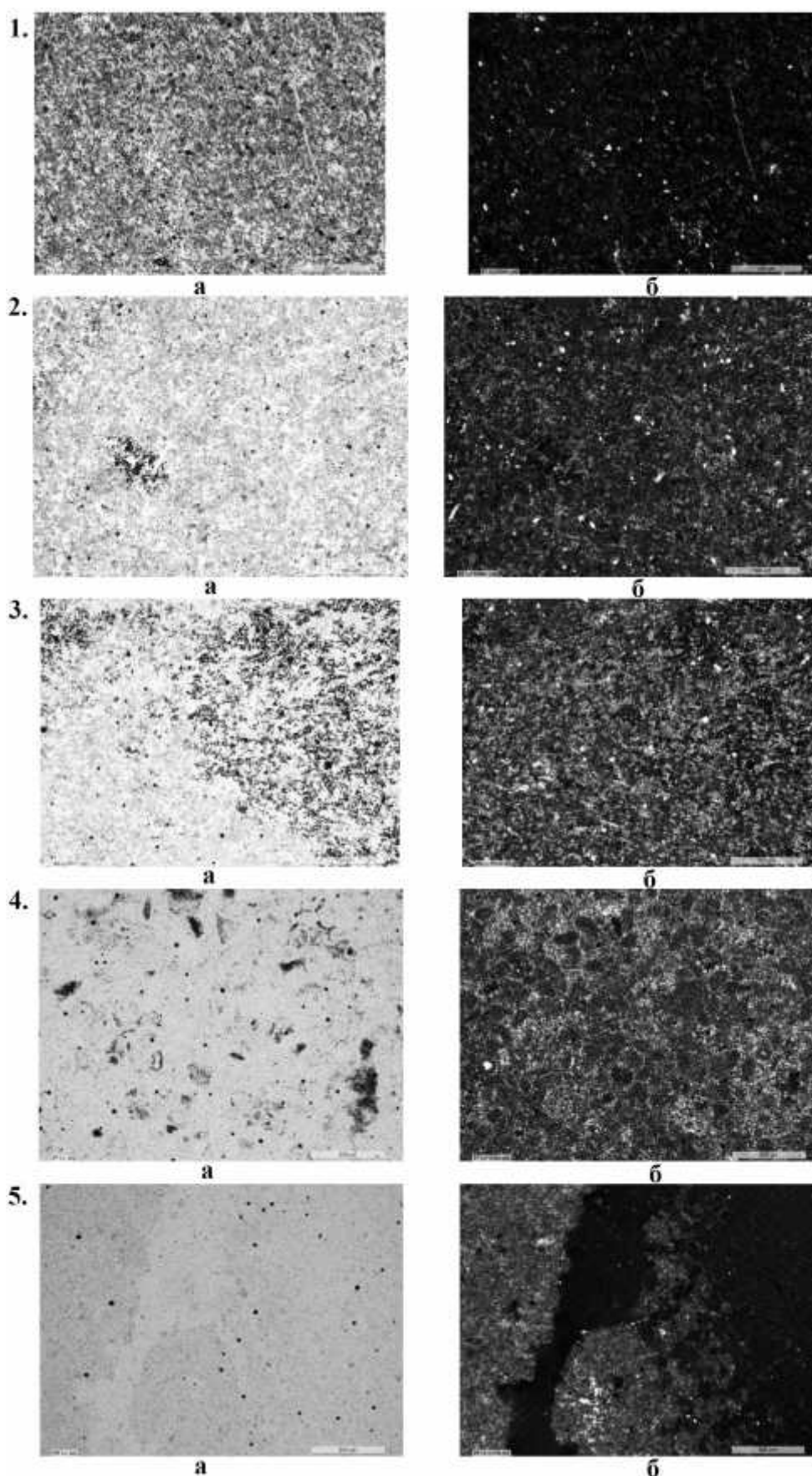

Рис. 1. Фотография образцов каменного сырья со стоянки Коса II (образцы № 1–5):
а – без анализаторов;
б – в поляризационном свете (линейка 1000 мкм, увеличение 65,7 раз)

Результаты петрографического анализа

Первый образец (рис. 1/1) – серовато-белого цвета, с дендритами окислов марганца. *В шлифе:* цвет: серовато-бордовый; структура: скрытокристаллическая. Состав: халцедон, замещающий спикулы губок. Цемент базальный, состоит из гематита, на границе с органогенными остатками – регенерационный. *Яшма вулканогенно-осадочная, окремненная.*

Второй образец (рис. 1/2) – *в шлифе:* цвет: серовато-бордовый; структура: скрытокристаллическая. Состав: халцедон, замещающий спикулы губок. Цемент базальный, состоит из гематита, на границе с органогенными остатками – регенерационный. *Яшма вулканогенно-осадочная, окремненная.*

Третий образец (рис. 1/3) – коричневатого цвета. *В шлифе:* цвет: серовато-бордовый; структура: скрытокристаллическая. Состав: Кварц-халцедон, замещающий спикулы губок. Цемент базальный, состоит из гематита, на границе с органогенными остатками – регенерационный. Включения гематита и гетита (45%). *Яшма вулканогенно-осадочная, окремненная.*

Четвертый образец (рис. 1/4) – *в шлифе:* цвет: светло-серый; структура: алевролитовая мелкозернистая, размер зерен 0,014 мм. Состав: преобладает кварц, размер зерен 0,014 и меньше, отдельные зерна, размером более 0,014 мм угловатые, погасание волнистое. В небольших трещинках наблюдается развитие концентрически-зональных кристаллов халцедона, размеры жеод до 0,3 мм. Большое количество органогенных кремневых скелетов морских организмов (раковин, спикул) размером 0,1–0,7 мм, количество органогенных включений около 40%. Встречаются отдельные зерна амфибола размером 0,1 мм. На границах зерен встречаются тонко рассеянные образования гетита и гидрогетита, изотропные, без скрещенных николей – черного и темно-коричневого цвета. Лимонит представлен овоидными образованиями, коллоидными, аморфными включениями. Цемент базальный, на границе с органогенными остатками – регенерационный. *Кремень кварцевый коричневого цвета, содержащий большое количество органогенных кремневых скелетов, некоторые замещенные карбонатом.*

Пятый образец (рис. 1/5) – *в шлифе:* цвет: светло-серый; структура: алевролитовая мелкозернистая, размер зерен 0,014 мм. Состав: кварц – 10%, размер зерен 0,014 и меньше, отдельные зерна размером более 0,014 мм угловатые, погасание волнистое. Халцедон – 80%, размер зерен 0,014 мм и меньше. В небольших трещинках наблюдается развитие концентрически-зональных кристаллов халцедона, размеры жеод до 1–2 мм, замещающих спикулы губок и фораминиферы. Присутствие органогенных кремневых скелетов морских организмов (фораминифер, спикул), размером 0,3–1 мм, количество органогенных включений около 30%. Содержание тонко рассеянного гетита – 7–12%. Цемент базальный, состоит из кварца, на границе с органогенными остатками – регенерационный. *Кремень розовато-бежевого цвета.*

Подводя итоги петрографического анализа, можно отметить следующее. Несмотря на присутствие некоторых внешних отличий (в первую очередь, по цвету), все образцы разделились на 2 неравные группы. К *первой группе* относятся образцы № 1–3 – во всех случаях речь идет об *окремненной яшме* вулканогенно-осадочного происхождения. Из этого материала изготовлено более

75% изделий. *Вторая группа* представлена разными по составу *кремнями*. К этой группе относится менее 20% находок [Демаков, 2019, 2020, в печати].

Обсуждение

Можно предположить, что *источниками сырья* могли являться аллювиальные отложения, накапливающиеся в русле притока р. Косы – р. Лолог. Аллювиальные отложения также слагают террасы и образовались в зоне псефито-петрографической провинции, в границах которой происходит транспортировка и накопление обломочного материала при размыве пермских конгломератов и эрратического материала с Урала и северо-запада Пермского края. По данным Б.С. Лунева [Лунегов, 2013], минеральный состав аллювиальных отложений по провинции (%): кварц – 11, карбонаты – 3, кварциты и кварцевые песчаники – 35, кремни и яшмы – 40, эффузивы – встречаются локально. Аллювий существенно обогащается кремнями, яшмами, в меньшей степени – кварцитами и кварцевыми песчаниками. Локально в аллювиальных отложениях может в большем количестве накапливаться яшмовая галька, в меньшем количестве – кремень. Вероятно, с этим могло быть связано преобладание яшмовых изделий в коллекции.

Петрографический анализ сырья соседних мезолитических памятников – стоянок Коса I и Коса III пока не проводился. Но визуально заметно сходство с материалами стоянки Коса I и различие с материалами стоянки Коса III, где преобладают цветные кремни [Денисов, Мельничук, 1987; Демаков и др., 2019]. Возможно, это отличие связано с хронологической разницей между памятниками. Судя по расположению памятников и типологии находок, стоянки Коса I и Коса II функционировали в один и тот же хронологический период, в то время как стоянка Коса III существовала несколько позднее [Зарецкая и др., 2019].

Заключение

Мы полагаем, что решающую роль в выборе яшмы в качестве основного сырья для изготовления орудий, сыграла ее легкая доступность в момент существования памятника. По всей видимости, обитатели стоянки не видели существенных отличий в рабочих свойствах яшмы и кремня. Типологический анализ орудий труда не выявил различий между видом сырья и типом орудия (за исключением твердых отбойников, в качестве которых использовались гальки из кварцито-песчаника). Возможно, это связано с незначительностью группы типологических орудий и отсутствием разнообразия в их видах [Демаков, 2019, 2020, в печати]. Трасологический анализ всей коллекции, который планируется провести в дальнейшем, поможет ответить нам на вопрос – были ли какие-то предпочтения в выборе сырья при работе по разным материалам.

Библиографический список

1. Демаков Д.А. Отчет об археологической разведке по левому берегу р. Косы, от пос. Кордон, до устья р. Лолог в Косинском районе Пермского края в 2018 г. / Рукопись. – Пермь: ПГГПУ, 2019. – 43 с., ил. – Архив МАЭ ПГГПУ.
2. Демаков Д.А. Отчет об археологической разведке по левому берегу р. Косы, от пос. Кордон, до устья р. Лолог в Косинском районе Пермского края в 2019 году / Рукопись. – Пермь: ПГГПУ, 2020. – 39 с., ил. – Архив МАЭ ПГГПУ.

3. Демаков Д.А. Поздний мезолит Верхнего Прикамья – к вопросу о неолитизации региона (на примере Косинских стоянок) // Материалы VI Всероссийского археологического съезда. – Самара (в печати). – С. 29-31.
4. Демаков Д.А., Лычагина Е.Л., Лаптева Е.Г. Первые итоги раскопок на мезолитической стоянке Коса II // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XV.: Хозяйственно-культурный облик Предуралья / отв. редактор Н.Б. Крыласова. – 2019. – С. 4–10
5. Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках и разведках, проведенных Косинским отрядом Верхне-Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета и Коми-Пермяцким окружным краеведческим музеем в июне-августе 1962 г. / Рукопись. – 46 л., 23 ил. – Архив ИА РАН. Ф–1. Р–1. № 2478.
6. Денисов В.П., Мельничук А.Ф. Косинская I, стоянка – памятник позднего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск: НИИ при Совете Министров Уд. АССР, 1987. – С. 19–25
7. Зарецкая Н.Е., Лычагина Е.Л., Демаков Д.А., Косинцев П.А., Лаптева Е.Г., Трофимова С.С. Косинские стоянки в контексте мезолита Верхнего Прикамья: природная среда и новые данные // V Северный археологический конгресс: Тезисы докладов. – Екатеринбург: «Альфа-Принт», 2019. – С. 322–325
8. Лунев Б.С. Аллювий Прикамья // Вестник Пермского научного центра. – 2013. – № 3. – С. 79-95.
9. Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. – Пермь: ПГГПУ, 2013. – 120 с.

УДК 902:569

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-33-39

К.Ю. Коновалова**ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК
РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА (2018 г.)***

Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, РФ

Проведено исследование остеологической коллекции из раскопа VIII Рождественского городища (2018 г.), её объем составил 7883 экземпляра. Анализ соотношения крупных таксонов показал преобладание остатков млекопитающих. Известны доли остатков домашних и диких, а также определимых и неопределимых млекопитающих. Проведен анализ соотношения остатков домашних копытных, среди них наиболее многочисленны кости крупного рогатого скота. Наиболее массовыми видами промысловых млекопитающих являются бобр и лось. Наблюдается зависимость степени раздробленности от глубины залегания остатков. Для крупного рогатого скота выполнено определение возраста по степени стертости зубов.

Ключевые слова: археозоология, костные остатки, средневековое городище, Пермское Предуралье, хозяйство, возраст.

K.Yu. Konovalova**OSTEOLOGICAL MATERIALS FROM THE EXCAVATIONS OF THE
ROZHDESTVENSKOE SETTLEMENT (2018)**

Institute of Plant and Animal Ecology, UB RAS, Yekaterinburg, Russia

The volume of the osteological collection from excavation site of the Rozhdestvensky settlement (2018) amounted to 7883 pieces. Analysis of the ratio of large taxa showed the predominance of mammalian remains. The proportions of remains of domestic and wild, as well as identifiable and indeterminate mammals are known. The analysis of the ratio of the remains of domestic ungulates was carried out, among them the bones of cattle are the most numerous. Beaver and elk are the most abundant species of commercial mammals. There is a dependence of the degree of fragmentation and the depth of occurrence of the remains. The age of cattle was determined by the degree of tooth wear.

Keywords: archaeozoology, animal bones, mammals, medieval settlement, the Ural area, the Middle Ages, household, age determination.

Введение

Костные остатки из археологических памятников являются важнейшим источником информации для характеристики хозяйства древнего населения (таких отраслей, как охота, рыболовство, птицеводство и скотоводство). Кроме того, археозоологические данные позволяют реконструировать систему мясного потребления древнего населения.

При проведении раскопок Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края сбор костных остатков осуществляется регулярно. Имеется несколько публикаций, в которых отражены результаты проведенных ранее археозоологических исследований [Бачура, Гасилин, Косинцев, 2016; Гасилин, Лобанова, 2011; Коновалова, 2020]. Целью статьи является описание остеологического материала, полученного в результате раскопок Рождественского городища в 2018 году.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Рождественское городище является центральной частью Рождественского археологического комплекса (РАК), расположенного на левом берегу р. Обва в 1,3–1,9 км к юго-западу от центральной части с. Рождественск Пермского края. Описание комплекса было сделано Н.П. Рычковым (1770 г.), а первые раскопки городища были проведены Н.Н. Новокрещенных (1897 г.) [Белавин, Крыласова, 2008]. Дальнейшее изучение памятника продолжили Ю.А. Поляков (1981 г.), А.М. Белавин (1985, 1990–1993, 1997 г.) и Н.Б. Крыласова (2008–2012, 2014–2019 гг.). Площадка Рождественского городища прямоугольной формы, площадь территории, ограниченная валом с севера, – 36 тыс. м² (с учётом вала 38 тыс. м²). На сегодняшний день вскрыто более 4,7 тыс. м² площади памятника [Крыласова, Белавин 2020].

Характеристика материала

Анализируемые *костные остатки* происходят из раскопа VIII площадью 288 м², заложенного в восточной части площадки городища в 40 м южнее вала. Раскопки проводились под руководством д.и.н. Крыласовой Натальи Борисовны в июле 2018 года. Вскрытие культурного слоя осуществлялось ручным инструментом методом сплошной горизонтальной зачистки, один условный горизонт (пласт) составлял 0,1 м.

Остеологический материал группировался по квадратам и условным горизонтам. Было выделено 5 условных горизонтов, мощность культурного слоя в раскопе составляла 0,35–0,7 м. Материалы из объектов (ямы, канавки и пр.) были собраны отдельно. В раскопе выявлено два жилища и мастерская медника. В *жилище 1/VIII* изучены *яма №2 и очаг*, в *жилище 2/VIII*, окруженном по периметру канавками (*№1–2, 3–4, 5*) – *яма №5 и очаг*, в мастерской – *ямы №4, 6, 7* [Крыласова, 2019].

Объем исследуемой выборки составил 7883 экз. остатков животных (табл. 1). Сохранность костей хорошая, по пятибалльной шкале соответствует 4–5 баллам [Антипина, 2016].

Для определения археозоологического материала была использована эталонная коллекция музея ИЭРиЖ УрО РАН. При работе с материалом производилось взвешивание костных остатков основных таксономических групп. Для неопределимых остатков был посчитан средний вес одного фрагмента, этот показатель позволяет оценить степень раздробленности материала. После описания остеологическая коллекция была передана на хранение в музей ИЭРиЖ УрО РАН.

Подавляющее большинство костей фрагментировано, имеются *следы разделки* (срубы, порезы). *Следы пребывания в огне* отмечены у 1,6% остатков млекопитающих, также имеются кости со *следами погрызов собаками* (1,8%). По внешним признакам кости являются типичными *кухонными остатками*. В комплексе встречаются *кости с зеленоватым оттенком*, наибольшее скопление таких костей происходит из *ямы 7*. Такое явление объясняется контактом костей с окисленными медными и бронзовыми изделиями в культурном слое, поскольку указанная яма являлась одним из объектов в пределах выявленной на раскопе VIII *мастерской медника*, и была насыщена многочисленными предметами, связанными с медницким производством (обрезки медных пластин, котлов, заготовки заклепок и пр.) [Крыласова, Подосенова, 2020].

Таблица 1. Видовой состав и число остатков животных Рождественского городища (раскоп 2018 г.), экз.

Таксон	I-II г.	III г.	IV г.	V г.	к. 3-4	к.5	я. 2	я. 4	я. 5	я. 6	я. 7	общее кол-во костей	Доля, %
Крупный рогатый скот	245	326	325	103	5	5	196	26	264	129	151	1856	23,54
Лошадь	180	213	223	57	3	0	130	31	138	69	102	1196	15,17
Мелкий рогатый скот	33	43	45	21	0	0	67	5	28	18	34	304	3,86
Собака	4	11	41	2	0	0	1	0	18	1	3	84	1,07
Бобр	7	13	18	5	0	1	13	0	0	0	8	69	0,88
Лось	6	13	13	4	0	0	12	0	7	3	7	65	0,82
Свинья	2	0	2	2	1	0	8	0	3	0	0	21	0,27
Заяц	0	2	4	0	0	0	5	1	1	0	1	14	0,18
Северный олень	0	4	1	0	0	0	1	0	4	1	0	8	0,10
Лисица	1	0	1	0	0	0	1	0	4	1	0	8	0,10
Белка	0	2	2	1	0	0	0	0	1	0	0	6	0,08
Куница или соболь	2	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	4	0,05
Косуля	1	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	2	0,03
Росомаха	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0,01
Птица	3	8	8	8	0	0	14	6	8	3	13	74	0,94
Рыба	3	0	1	1	0	0	2	4	0	4	2	17	0,22
Двустворчатый моллюск	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	0,01
Неопределимые до вида млекопит-е	1004	907	692	237	7	7	244	94	314	214	226	4153	52,68
Всего костей	1491	1542	1377	441	16	13	696	167	792	443	547	7883	100

Примечания: г. – горизонт, к. – канавка, я. – яма

Таблица 2. Соотношение определимых и неопределимых остатков млекопитающих Рождественского городища (2018 г.)

Таксон	I-II г.	III г.	IV г.	V г.	к. 3	к.5	я. 2	я. 4	я. 5	я. 6	я. 7
Определимые, %	32,3	40,7	49,1	44,2	56,3	46,2	62,5	37,7	59,3	50,1	55,9
Неопределимые, %	67,3	58,8	50,3	53,7	43,8	53,8	35,1	56,3	39,6	48,3	41,3
Средний вес одного фрагмента неопределимой кости, грамм	3,7	4,6	4,8	5,1	4,8	5,5	4,1	4,7	2,8	4,6	3,4

Млекопитающим принадлежит 98,83% остатков (7791 экз.), птицам 0,94% (74 экз.), рыбам 0,22% (17 экз.) Также был обнаружен 1 фрагмент раковины двусторчатого моллюска (0,01%). Таксономическая принадлежность установлена для 46% остатков млекопитающих (см. табл. 1).

Первый и второй условные горизонты отличаются наибольшей долей неопределимых остатков (табл. 2). Кроме того, остатки из горизонтов I–II характеризуются более сильной раздробленностью, о чем свидетельствует средний вес одного фрагмента неопределимых остатков: для I–II горизонта этот показатель составляет 3,7 грамм. С каждым последующим горизонтом средний вес одного фрагмента увеличивается, и для V горизонта этот показатель составляет 5,1 грамм. Более высокая степень раздробленности в верхних пластах может быть связана с тем, что площадка городища долгое время распахивалась, и в результате распахки остеологический материал мог быть вторично раздроблен.

Большая часть остатков млекопитающих принадлежит домашним видам (95%). Из домашних копытных наиболее многочисленны остатки крупного рогатого скота (55%) и лошади (35,4%). Доля остатков мелкого рогатого скота составила 9%, последнее место по количеству занимают остатки свиньи (0,6%).

Среди промысловых млекопитающих преобладают остатки бобра (39%) и лося (36,7%). Третье место по численности занимают остатки зайца (7,9%). Реже встречаются остатки северного оленя (4,5%) и лисицы (4,5%). Также в комплексе встречались малочисленные кости белки (3,4%), куницы (2,3%), косули (1,1%) и россомахи (0,6%) (см. табл. 1).

Для крупного рогатого скота было произведено определение возраста по степени стёртости постоянных зубов нижних челюстей [Grant, 1982]. Анализировались как отдельные зубы, так и целые зубные ряды. При анализе зубных рядов исследовалась степень стертости каждого зуба, после сопоставления данных выбиралась наиболее подходящая возрастная группа. При изучении отдельных зубов не всегда можно было отличить первый и второй моляры, в таком случае полученные данные в равных долях (по 0,5) относились к двум возрастным категориям (табл. 3).

Таблица 3. Возрастной состав крупного рогатого скота Рождественского городища (2018 г.)

Возраст	1-3 мес.	3-8 мес.	8-18 мес.	18-30 мес.	2,5-3 года	3-4 года	4-6 лет	6-9 лет	>9 лет
Количество особей	2	3	7,5	7	14,5	10,5	10	11,5	3

Наибольшая доля остатков принадлежит особям 2,5-3 лет (21%), что соответствует оптимальному возрасту забоя скота. Особи старше трехлетнего возраста составляют 50,7% выборки. Большая доля остатков взрослых и старых животных свидетельствует о молочной эксплуатации вида [Косинцев, 2003]. Таким образом, у населения Рождественского городища было развито мясомолочное направление животноводства.

Заключение

В результате анализа археозоологических материалов можно сделать вывод о том, что основным источником белковой пищи у населения Рождественского городища выступало *мясо домашних копытных* (крупного рогатого скота и лошади), а также *молочные продукты*, получаемые при разведении коров. Наличие остатков *эмбрионов и новорожденных особей* свидетельствует о том, что крупный рогатый скот содержался на территории городища. Остатки домашних млекопитающих доминируют над остатками диких видов. Роль *промысла* млекопитающих невелика, но преобладает над добычей пернатой дичи и рыболовством. С глубиной залегания уменьшается степень раздробленности костей, о чем свидетельствует увеличение среднего веса одного фрагмента неопределимой кости.

Автор выражает благодарностью Павлу Андреевичу Косинцеву за научное консультирование и ценные замечания при работе с материалом. Также автор признателен А.В. Кисагулову и М.М. Девяшину за помощь при описании остеологической коллекции.

Библиографический список

1. Антипина Е.Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. – М.: ИА РАН, 2016. – С. 96–118
2. Бачура О.П., Гасилин В.В., Косинцев П.А. Археозоологические материалы из городища Рождественское (планиграфический анализ) // Вестник Пермского научного центра. – 2016. №3. – С. 30–35
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. I. – 603 с.
4. Гасилин В.В., Лобанова Т.В. Комплекс костных остатков животных из Рождественского городища в Прикамье (раскопки 2009 года) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / под общ. ред. А.М. Белавина. Вып. VII. – 2011. – С. 126–129
5. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского городища в Карагайском районе Пермского края в 2018 г. / Рукопись. Т.1 – Пермь: ПГГПУ, 2019. – 223 с. – Архив МАЭ ПГГПУ
6. Крыласова Н.Б., Белавин А.М. Жилища и планировка Рождественского городища: к вопросу об особенностях средневекового домостроительства у финно-угорского населения Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XVI: Ранние города Волго-Камья и Приуралья: взаимодействие ислама, христианства и язычества / под общ. ред. А.М. Белавина. – 2020. – С. 3–14
7. Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А. Медницкое дело в средневековом городке (по материалам раскопок 2018 года на Рождественском городище) // Вестник Пермского университета. История. – 2020. № 1 (48). – С. 62–70
8. Коновалова К.Ю. Комплекс костных остатков животных из раскопок Рождественского городища (2012 г.) // LII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК, 5-9 февраля 2020 г.):

материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых. – Пермь: ПГНИУ, 2020. – С. 270–274

9. Косинцев П.А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России: К столетию со дня рождения В.И. Цалкина / Отв. ред.: Антипина Е.Е., Черных Е.Н. – М.: Языки славян. культуры, 2003. – С. 259–289

10. Grant A. The use of Tooth Wear as a Guide to the Age of Domestic Ungulates // Wilson B., Grigson C. & S. Payne (eds.) Ageing and Sexing Animal Bones from Archaeological Sites. BAR (British Series) 109. – Oxford, 1982. – P. 91–108

АРХЕОЛОГИЯ

ЭПОХИ КАМНЯ

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-40-52

В.А. Черноусов
О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ «ПЕЩЕРНОГО ПАЛЕОЛИТА»
ПРИКАМЬЯ

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

В статье поднимается проблема отсутствия в Прикамье свидетельств существования базовых и долговременных стоянок эпохи верхнего палеолита. Это не позволяет определить методику выживания первобытного человека в условиях экстремально низких температур. Сказывается низкий уровень изученности памятников верхнего палеолита. Из 47 стоянок открытого типа изучены раскопками 8, половина из которых – частично. Следы легких жилых построек найдены на всех четырех памятниках, исследованных комплексно. При этом за последние десятилетия из научного оборота совершенно вышли пещерные памятники верхнего палеолита Прикамья. Их насчитывается – 20. Из них в XX веке изучены только 3. В настоящее время исследованием памятников данного типа в Пермском крае никто не занимается. Однако нельзя игнорировать факт активного освоения населением Прикамья эпохи верхнего палеолита пещер. Вероятно, именно пещерные стоянки могли использоваться для зимовок. Отсутствие мощного культурного слоя, который доказывает факт регулярного и длительного использования стоянки, можно объяснить слабой изученностью памятников, процессами природного вымывания культурного слоя и антропогенным воздействием. Подтверждение или опровержение данной гипотезы является перспективным направлением в изучении «пещерного палеолита» Прикамья.

Ключевые слова: верхний палеолит, пещерные стоянки, палеоспелеология, Пермский край, Кама, Прикамье.

V. A. Chernousov
ABOUT THE PERM REGION'S "CAVE PALEOLITH" PERSPECTIVES OF
RESEARCH

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

Not a single base or long-term site of the Upper Paleolithic era was found in the Perm region. This is problem. How did ancient people survive in winter? Upper Paleolithic sites in the Perm region are poorly understood. Only 8 out of 47 habitations have been studied by archaeologists. Traces of unstable buildings were found on 4 of them. Cave sites are not explored at all. Out of 20 caves in the last century, 3 explored. The author compiled a list of Perm region's cave sites and indicated the degree of their study. Perhaps the caves served as a wintering place. In the summer, people went to the plain. In the cold, they returned to the caves. Perhaps the cultural layer of the caves was destroyed by nature and modern people.

Prospects for the study of such sites are obvious. Perhaps they will talk about how primitive people lived in the Perm region during the Ice Age.

Keywords: upper Paleolithic, cave sites, paleospeleology, Perm region, Kama river, Kama region

Введение

Сегодня географический термин «Прикамье», который объективно должен бы обозначать территорию, относящуюся к землям бассейна реки Кама, прочно слился с административным понятием «Пермский край». Тем самым, конечно, число районов камского побережья, которые могли бы считаться Прикамьем, довольно серьезно сократилось. Зато «административная» территория Пермского края, отождествляемая сейчас с Прикамьем, получила право на написание

собственной «летописи», первые страницы которой человек создал задолго до того, как его следы появились в соседних регионах. Конечно, древность истории Прикамья обусловлена всеми удобствами, предоставленными рекой Кама и её главными притоками в Пермском крае. Это был путь и для животных и для человека. Уже в середине верхнего палеолита в Прикамье стало складываться собственное население (хотя предпосылки к этому возникали и ранее [Павлов, 2015, с. 58]).

Это происходило в то время, когда плейстоценовые ледниковые периоды ещё были сильны. Территория современного Прикамья граничила с огромной массой ледника, что делало её довольно холодным регионом. Однако, несмотря на наличие обширных свободных территорий с более мягким климатом, человек современного типа остался в Прикамье и создал автохтонную общность меньше чем за 10 тысяч лет, постоянно подпитываясь за счет новых и новых волн мигрантов из Европы. Хотелось бы понять – почему? Но, для начала, необходимо узнать, как первобытными охотникам удавалось выживать в условиях, сравнимых с теми, что существуют сейчас в приполярной тундре?

Обсуждение проблемы

Данные палеоклиматологов относительно погодных условий в различные периоды верхнего палеолита Прикамья пока весьма скудны. Но, например, известно, что в финальном палеолите, когда в регионе наблюдалось резкое похолодание, сопровождаемое сменой лесов степями, температура окружающей среды летом составляла +10-15°, а зимы были малоснежными со средней температурой -20-30°, что считается «умеренно суровыми» условиями [Мельничук, 2007, с.43].

Схожие климатические условия существовали в раннем периоде верхнего палеолита Прикамья [Павлов, 2009, с. 8]. В позднем валдае выделяют два основных периода: климатический минимум плейстоцена (24 000 – 19 000 л.н.) и следующее за ним относительное потепление (18 000 – 13 000) [Павлов, 2008, с. 34]. Указанный период температурных «минимумов», скорее всего, стал временем депопуляции Прикамья. По крайней мере, ни один из известных науке археологических памятников Прикамья не имеет четкой датировки, относящей его достоверно к среднему периоду верхнего палеолита (27–20 тыс. л.н.) [Павлов, 2008, с. 44].

Последующее потепление привлекло в регион новые группы людей современного типа, которые вскоре и сформировали автохтонное население [Павлов, 2015, с. 59]. Но повторное открытие Прикамья человеком происходило все равно в суровые климатические времена, и даже более сложные, нежели это было на раннем этапе верхнего палеолита, ведь ледник отступал медленно, и последствия максимума поздневалдайского похолодания должны были ощущаться достаточно долго. Известно, что путь к голоцену длиной около 10 тыс. л., сопровождался кратковременными и разными по интенсивности периодами похолодания. При этом население Прикамья с точки 18 тыс. л.н., пусть и медленно, но неуклонно растет [Павлов, 2015, с. 59]. Но каким образом люди переживали суровые и продолжительные зимы – пока не ясно.

В распоряжении исследователей верхнего палеолита Прикамья есть свидетельства существования лишь *легких наземных жилищ*, которые обнаружены на следующих стоянках: стоянка Заозерье (возраст 33–35 тыс. л.н.

[Павлов, 2009, с. 5]) – по границе линзы культурного слоя определяется наличие легких конструкций типа «ветровой заслон» [Павлов, 2009, с. 27]; стоянка Гарчи I (возраст 29 тыс. л.н. [Павлов, 2010, с. 27]) – существование жилищ определено по границам культурного слоя, элементы конструкций не обнаружены [Павлов, 2010, с. 20]; стоянка им. Талицкого (возраст 19 тыс. л.н. [Павлов, 2008, с.38]) – найдены следы конструкций типа «шалаш», но довольно большие – самое «скромное» из жилищ рассчитано на 2 очага [Бадер, 1963, с. 10]; стоянка Горная Талица (финальный палеолит [Мельничук; Павлов, 1987, с. 7]) – по границам культурного слоя выделены жилища площадью не более 30–40 м², конструктивные элементы которых не зафиксированы [Мельничук; Павлов, 1987, с. 5]. Судя по всему, все это были легкие постройки, детали которых не сохранились.

Следует уточнить, что статус вышеперечисленных памятников – *временные охотничьи*. Базовых долговременных поселений эпохи верхнего палеолита на территории Прикамья до сих пор не было обнаружено. И ни один из известных нам памятников не может считаться не только круглогодичным, но и даже местом зимовки, так как нет свидетельств существования достаточно прочных жилищ, способных обеспечить выживание группы в условиях экстремально низких температур.

Традиции покидать регион на время периода температурных минимумов (на зиму) у древнего человека, по-видимому, не было и не могло быть. Известны и более северные памятники, причем, созданные еще в ранний период верхнего палеолита – стоянки Мамонтова Курья и Бызовая в бассейне Печоры [Павлов, 2008, с. 36–37]. Покидать столь северные районы ради зимовки в более теплых районах древнему человеку не было никакой возможности – даже навскидку бросается в глаза слишком большое для межсезонной миграции расстояние.

И все-таки, пока единственное прямое доказательство того, что человек в верхнем палеолите зимовал на Урале, – это эмбриональные кости северного оленя и лошади, обнаруженные на стоянке древних охотников в гроте Бобылек (Свердловская область), которые сообщают о зимнем забое данных животных, [Косинцев, Широков, 1997, с. 28].

Совершенно не исключено, что в будущем на территории Прикамья будут обнаружены *долговременные базовые стоянки*, свидетельствующие о практиках зимовки первобытных общин на равнинах. Однако на сегодняшний день есть все основания полагать, что местом зимнего проживания в климатических условиях верхнего палеолита Прикамья могли служить *сухие пещеры и гроты*, в изобилии встречающиеся в горных территориях Александровского, Кизеловского и Чусовского районов Пермского края. Тем более, что в большинстве из них обнаружены следы присутствия древнего человека (приложение 1). Однако систематического изучения данного вида памятников не проводится.

Гипотеза

Данная гипотеза сформулирована на основе следующих данных.

Археологи после обследования пещерных памятников Западной Украины, пришли к выводу, что эти объекты почти исключительно являются охотничьими лагерями, функционировавшими в осенне-зимний период [Мацкевый, 1997, с.23]. В Прикамье также в качестве места для зимовки человеку вполне могли бы служить пещеры, некоторые из которых являются достаточно комфортным

местом, благодаря своему устойчивому микроклимату. Еще в конце XIX в. известный прикамский исследователь Ф.А. Теплоухов занимался обследованием пещер долины реки Яйва, из которых местное население постоянно приносило «всяческие древности». Теплоухов пытался исследовать пещеры путем раскопок и параллельно проводил эксперименты по отоплению при помощи костра разных пещер. По его словам [Теплоухов, 1895, с. 32–33], итог везде был одним и тем же: хоть и становилось дымно (хотя сидя вполне можно было дышать), но в пещере очень быстро, причем даже от самого малого костра, становилось жарко, с потолка переставало капать, воздух становился сухим; особенно комфортные условия создавались в полостях с выходом на поверхность.

Далеко не новость для научного сообщества, что естественные гроты, впадины и собственно пещеры древний человек использовал активно, причем, в первую очередь, как место для организации долговременных (базовых) стоянок [Масон, 1997, с. 11]. На административной территории современного Пермского края присутствует довольно обширный ареал распространения естественных пещер, бесспорно существовавший и в эпоху верхнего палеолита – в Александровском, Кизеловском районах и по течению реки Чусовой, там, где она пересекает Уральский хребет. Во многих из ныне существующих пещер присутствуют следы пребывания человека каменного века, но датировка большинства памятников установлена весьма вольно, в виду слабой изученности (приложение 1).

Перечислим известные археологам **пещеры и гроты Александровского района** (здесь и далее до описания памятников Кизеловского района: [Майстренко, 2015, с. 9–30]).

Стоянка Тихий камень I расположена в самой крупной в бассейне р. Яйва пещере Тихая (пещера Лепёхина) в одноименной горе в 5 км от поселка Камень – вход ориентирован на северо-восток, находится в 110 м выше уровня реки и удален от берега. Подъем к пещере со стороны реки затруднен ландшафтом и удобен с вершины горы Тихой. При раскопках 1968 г. зафиксированы зимние температуры в центральном и самом широком отделе пещеры (протяженность 15 м) – 0 и 2–5° выше нуля; полностью не изучена, производилась шурфовка, предварительно – кратковременная стоянка эпохи верхнего палеолита.

Там же на горе Тихой в склоне камня Соколиный расположена *пещера Соколиный камень*, в которой, правда, обнаружены лишь следы средневекового святилища.

Пещера Тайн I или *Большая Березовская* будет более интересна нам. Она находится на левом берегу р. Березовка, притока р. Чаньва в 4,2 км к северо-западу от п. Скопкортная; вход ориентирован на северо-запад, расположен на скалистой террасе берега р. Березовая. Экспедициями 1960-х гг. обнаружены следы культа пещерного медведя. Изучение до конца не доведено. Статус святилища под вопросом, датировка 30–10 тыс.л.н.

Поблизости от Пещеры Тайн на левом берегу р. Чаньва расположена *Вогульская (Чаньвинская пещера)* – которая хотя и использовалась человеком, но артефактов периода палеолита там не обнаружено. Также на левом берегу р. Чаньва, в 3,8 км от п. Скопкортная находится палеолитический памятник *Драконова щель I (пещера Дующая)*: общая длина 25 м, выход на северо-запад, расположена в береговом скальном массиве. Пещера раскопками не изучена; при

шурфовке найдены следы кострищ и кости плейстоценовой фауны; предварительно – кратковременная стоянка эпохи верхнего палеолита.

В 0,05 км от Драконовой щели I в том же скальном массиве находится памятник *Высокий грот I*: это незначительная выемка в скале, обращенная на север; в ходе шурфовки найдены кости животных, углистые прослойки и отдельные угли. Еще через 0,05 км – памятник *стоянка Пещерного льва Грот I*. Это сравнительно просторный грот (не менее 32 м²), в котором при раскопках 1967 г. найдены останки пещерного льва (фрагмент верхней челюсти и мозговой коробки), кости иных животных и кремневый нуклеус. Более памятник не исследовался; статус – стоянка с примерной датировкой 30–10 тыс.л.н.

Грот Близнецова – самый известный представитель чайвинских пещер. Расположен на левом берегу р. Чаньва, в 5,5 км к югу от п. Скопкортная, в скальном массиве берега в 0,26 км от устья Сысоевского лога в 25–30 м над водой; вход ориентирован на запад. Протяженность грота 23 м. Он частично изучен раскопками – обнаружены многочисленные свидетельства каменной индустрии (орудия, отходы производства, заготовки), а также кости мамонта (абсолютно преобладают, среди них также – череп мамонта), северного оленя, лошади, зайца, песка, носорога, сайги, овцебыка, бизона, лося. Датировка по костным останкам 28 540 л.н.

В 5 км к югу от грота Близнецова на том же левом берегу р. Чаньва расположена *стоянка Черные кости Грот I*. В 0,9 км от памятника расположено устье р. Анюша; грот неглубокий; выход ориентирован на запад. В ходе раскопок 1960-х гг. было найдено множество костных останков, 250 экземпляров удалось определить. В числе костных останков найдены 5 профилей молодого мамонта, почти полный череп 3–4-летнего мамонтенка со следами ударов. Точной датировки нет (30–10 тыс.л.н.), каменный инвентарь не обнаружен (хотя раскопки проводились здесь 1964–65, 1968 гг.).

В 1 км к югу по берегу р. Чаньвы от Грота Черные кости расположена *стоянка Подземных Охотников I грот (пещера Стадника)*: в 0,5 км от памятника находится устье ручья Чёрный. Грот расположен на выступе в 40 м от уровня реки; имеет сложную структуру (двухэтажная, состоит из трех больших и трех малых гротов); культурный слой обнаружен в 2-х гротах (Угольный и Раздумий) и отнесен к эпохе мезолита. Однако грот хаотический завален глыбами, а грот Арктический занят ледником, и потому не поддаются изучению, но в целом общая комфортная сухость и близость иных верхнепалеолитических памятников дают основание предполагать, что пещера могла быть освоена человеком еще в эпоху палеолита.

В 4 км к югу от пещеры Подземных охотников на левом берегу р. Чаньва находится *стоянка Всеволодовская пещера*: приурочена к стрелке, образуемой р. Чаньва и ручьем Всеволодовский; вход большой – ширина 8 м, высота 3,7 м – ориентирован на северо-восток; длина – 36 м. Пещера преимущественно сухая и светлая; в ходе шурфовки найдены разбитые кости животных, среди которых выделяют останки пещерного медведя и птиц (очевидно, в связи с обнаружением последних была установлена предварительная датировка памятника – 20–10 тыс.л.н.).

На левом берегу р. Сюрья в 1,8 км к западу от г. Александровска в горе

расположена *пещера Двухэтажка (Сквозная)*. На памятнике фиксируются следы верхнепалеолитической стоянки (30 тыс.л.н.) и средневекового святилища: пещера двухэтажная – нижний ярус представляет из себя прямой коридор по оси север-юг с двумя соответствующими выходами, верхний ярус также имеет два входа по оси север-юг и состоит из двух ниш и соединяющих их с входами проходов. Разведочные шурфы показали, что кости плейстоценовой фауны (в основном, позднеплейстоценовой) содержатся в культурном слое обеих этажей. Причем на втором этаже их количество резко больше, а на первом представлен слой среднего плейстоцена, в том числе, с присутствующими в нем крупными костями пещерного медведя (что, возможно, свидетельствует о том, что костный слой сформирован хищниками, проживавшими в данной пещере до человека).

На левом берегу р. Лытва, на горе Насад в 3,5 км на юго-запад от г. Александровск расположена *Ласточкина пещера*: находится над крутым склоном реки, труднодоступна; вход в пещеру ориентирован на север, протяженность гота – 9 м. В ходе раскопок 1966 г. найдены кремневый отщеп и около 50 определимых костей, большинство из которых принадлежит песцу (нижние челюсти), а остальные – северному оленю, лошади и носорогу; точной датировки нет (верхний палеолит).

В 0,5 км от Ласточкиной пещеры на юг по левому берегу р. Лытва есть еще одна пещерная верхнепалеолитическая стоянка – *Болбан грот*: открытой частью выходит на запад; раскопки проводились в 1963–65 гг.; найдено 30 определимых костей – северный олень, лошадь, бизон, мамонт. Помимо этого автором раскопок Е.П. Блинецовым в музей г. Александровска передано несколько каменных изделий, которые могут быть отнесены к временному отрезку 15–9 тыс.л.н.

На левом берегу р. Восточная Урса в 2,5 км к востоку-северо-востоку от г. Александровска, расположена *стоянка Урсинский грот I*, где обнаружен мощный слой костей верхнеплейстоценовой фауны – целые и разбитые экземпляры. Разведочная траншея была заложена в 1965–66 гг. и более исследовательских работ на памятнике не проводилось.

Стоянка Большой грот (Большой Луньёвский навес) находится в известняковом утесе правого берега р. Луньва, в 0,8 км к западу от п. Луньёвка: крупный навес длиной 40 м и шириной до 7 м. При раскопках (разведочная траншея) начала 1960-х годов в верхнеплейстоценовом слое найдены костные останки северного оленя, куных и следы кострищ; памятник, несомненно, требует серьезного изучения.

Интересна компактность расположения памятников описанной группы. Статистически, из 16 приведенных объектов (пещеры и гроты), 12 имеют следы присутствия человека, оставленные в верхнем палеолите. При этом лишь три стоянки, пусть и весьма условную, датированы 30–19 тыс. л.н. Опять же, только на трех памятниках проводились археологические раскопки, а до конца так и не был изучен не один из них. Следы действий сакрального характера периода верхнего палеолита присутствуют на трех памятниках, при этом лишь один из них – *Пещера Тайн I* – претендует на статус святилища в чистом виде. Остальные, по-видимому, являются стоянками. Выводы предварительные и требуют уточнения в ходе комплексного изучения указанной группы памятников.

Еще два известных на сегодняшний день памятника находятся в **Кизеловском районе Пермского края**, который граничит с Александровским.

Стоянка Расикский грот I [Майстренко, 2015, с. 32]: расположена в 1 км к северу от п. Расик на правом берегу р. Кизел. Вход ориентирован на юг и возвышается над урезом реки на 20 м, протяженность грота 23 м. Е.П. Блинецов, проводя здесь раскопки в 1966, 1976–77 гг., обнаружил кости северного оленя, лошади, бизона, носорога, мамонта, песка, волка, овцебыка, пещерного медведя, а также кремневые предметы верхнепалеолитического облика; предварительная датировка – 30-20 тыс.л.н.

Еще один известный науке, но должным образом не изученный памятник, – *стоянка Кизел I* [Майстренко, 2015, с. 33], расположен на склоне горы на северо-западной окраине г. Кизел. Сведения о стоянке скудны, хотя известна она еще с 1976 г., когда Е.П. Блинецовым были найдены каменные артефакты. Датировка весьма условная — палеолит. Интерес представляет тот факт, что стоянка Кизел I находится в непосредственной близости от второй по протяженности в Прикамье карстовой пещеры Кизеловская (она же Виашерская или Медвежья). Следов человеческой деятельности там до настоящего времени не обнаружено, но отмечены скопления костных останков палеофауны. Примечательно, что пещера была открыта в ходе разработки карьера в XX в. и до тех пор являлась погребенной (сокрытой).

Наконец, обратимся к **пещерным памятникам долины реки Чусовой**.

Грот Столбовой находится в береговой скале «камень Столбовой» на р. Усьва, притока р. Чусовая в 5 км к югу от п. Усьва. Это кратковременная охотничья стоянка с первичным циклом обработки камня. По технике обработки камня стоянка близка к типу стоянки им. Талицкого, но радиоуглеродная дата дает возраст 22 890 л.н. (период предполагаемой депопуляции региона) [Котов, 2014, с. 368]. Грот Столбовой расположен на высоте, господствующей над узкой приречной пойменной долиной.

Следующий, также широко известный памятник долины р. Чусовая – *грот Большой Глухой* в 7 км к юго-востоку от г. Чусовой. Он расположен на правом берегу р. Чусовой. В гроте прослеживается как минимум 6 культурных слоев, древнейший из которых относится к среднему плейстоцену (нижнему палеолиту), а слои верхнего палеолита содержат следы кратковременных стоянок и останки древнего святилища. Но если датировка последнего пока остается под вопросом, то для верхнепалеолитических стоянок известны 2 ранние радиоуглеродные даты – 38 200 и 33 900 л.н. [Серигов, 2014, с. 363]. Не вызывает сомнения, что стоянка использовалась и в финальном палеолите: следы жертвенника, указывающие на существование святилища, а также свидетельства организации здесь мастерской по обработке шкур находятся в слое финальное палеолита [Мельничук, 2007, с. 119].

Далее описание известных науке пещерных памятников р. Чусовая выходит за географические рамки Пермского края и Прикамья, но все-таки необходимо добавить следующее. Ю.Б. Серигов на протяжении многих лет отстаивающий свое убеждение, что Чусовая в палеолите служила единственной трансуральской магистралью для животных и человека, отмечает, что на участке реки от с. Усть-Утка (Свердловская обл.) до г. Чусового (Пермский край) еще в конце XX в. было известно 44 пещеры, в 15 из которых найдены свидетельства пребывания

человека разных эпох; несмотря на слабую изученность объектов, следы палеолита обнаружены в 6 пещерах [Сериков, 1997, с. 23-24]. Собственно данные выводы приведены для того, что бы показать, что палеолитического человека не зря называют «пещерным», так как везде, где он появляется, он старается по мере возможности обживать пещеры.

Что же дает приведенный обзор пещерных памятников Прикамья? Систематизация данных об ориентации входов – единой схемы не рисует. Топографическое расположение и стабильное присутствие большого количества костей фауны свидетельствуют, что пещерные стоянки, как и «открытые», организовывались в зависимости от наличия удобных охотничьих угодий. В большинстве случаев видна прямая зависимость между рельефом местности, видом охоты и предназначением памятника [Косинцев, Широков, 1997, с. 28].

Возвращаясь к вопросу о возможных будущих археологических открытиях, стоит признать, что число верхнепалеолитических пещерных стоянок, кратко описанных выше, уступает числу официально зарегистрированных памятников «открытого» типа: 15 стоянок в пещерах и гротах, которые уверенно можно отнести к верхнему палеолиту (приложение 1), против 47 стоянок на открытых площадках (приложение 2). При этом степень изученности последних тоже оставляет желать лучшего. Раскопаны лишь стоянки Заозерье, Гарчи I, им. Талицкого, Горная Талица; частично – Кресты II, Антыбары, Усть Сылва. Остальные определены по подъемному материалу и разведочным шурфам. Так что и здесь можно ожидать поступления новых данных.

И все-таки, даже при таком численном перевесе в пользу верхнепалеолитических стоянок открытого типа, наличие в Прикамье природных условий для активного освоения древним человеком пещер игнорировать нельзя. В методике выживания подобные укрытия могли играть одну из ключевых ролей. Доступные, просторные, сохраняющие тепло – они могли быть местом зимовки, куда община приходила после летнего охотничьего сезона. Комплексное изучение вышеприведенных памятников и уточнение их датировки вполне могут дать новые данные для всех хронологических периодов верхнего палеолита Прикамья и, в перспективе, позволят уточнить методики выживания первобытного человека в условиях экстремально низких температур.

Необходимо отметить тот факт, что среди пещерных памятников Прикамья приведенных выше пещерных памятников нет ни одной долговременной стоянки. Тому может быть три объяснения:

- 1) Слабая изученность уже известных науке объектов
- 2) Слабая изученность пещерных стоянок в целом, в виду их сокрытия под толщей породы и отсутствия специализированных разведочных исследований.
- 3) Отсутствие в Прикамье долговременных стоянок эпохи верхнего палеолита в принципе.

Последнюю версию развивает В.И. Юрин, предполагая, что жители верхнего палеолита и не имели потребности в организации долговременных лагерей, так как вынуждены были постоянно перемещаться за стадами промысловых животных и при этом постоянно имели под рукой пещерные убежища, располагавшиеся вдоль путей миграции [Юрин, 1997, с. 40].

В.Н. Широков и П.А. Косинцев допускают, что на Урале в целом могла отсутствовать традиция долговременного заселения пещер, но все же

воздерживаются принимать эту версию на веру, указывая на слабую и неравномерную изученность палеолита Уральского и Приуральского регионов [Широков, Косинцев, 1997, с.30]. В.И. Юрин при этом указывает на то, что вдоль течения р. Чусовой (а также в долинах рек Аи, Сим, Уфа и Юрюзань за пределами Прикамья) есть все основания предполагать существование сети стоянок древнего человека, интервалы между объектами которой будут в пределах 4–10 км, там исследователь предлагает искать и долговременные стоянки [Юрин, 1997, с. 40], отмечая однако, что существует высокая вероятность того, что повсеместно основную часть следов пребывания человека «вымывало» в периоды обводнения или повышения влажности в пещере [Юрин, 1997, с.40–41]. Какая из версий окажется верной, покажут будущие археологические открытия, а пока наверняка можно сказать, что население Прикамья эпохи верхнего палеолита активно осваивало пещеры.

Заключение

Нет сомнений в том, что перспективы поиска пещерных стоянок в Прикамье многообещающие. В регионе отмечена постоянная карстовая активность, в виду чего многие полости, имевшие ранее выходы на поверхность земли, за прошедшие тысячелетия таковых могли лишиться. Процесс может быть и обратным. Замечательный пример карстовой активности – Кунгурская ледяная пещера – самая протяженная и большая в европейской части России, но сравнительно молодая – ей всего 10–12 тыс. л., то есть появилась она в самом конце верхнепалеолитической эпохи. К сожалению, необходимо признать, что в виду вышеназванных процессов, часть памятников утрачена безвозвратно. Расширить горизонт знаний о жизни человека на территории Прикамья в эпоху верхнего палеолита поможет активизация работы в области пещерной археологии с привлечением специалистов-геологов для поиска сокрытых (погребенных) полостей. Актуальны для поисков – скальные формирования Александровского, Кизеловского, Чусовского и Лысьвенского районов, долины реки Чусовой.

Объем работ представляется довольно большим, поэтому к проблемам изучения древнейшей истории Пермского края необходимо привлекать общественность и власть. Видятся два больших направления – охранная деятельность и образовательная. Первое должно сохранить для науки пещерные памятники, в большинстве из которых зафиксированы процессы разрушения в результате активной деятельности человека. Здесь поможет и просветительская работа, и работа по организации туристических потоков и инициатив. Второе направление призвано поспособствовать созданию в Пермском крае собственной школы пещерной археологии и археологии палеолита вообще.

Библиографический список

1. Бадер О.Н. Древнейшая история Прикамья. Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. – М.: АН СССР, 1963. – 42 с.
2. Косинцев П.А., Широков В.Н. Обзор использования пещер Урала в палеолите // Пещерный палеолит Урала: материалы международной конференции (г. Уфа, 9-15 сентября 1997 г.). – Уфа: Принт, 1997. – С.26–29
3. Котов В.Г. Проблемы Верхнего палеолита Урала и концепция Г.П. Григорьева // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. – СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. (Замятинский сборник. Вып.3). – С. 366–385

4. Майстренко Д.А. Отчет о проведении археологических полевых работ на территории Александровского, Красновишерского, Лысьвенского районов, г. Кизел Пермского края в 2014 г. / Рукопись. – Пермь: ПГНИУ, 2015. Т. 1. – Архив ГИООКН ПК. Ф. 3. Оп. 2. Д. 417. – 94 с.
5. Массон В.В. Функции пещер в палеолитическую эпоху: от естественного убежища к центру интеллектуальной деятельности // Пещерный палеолит Урала: материалы международной конференции (г. Уфа, 9-15 сентября 1997 г.). – Уфа: Принт, 1997. – С. 11–13
6. Мацкевый Л.Г. Пещерные памятники эпохи палеолита запада Украины // Пещерный палеолит Урала: материалы международной конференции (г. Уфа, 9-15 сентября 1997 г.). – Уфа: Принт, 1997. – С. 22–23
7. Мельничук А.Ф. Финальный палеолит Пермского Приуралья / Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. – Ижевск: УдГУ, 2007. – 188 с.
8. Мельничук А.Ф., Павлов П.Ю. Стоянка Горная Талица на р. Чусовой и проблема раннего мезолита в Прикамье // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. – Ижевск: НИИ при Сов. Мин. Удмурт. АССР, 1987. – С. 5–18
9. Павлов П.Ю. О первоначальном заселении Северного Урала // Уральский исторический вестник. – 2015, №2 (47). – С. 50–60
10. Павлов П.Ю. Палеолит Северо-Востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. №1 (33). – С. 33–45
11. Павлов П.Ю. Стоянка Гарчи I – памятник костенковско-стрелецкой культуры на Верхней Каме (Северный Урал) // Археологические вести. – 2010. Вып.16. – С.16–28
12. Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье – памятник начальной поры Верхнего палеолита на северо-востоке Европы // РА. – 2009. №1. – С. 5–17
13. Сериков Ю.Б. Об освоенности территории Урала в эпоху Верхнего палеолита // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. – СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. (Замятинский сборник. Вып.3). – С. 360–635
14. Сериков Ю.Б. Палеолитические пещеры реки Чусовой и проблема первоначального заселения среднего Зауралья // Пещерный палеолит Урала: материалы международной конференции (г. Уфа, 9-15 сентября 1997 г.). – Уфа: Принт, 1997. – С. 23–25
15. Теплоухов Ф.А., Сергеев С.И. О пещерах на реке Яйве и ее притоках, Соликамского уезда, Пермской губернии: древности и кости, найденные в Чаньвенской пещере // Пермский край. – Пермь: Типография н-ков П.Ф. Каменского, 1895. – Т.3. – С. 17–50
16. Широков В.Н., Косинцев П.А. Обзор использования пещер Урала в палеолите // Пещерный палеолит Урала: материалы международной конференции (г. Уфа, 9-15 сентября 1997 г.). – Уфа: Принт, 1997. – С. 26–29
17. Щербакова Т.И. Палеолитическая стоянка Талицкого (по раскопкам 1942 г.) // СА. – 1986. № 3. – С. 105–120
18. Юрин В.И. О перспективности изучения пещер Южного Урала // Пещерный палеолит Урала: материалы международной конференции. – Уфа, 1997. – С. 39–41

*Приложение 1.**Список пещерных памятников верхнего палеолита Прикамья***Александровский район**

1. *Стоянка Тихий камень I*: следы деятельности человека, комфортные температурные условия зимой, не изучен комплексно
2. *Соколиный камень* – принадлежность к верхнему палеолиту под вопросом, найдены следы средневекового святилища
3. *Пещера Тайн I* – следы деятельности человека, следы культа пещерного медведя, не изучен комплексно
4. *Возульская (Чаньвинская пещера)* – принадлежность к верхнему палеолиту под вопросом, найдены следы средневекового святилища.
5. *Драконова щель I (пещера Дующая)* – следы деятельности человека, не изучен комплексно
6. *Высокий грот I* – следы деятельности человека, точная датировка не установлена, не изучен комплексно
7. *Стоянка Пещерного льва Грот I* – следы деятельности человека, не изучен комплексно
8. *Грот Близнецова* – следы деятельности человека, радиоуглеродная дата по костям палеофауны 28540 л.
9. *Черные кости Грот I* – следы деятельности человека, преобладают кости мамонта, том числе со следами обработки. Каменных орудий нет. Частично, изучен раскопками
10. *Подземных Охотников I грот (пещера Стадника)* – принадлежность к верхнему палеолиту под вопросом, определяемый возраст – мезолит.
11. *Всеволодовская пещера* – следы деятельности человека, установленный возраст 20–10 т.л., сухая и светлая
12. *Пещера Двухэтажка (Сквозная)* – следы деятельности человека, использовался в верхнем палеолите и средневековье, не изучен
13. *Ласточкина пещера* – следы деятельности человека, частично изучен раскопками
14. *Болбан грот* – следы деятельности человека, определяемый возраст 15-9 т.л., частично изучен раскопками
15. *Урсинский грот I* – следы деятельности человека, не изучен
16. *Стоянка Большой грот (Большой Луньёвский навес)* – следы деятельности человека, не изучен

Кизеловский район

17. *Стоянка Расикский грот I* – следы деятельности человека, определяемый возраст 30-20 т.л., раскопки проводились давно, отчеты утрачены
18. *Кизеловская пещера (Медвежья)* – много костных останков плейстоценовой фауны, следов деятельности человека не найдено, однако, в непосредственной близости обнаружена стоянка Кизел I палеолитического возраста

Чусовской район

19. *Грот Столбовой* – следы деятельности человека, радиоуглеродная дата 22890 л.
20. *Грот Большой Глухой* – (многослойный) радиоуглеродные даты для слоя верхнего палеолита: 38 200 и 33 900 л.

Источник данных: Пермский краевой центр охраны памятников

Приложение 2

Перечень стоянок открытого типа верхнего палеолита Прикамья

1. *Школьный лог* – 30–20 т.л. (Добрянский район), стационарные раскопки не проводились
2. *Стоянка им. Талицкого* – 19 т.л. (Добрянский район), стационарные археологические раскопки проводились в 1938–39, 1941 гг. М.В. Талицким; в 1942 г. В.И. Громовым при участии М.П. Грязнова, А.А. Иессена; в 1945–48 и 1950–52 гг. О.Н. Бадером
3. *Горная Талица* – финальный палеолит (Добрянский район), частично изучен раскопками в 1984 г. П.Ю. Павловым и А.Ф. Мельничуком; сбор материала в затопляемой части памятника производился в 1984, 1995 гг. А.Ф. Мельничуком, Е.Л. Лычагиной
4. *Верхние Гари* – финальный палеолит (Добрянский район), стационарные раскопки не проводились
5. *Стоянка Пеньки* – финальный палеолит (Добрянский район), стационарные раскопки не проводились
6. *Таман местонахождение* – финальный палеолит (Березниковский ГО), стационарные раскопки не проводились
7. *Стоянка Рязановский лог* – 16–11 т.л. (Еловский район), стационарные раскопки не проводились
8. *Стоянка Шульдиха 1* – 27–22 т.л. (Еловский район), стационарные раскопки не проводились
9. *Стоянка Кресты II* – верхний палеолит (Еловский район), частично исследована раскопками в 2000 г. С.Н. Коренюком
10. *Стоянка Анферово II* – 20–15 т.л. (Ильинский район), стационарные раскопки не проводились
11. *Стоянка Верхнее Бутканово I* – 20–15 т.л. (Ильинский район), стационарные раскопки не проводились.
12. *Усть-Иньва 1 местонахождение* – 20–15 т.л. (Ильинский район), стационарные раскопки не проводились
13. *Стоянка Палкинская* – поздняя пора верхнего палеолита (Ильинский район), стационарные раскопки не проводились
14. *Шировановский комплекс* 8 объектов – 20–10 т.л. (Ильинский район), стационарные раскопки не проводились.
15. *Стоянка Кизел 1* – палеолит (г. Кизел), стационарные раскопки не проводились
16. *Устиново IV, поселение* – 2 слоя, 1 – верхний палеолит (Осинский район), стационарные раскопки не проводились
17. *Шаборшиха II, поселение* – верхнепалеолитический слой 20–10 т.л. (Оханск), стационарные раскопки не проводились
18. *Стоянка Копыловка I* – 25–11 т.л. (Оханск), стационарные раскопки не проводились
19. *Стоянка Усть-Очер II* – 20–15 т.л. (Оханск), стационарные раскопки не проводились
20. *Стоянка Осинковка I* – 30–20 т.л. (Оханск), стационарные раскопки не проводились
21. *Стоянка Ягодная I* – 25–14 т.л. (Оханск), стационарные раскопки не проводились
22. *Стоянка Ягодная II* – 25–14 т.л. (Оханск), стационарные раскопки не проводились
23. *Стоянка Ягодная III* – 25–14 т.л. (Оханск), стационарные раскопки не проводились

24. *Стоянка Окуловка I* – 22–16 т.л. (Оханск), стационарные раскопки не проводились
25. *Стоянка Окуловский остров I* – 22–16 т.л. (Оханск), стационарные раскопки не проводились
26. *Стоянка Дворцовая Слудка I* – палеолит (Пермский район), стационарные раскопки не проводились
27. *Стоянка Луговая VIII* – верхний палеолит (Пермский район), стационарные раскопки не проводились
28. *Усть-Громотуха I, поселение* – 2 слоя, 1 – финальный палеолит (Пермский район), стационарные раскопки не проводились
29. *Стоянка Усть Сылва* – финальный палеолит (Пермский район), стационарные раскопки проводились в 1988-90 гг. Голдобиным А.В.; 2005 г. – Чуриловым Э.В.
30. *Поселение Баской лог* – многослойный памятник, есть слой финального палеолита (Частые), выявленный в шурфе 1953 г. (рук. Б.Х. Кадиков)
31. *Стоянка Антыбары* – финальный палеолит (Чусовской район), каменные орудия собраны в ходе стационарных раскопок средневекового могильника в 1983, 1986-88 гг. под руководством Г.Т. Ленц
32. *Селище и стоянка Пеньки* – обнаружен слой финального палеолита (Чусовской район), стационарными раскопками не изучен
33. *Стоянка Заозерье»* – 35 т.л. (Чусовской район), стационарные раскопки 1986, 1989, 2001-04 гг. под руководством П.Ю. Павлова.
34. *Стоянка Гарчи 1* – 29 т.л. (Юсьвенский район), стационарные раскопки проводились в 1990-91гг. под руководством П.Ю. Павлова
35. *Стоянка Гарчи 2* – 15–10 т.л. (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились
36. *Стоянка Гарчи 3* – верхний палеолит (2 пол. ош. времени), (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились.
37. *Стоянка Гарчи 4* – верхний палеолит, предположительно 27–29 т.л. (1 пол. ош. времени), следы костенковско-стрелецкой культуры, (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились
38. *Стоянка Гарчи 5* – верхний палеолит, предположительно 27–29 т.л. (1 пол. ош. времени), следы костенковско-стрелецкой культуры, (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились.
39. *Стоянка Гарчи 6* – 15–10 т.л. (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились
40. *Стоянка Емельяниха 1* – 2-я пол. ош. времени, (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились
41. *Стоянка Лемпиха I* – поздняя пора верхнего палеолита (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились
42. *Стоянка Усть-Пожва I* – предварительно – финальный палеолит (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились
43. *Стоянка Усть-Пожва II* – финальный палеолит (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились
44. *Стоянка Усть-Пожва III* – финальный палеолит (Юсьвенский район), частично изучен методом шурфования в 1991г. Макаровым М.Ю.
45. *Стоянка Усть-Пожва IV* – поздняя пора верхнего палеолита (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились.
46. *Стоянка Усть-Пожва V* – поздняя пора верхнего палеолита (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились.
47. *Стоянка Усть-Пожва VI* – поздняя пора верхнего палеолита (Юсьвенский район), стационарные раскопки не проводились

Источник данных: Пермский краевой центр охраны памятников

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-53-62

Е.Н. Митрошин,¹ Е.Л. Лычагина,^{2,3}**МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ОГУРДИНО (по материалам раскопок 2018 г.)^{*}**¹Пермский федеральный научный центр УрО РАН, Пермь, РФ²Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ³Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, РФ

В статье представлены результаты типологического анализа каменного инвентаря поселения Огурдино из раскопок 2018 г. Поселение Огурдино является крупнейшим и наиболее изученным мезолитическим памятником Прикамья. Характеристика каменной индустрии поселения легла в основу выделения огурдинского этапа камской мезолитической культуры.

В ходе работ 2018 г. в раскопе площадью 36 м² было обнаружено 471 экз. изделий из камня, отнесенных к мезолиту. Основным сырьем на памятнике был галечниковый кремль невысокого качества. Ведущей категорией скола была пластина, шириной до 1 см. Среди нуклеусов преобладали карандашевидные и конические с одной ударной площадкой. Более 80% орудий изготовлены на пластинах. Основными категориями орудий выступали пластины с ретушью, резчики, угловые резцы, скребки и микроскребки.

На основании проведенных ранее исследований и результатов работ 2018 г. памятник можно охарактеризовать как долговременное или часто посещаемое место охотников эпохи мезолита. Сравнение с материалами предыдущих исследований памятника показало сходство по основным критериям (сырье, характер индустрии, орудийный набор). Поэтому коллекция каменного инвентаря поселения Огурдино 2018 г. может рассматриваться как типичная для данного памятника.

Ключевые слова: Огурдино, поселение, мезолит, каменный инвентарь, типологический анализ, пластинчатая индустрия

E.N. Mitroshin¹, E.L. Lychagina^{2,3}**MESOLYTIC COMPLEX OF THE OGURDINO SETTLEMENT
(BASED ON MATERIALS FROM EXCAVATIONS IN 2018)**¹Perm Federal Research Center, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, UB RAS, Perm, Russia²Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia³Perm State University, Perm, Russia

The article presents the results of a typological analysis of the stone inventory of the Ogurdino settlement from the excavations in 2018. The settlement of Ogurdino is the largest and most studied Mesolithic site of the Kama region. The characteristics of the stone industry of the settlement formed the basis for the identification of the Ogurdinsky stage of the Kama Mesolithic culture.

During the work in 2018, in an excavation with an area of 36 m², 471 stone items were discovered, attributed to the Mesolithic. The main raw material at the site was not high quality pebble flint. The leading category of cleavage was a blade up to 1 cm wide. Pencil-like and conical cores with one striking platform prevailed among the cores. More than 80% of the tools were made on blades. The main categories of tools were retouched blades, carvers, corner cutters, scrapers and micro-scrapers.

^{*} Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Based on previous studies and the results of work in 2018, the settlement can be characterized as a long-term or frequently visited place of hunters of the Mesolithic era. Comparison with the materials of previous studies of the site showed similarity in terms of the main criteria (raw materials, nature of the industry, tool kit). Therefore, the collection of stone tools from the settlement of Ogurdino in 2018 can be considered as typical for this site.

Key words: *Ogurdino, settlement, Mesolithic, stone implements, typological analysis, blade industry.*

Введение

Огурдинское поселение расположено на правом берегу р. Кама между п. Огурдино и п. Орёл Усольского района Пермского края. Оно занимает край высокой надпойменной террасы, возвышаясь над уровнем реки на 10-11 м, и простирается вдоль берега на 2-2,5 км.

Памятник был открыт в 1949 г. В.П. Денисовым и В.А. Обориным, и сразу же привлек внимание О.Н. Бадера своим кремнёвым микролитическим инвентарем. Данное поселение является самым большим мезолитическим памятником на территории Среднего и Верхнего Прикамья.

Первые исследования памятника были проведены О.Н. Бадером в 1951–1952 гг. Характеризуя каменный инвентарь, исследователь отмечал сочетание классических микролитических комплексов с выемчатыми трапециями и пластинами с усеченным ретушью концом. Эти находки О.Н. Бадер рассматривал как архаичные элементы в мезолите Прикамья [Мельничук; Чурилов, 2003, с. 20–21].

К сожалению, полностью материалы раскопок 1951–52 гг. так и не были опубликованы, однако общая характеристика памятника дается во многих работах исследователя [Бадер, 1966, с. 194–195].

После 30-летнего перерыва в 1984 г. раскопки Огурдинского поселения были продолжены А.Ф. Мельничуком и А.М. Белавиным. Авторы отмечали, что каменный инвентарь был схож с материалами предыдущих исследований памятника. Он включал в себя выемчатые трапеции, пластины с обработанным ретушью концом, боковые поперечно-ретушные резцы, пластины разных размеров, нуклеусы параллельного принципа скалывания. Индустрия памятника характеризовалась, как пластинчатая (пластины – 67,4%, отщепы – 32,6%). На пластинах было изготовлено 82,3% орудий [Мельничук, 1989, с. 244–249].

Исследования 1984 г. подтвердили предположение О.Н. Бадера о том, что Огурдинское поселение может рассматриваться как *эталонный памятник развитого этапа камской мезолитической культуры*.

Работы на поселении были продолжены в 1993–1996 гг. В процессе раскопок 1993 г. был обнаружен «клад топоров». В компактном скоплении размером около 0,5 м было найдено 6 топоров, изготовленных из диорита и диоритообразной породы. Вместе с топорами находился типичный мезолитический материал в виде пластин, карандашевидного нуклеуса и концевой скребка, что подтверждает мезолитический возраст «клада» [Лычагина, 2013, с. 43].

После небольшого перерыва, работы были возобновлены в 2002 г. под руководством Н.Б. Крыласовой и Е.Л. Лычагиной. Площадь раскопа 2002 г. – 96 м². К мезолитическому комплексу было отнесено 374 изделия из камня [Лычагина, 2014, с. 182–187]. Комплексный анализ коллекции 2002 г. показал,

что в качестве каменного сырья использовались местные материалы. Основной заготовкой для изготовления орудий служили мелкие и тонкие пластины. Результаты трасологического анализа зафиксировали преобладание орудий, связанных с разделкой добычи и обработкой дерева. При этом ведущей категорией орудий были мясные/рыбные ножи [Митрошин и др., 2017, с. 16–25].

В июле 2018 г. работы на поселение Огурдино были продолжены. Раскоп общей площадью 36 м² был разбит у северной границы памятника, практически вплотную к территории бывшего дома отдыха «Урал» (рис. 1). На территории раскопа были зафиксированы современные следы антропогенного воздействия (мусорные ямы, костровища). В ходе археологических работ объектов, связанных с эпохой камня, не обнаружено.

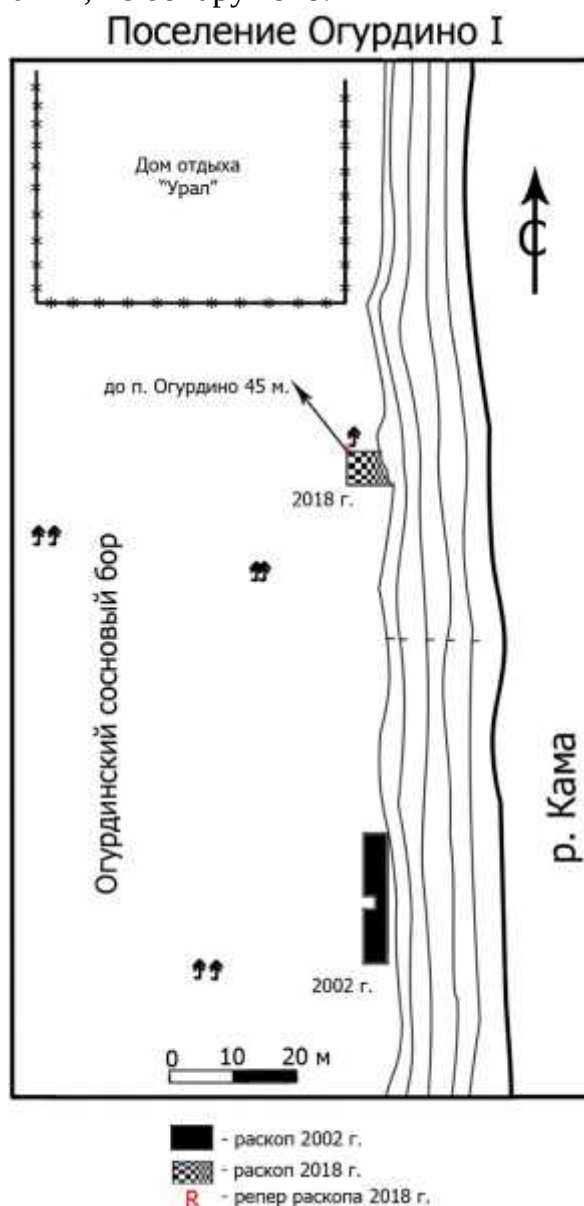

Рис. 1. Топографический план поселения Огурдино, северная часть

Коллекция, собранная в процессе исследований 2018 г., принадлежит к двум хронологическим периодам – мезолиту и раннему железному веку. К мезолиту относится 471 изделие из камня, к раннему железному веку – 295 фрагментов керамики от не менее чем 4 сосудов.

Данная статья посвящена результатам *типологического анализа каменного инвентаря* из раскопа 2018 г.

Обсуждение материалов

Основным сырьем, использовавшемся на памятнике, был *галечниковый кремь* серого, коричневого, бежевого цветов не очень высокого качества (около 62%). Однако также встречаются орудия, изготовленные из других пород – халцедона, окремненного известняка, сланца и кварцито-песчаника. В целом, сырьевая база памятника довольно ограничена, и связана, в первую очередь, с местными легкодоступными материалами. Подобная картина наблюдалась и в ходе предыдущих исследований памятника [Мельничук, 1989, с. 244; Лычагина, 2014, с. 182].

Таблица 1. Характеристика продуктов первичного расщепления

Продукты расщепления:	
Отщепы:	53
Массивные (70-... мм)	2
Крупные (50-70 мм)	4
Средние (30-50 мм)	9
Мелкие (10-30 мм)	38
Пластинчатые отщепы:	20
Крупные (50-70 мм)	1
Средние (30-50 мм)	2
Мелкие (10-30 мм)	17
Пластины:	231
Массивные (21-...)	2
крупные (15-20 мм)	5
средние (10-15 мм)	19
мелкие (6-10 мм)	158
Микропластинки	47
Нуклеусы	7
Пренуклеусы	3
Чешуйки	94
Сколы	59
Гальки, отдельности	4
Всего:	471

При анализе *продуктов первичного расщепления* были выделены следующие группы (табл. 1): пластины (231 экз.), отщепы (73 экз.), сколы (59 экз.), чешуйки (94 экз.), нуклевидные формы (10 экз.).

В свою очередь, среди *отщепов* выделяется группа первичных форм (13 экз.), для которой характерно наличие галечниковой корки на большей части дорсальной поверхности. Скорее всего, они являются отходами при производстве нуклеусов. Отдельную группу составляют *пластинчатые отщепы* (20 экз.), которые имеют вытянутую форму, но длина целых форм не превышает ширину в 2 раза, что необходимо для того, чтобы они считались пластинами. Пластинчатые отщепы могли быть заготовками орудий (в первую очередь, скребков), а также использоваться в работе без дополнительной обработки.

При анализе размеров отщепов заметно преобладание во всех группах мелких форм (до 3 см), при этом пластинчатые отщепы, в среднем, имеют меньшие размеры, чем обычные и первичные (табл. 1).

Рис. 2. Каменный инвентарь: 1–6 – нуклеусы, 7–12 – скребки, 13–14 – микроскребки, 15–21 – пластины с ретушью, 22–24 – угловые резцы, 25–28 – резчики, 29 – сверло

В группу *сколы* были отнесены случайные осколки, образовавшиеся при первичной обработке камня, в группу *чешуйки* – мелкие отщепы, длина которых не превышала 1 см (табл. 1).

Самую большую категорию продуктов первичного расщепления составили *пластины* – 231 экз. Из них 214 экз. – *ножевидные пластины* (пластины правильных форм); 12 экз. – *ребристые*; 5 экз. – *неправильные пластины*. При этом абсолютно преобладают мелкие пластины, ширина которых колеблется

в пределах 6–10 мм – 158 экз. Вторую по численности группу составляют *микропластины* – 47 экз. (табл. 1). Если объединить микропластины и мелкие пластины, то получится, что ширину до 1 см имеют 89% пластин. Это свидетельствует о достаточно высоком уровне микролитизации каменного инвентаря. Подобное распределение пластин характерно для камской мезолитической культуры на ее развитом этапе [Лычагина, 2013, с. 42].

Стоит отметить, что ножевидные пластины (пластины правильных форм) и их фрагменты составляют 46% от всей коллекции каменного инвентаря. Из них 52 экз. имеет следы вторичной обработки или использования (рис. 2/ 13-29). Таким образом, пластины без следов вторичной обработки составляют 162 экз. (35%) от всей коллекции.

Целые пластины составляют 5% от общего количества пластин. Чаще всего встречаются медиальные фрагменты – 44%, проксимальные (41%) и дистальные (10%) части также встречаются чаще, чем целые изделия. 41% пластин имеют треугольное сечение, 59% – трапециевидное. 68% пластин имеют прямой продольный профиль.

На части пластин заметны следы сработанности в виде залощений или мелких выкрошенностей – ретуши утилизации. Целенаправленная вторичная обработка встречена у 16,5% пластин.

В то же время, значительная группа пластин правильной формы с прямым профилем могла использоваться в качестве лезвий составных орудий (вкладышей) без дополнительной подработки.

Соотношение количества пластин и отщепов – 76:24 (231:73). Следовательно, можно говорить о том, что для данного памятника характерна пластинчатая индустрия.

Отдельную группу составляют *нуклеусы* законченных форм – 7 экз. (табл. 1, рис. 2/1-6). Остановимся на их характеристике подробнее:

Первый нуклеус (рис. 2/1) был изготовлен из темного кремня, имел карандашевидную форму размером: 3,4 x 1,1 x 1 см. Ударная площадка скошенная, трапециевидной формы. *Следующий нуклеус* был изготовлен из серого кремня, также имел карандашевидную форму размером 2,9 x 1 x 0,7 см. Ударная площадка скошенная, подокруглой формы (рис. 2/2). *Третий нуклеус* изготовлен из бежевого кремня, имел коническую форму размером 4 x 2,4 x 1,9 см. Ударная площадка прямая, трапециевидной формы. *Четвертый нуклеус* изготовлен из серого кремня, имел карандашевидную форму размером: 2 x 0,8 x 0,7 см. Ударная площадка прямая, подокруглой формы (рис. 2/3). *Пятый нуклеус* изготовлен из темного кремня, также имел коническую форму размером 2,8 x 1,3 x 1,1 см. Ударная площадка прямая, подокруглой формы (рис. 2/4). *Шестой нуклеус* изготовлен из темно-серого кремня, имел карандашевидную форму, размером 3,7 x 0,5 x 0,5 см. Ударная площадка прямая, подокруглой формы (рис. 2/5). *Седьмой нуклеус* изготовлен из серого кремня, имел клиновидную форму, размером: 2,3 x 1,4 x 1,4 см. Ударная площадка скошенная, пятиугольной формы (рис. 2/6).

В целом описанная выше группа выглядит достаточно однородной. Все нуклеусы относятся к типу одноплощадочных и имели круговой характер скалывания. Сырьем во всех случаях выступал кремень, чаще всего – серого цвета. Высота не превышала 4 см, ширина ударных площадок варьировала в пределах 0,5-2,4 см. Разделение на конические и карандашевидные формы

связано со степенью сработанности нуклеусов. Форма ударных площадок также зависела от степени утилизации изделий. Мы можем говорить о наличии на памятнике единой стратегии первичного расщепления, направленной на получение мелких пластин правильной формы. Проведение в дальнейшем технологического анализа поможет уточнить основные приемы первичного расщепления (применение органического отбойника, удар через посредник, отжим и др.). Также в коллекции представлены 3 *пренуклеуса* с разной степенью подготовки к работе.

К *орудиям* было отнесено 63 предмета (13,5%) (рис. 2/7-29). При этом на пластинах изготовлено 52 орудия, в то время как на отщепах – только 5. Соотношение орудий на пластинах и отщепах 91:9. Это еще раз подтверждает, что для памятника была характерна пластинчатая индустрия и ведущей заготовкой для изготовления орудий выступали пластины и их фрагменты.

Таблица 2. Номенклатура орудий труда

Тип	Количество	%
Пластины с ретушью	29	46
Резчики	13	20,5
Резцы	4	6,5
Микроскребки	3	5
Скребки	9	14,5
Оселки	2	3
Сверло	1	1,5
Отбойник	1	1,5
Заготовка орудия	1	1,5
Итого	63	100

Номенклатура орудий труда выглядит следующим образом (табл. 2):

Большую часть орудий составили *пластины с ретушью* (рис. 2/15-21). Ретушь, в основном, краевая, эпизодическая. Дорсальная и вентральная ретушь встречается практически в равных пропорциях. В двух случаях встречаются пластины с двусторонней ретушью и в двух случаях с противоположащей ретушью (рис. 2/16, 18). Интересно отметить, что среди пластин с ретушью преобладали микропластины – 12 экз., и мелкие пластины – 11 экз. В среднем, ширина пластин с ретушью меньше, чем пластин без ретуши. Это еще раз доказывает, что основной целью первичного расщепления на памятнике, было получение мелких и микропластин, которые и выступали в качестве заготовок орудий труда. Часть ретуши, которую мы зафиксировали, может трактоваться как ретушь утилизации – т.е. ретушь, которая появилась в результате использования пластин в качестве орудий.

Все *резчики* (13 экз.) также были изготовлены на пластинах. 10 из них находились на углах медиальных сечений пластин с выделенной краевой ретушью. 4 резчика можно отнести к двулезвийным. Для их изготовления использовался серый и коричневый кремль (6 экз., 3 экз.), халцедон (2 экз.), сланец (2 экз.) (рис. 2/25-28). В качестве резчиков чаще всего использовались

мелкие пластины – 9 экз., еще 3 орудия изготовлено на микропластинах и одно – на средней пластине.

Резчики являются довольно распространенной формой орудий на памятниках камской мезолитической культуры. В частности, похожие формы были изучены при исследовании стоянки Чашкинское Озеро XI в 2016 г. [Митрошин и др., 2017, с. 31–32].

К категории орудий были отнесены *пластины с резцовыми сколами* (4 экз.). Все резцы были изготовлены на углах медиальных частей мелких пластин (рис. 2/22-24). Два предмета имели по одному резцовому сколу и были изготовлены из кремня бежевого цвета и халцедона (рис. 2/23-24). Одно орудие, сделанное из кремня темно-бежевого цвета, имело 2 резцовых скола (рис. 2/22). Последнее изделие, изготовленное из серого кремня, имело резцовые сколы на всех 4 углах пластины. Выделенная группа орудий выглядит достаточно однородной. Распространение небольших угловых резцов на пластинах и их фрагментах является типичным для развитого этапа камской мезолитической культуры [Лычагина, 2009, с. 146].

Отдельную группу составляют *пластины, имеющие торцевое усечение* – 3 экз. (рис. 2/13-14). Мы полагаем, что эти орудия могли использоваться в качестве микроскребков. Сырьем для их изготовления служил серый кремнь. Лезвие располагалось на дистальном конце мелких пластин. Все три скребка были оформлены дорсальной ретушью. У одного из орудий на противоположном конце пластины находился резчик, оформленный мелкой дорсальной ретушью (рис. 2/14).

Аналогичные изделия были найдены в ходе раскопок 2016 г. на стоянках Чашкинское Озеро X и Чашкинское Озеро XI. Трасологический анализ показал, что они использовались в качестве микроскребков для обработки шкур и кости [Митрошин и др. 2017, с. 36-38].

К категории *скребков* отнесено 9 предметов (рис. 2/7-12). Лишь 2 скребка были изготовлены на пластинах. Один скребок был сделан на дистальном фрагменте крупной пластины из коричневого кремня, которая была обработана крутой дорсальной ретушью с дистального конца и имела небольшую подработку мелкой ретушью на одной из боковых сторон, около лезвия (рис. 2/8); второй – на дистальном фрагменте крупной пластины из серого полупрозрачного халцедона (рис. 2/9), крутой дорсальной ретушью был оформлен дистальный конец изделия, обе боковые поверхности были обработаны полукрутой дорсальной ретушью. У обоих орудий форма лезвия – прямая. Следующий скребок был изготовлен на пластинчатом отщепе из серого полупрозрачного халцедона. Дистальный конец орудия был обработан крутой дорсальной ретушью. Форма лезвия – скошенная (рис. 2/9).

Три скребка были изготовлены на отщепах, средние размеры которых не превышают 3 см. Наибольший интерес представляет многолезвийный скребок из коричневого кремня (рис. 2/7). Первое лезвие располагалось на боковой стороне отщепа, и было обработано полукрутой дорсальной ретушью. Два других лезвия находились на дистальном конце заготовки и противоположной боковой стороне соответственно. Эти лезвия были обработаны крутой дорсальной ретушью. Все лезвия прямые. Следующий скребок был сделан из светло-серого кремня и обработан крутой дорсальной ретушью по 2/3 периметра изделия (рис. 2/10).

Последнее орудие было изготовлено из халцедона и имело полукруглое лезвие на дистальном конце заготовки, обработанное крутой дорсальной ретушью.

Еще 3 скребка были представлены в обломках. Один из них был изготовлен на дистальной части отщепа из халцедона, обработанной крутой дорсальной ретушью (рис. 2/11). Что послужило формой для остальных, определить не удалось.

Аналогичные формы скребков были найдены на стоянках Чашкинское Озеро X, Чашкинское Озеро XI и ряде других памятниках камской мезолитической культуры [Митрошин, Лычагина, 2018, с. 51].

Единичным экземпляром представлено *сверло*, которое было изготовлено на проксимальной части микропластины (2 x 0,5 x 0,2 см) из серого полупрозрачного халцедона. Дистальный конец был заужен и обработан противоположащей ретушью (рис. 2/29).

Помимо этого в коллекции имеются *оселок*, фрагмент *оселка*, галечниковый *отбойник* и *заготовка* массивного орудия.

Подводя итоги характеристике каменного инвентаря поселения Огурдино (раскопки 2018 г.), можно отметить использование кремня разных оттенков (темно-серого, серого, сургучного и др.) и халцедона в качестве основного сырья. Орудия представлены фрагментами микро- и мелких пластин с частичной краевой ретушью, резчиками, микро-скребками, скребками. Отходов производства в раскопе мало, а те, что есть, в основном представлены чешуйками, полученными при обработке лезвий орудий и карнизов нуклеусов и различными сколами.

Заключение

На основании проведенных ранее исследований и результатов работ 2018 г. памятник можно охарактеризовать, как долговременное или часто посещаемое место охотников эпохи мезолита [Митрошин и др., 2017, с. 19]. К сожалению, мезолитические памятники подобного типа в Прикамье практически не изучены. К этой же группе мы можем отнести стоянку Шумково, однако ее материалы до сих пор не опубликованы [Лычагина, 2013, с. 41].

Если сравнивать материалы 2018 г. с результатами раскопок 1984 г. [Мельничук, 1989, с. 244-249] и 2002 г. [Лычагина, 2014, с. 182-187] можно заметить схожие черты. Так, в материалах 1984 г. фиксируется большое количество сработанных карандашевидных и призматических нуклеусов [Мельничук, 1989, с. 245]. Материал для изготовления большинства орудий на всех раскопах, схож – кремень, разных оттенков, но с преобладанием серого цвета.

Характерной чертой развитого мезолита Прикамья в целом и поселения Огурдино в частности, является преобладание в коллекциях пластин шириной 0,6–1 см [Лычагина, 2014, с. 184; Мельничук, 1989, с. 246]. При этом коллекция 2018 г. выглядит более микролитичной, по сравнению с материалами раскопок прошлых лет. Скорее всего, это связано с методикой раскопок. Применение просеивания грунта со всей площади раскопа позволило обнаружить большое количество микро- и мелких пластин.

Основными приемами вторичной обработки во все годы исследований выступали краевая ретушь и резцовый скол. Находка «клада топоров» со следами шлифования в 1993 г. является уникальной и не меняет общей картины.

Схож и категориальный набор орудий. Так, самую большую группу составляют пластины с ретушью. Во все годы раскопок выделялись такие категории орудий, как угловые резцы, резчики, скребки. Микроскребки встречаются в материалах раскопок 2002 г. Однако трапеция была найдена только в раскопе 1984 г. Учитывая единичность такой категории находок, как трапеции (за всего годы исследований – всего 6 экз.), этот признак не может считаться определяющим.

В целом, характеристика индустрии, орудийный набор и материалы изготовления схожи на всех трёх раскопах. Поэтому коллекция каменного инвентаря поселения Огурдино 2018 г. может рассматриваться как типичная для данного памятника. При проведении в дальнейшем технологического и трасологического анализа инвентаря, его результаты могут быть экстраполированы на памятник в целом.

Библиографический список

1. Бадер О.Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые вопросы изучения мезолита // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 126: У истоков древних культур (эпоха мезолита). – М. –Л., 1966. – С. 194–205
2. Лычагина Е.Л. Вопросы периодизации камской мезолитической культуры // VII Тверской Археологический Сборник. – Тверь: ТГОМ, 2009. – С. 145–153
3. Лычагина Е.Л. Каменный и бронзовый век Предуралья. – Пермь: ПГГПУ, 2013. – 120 с.
4. Лычагина Е.Л. Каменный инвентарь поселения Огурдино (по материалам раскопок 2002 г.) // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века /отв. редактор В.Н. Карманов. – Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2014. – С. 182–187
5. Мельничук А.Ф. Материалы мезолитического Огурдинского поселения // СА. – 1989. № 4. – С. 244–249
6. Мельничук А.Ф., Чурилов Э.В. О.Н. Бадер и изучение камского мезолита // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. – Пермь: ПГУ, 2003. – С. 20–21
7. Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н. Комплексный анализ каменного инвентаря поселения Огурдино (по материалам раскопок 2002 Г.) // Вестник Пермского университета. – 2017. № 1 (36). – С. 16–25
8. Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л., Поплевко Г.Н., Цыгвинцева Т.А. Комплексный анализ каменного инвентаря мезолитической стоянки Чашкинское Озеро XI // Поволжская археология. – 2017. № 3. – С. 26–47
9. Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л. Характеристика хозяйственных занятий населения Верхнего Прикамья в эпоху мезолита (по результатам трасологического анализа) // XXI Уральское археологическое совещание. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Самара: Изд-во СГСПУ; «Порто-Принт», 2018. – С. 51–53

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-63-71

Н.С. Батуева**О СООТНОШЕНИИ ОРНАМЕНТАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ
ИЗГОТОВЛЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ ВЕРХНЕГО И
СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ***

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (ПГГПУ), Пермь, РФ

В настоящее время на территории Верхнего и Среднего Прикамья выделяются две неолитические культуры: камская и волго-камская. Целью данной работы было провести соотношение результатов технико-технологического анализа и орнаментации посуды. Все неолитические памятники были разделены на три группы по виду залегающей керамики: с гребенчатым орнаментом, с накольчатым орнаментом и совместным залеганием посуды обоих типов. В результате нами были выделены гончарные традиции характерные для населения камской или волго-камской культур как для каждого периода неолита в отдельности, так и для культуры в целом.

Ключевые слова: неолит, Верхнее и Среднее Прикамье, керамика, технико-технологический анализ, историко-культурный подход, орнамент.

N.S. Batueva**ON THE CORRELATION BETWEEN THE NEOLITHIC POTTERY
TECHNOLOGY OF THE KAMA REGION MONUMENTS (AT THE
PREPARATORY STSGE) AND ITS ORNAMENTATION**

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

Currently, two Neolithic cultures are distinguished on the territory of the Upper and Middle Kama regions: Kama and Volga-Kama. The aim of this work was to compare the results of technical and technological analysis and ornamentation of vessels. All Neolithic sites were divided into three groups according to the type of ceramics that were deposited: with a comb ornamentation, with a pricked ornamentation, and a joint occurrence of both types of pottery. As a result, we have identified the pottery traditions characteristic of the population of the Kama or Volga-Kama cultures, both for each Neolithic period separately and for the culture as a whole.

Key words: Neolithic, Upper and Middle Kama region, ceramics, technical and technological analysis, historical and cultural approach, ornamentation.

Введение

Неолит Верхнего и Среднего Прикамья характеризуется наличием двух археологических культур – камской и волго-камской. Одним из основных критериев их выделения является керамика. Для посуды камской культуры характерны крупные полуяйцевидные сосуды, орнаментированные гребенчатым штампом, а для керамики волго-камской – плоскодонные сосуды неорнаментированные либо украшенные наколами. За последние несколько лет были проведены исследования посуды обеих культур [Васильева, Выборнов, 2012; Батуева, 2017; Андреева, Батуева, 2020] по методике, предложенной А.А. Бобринским [Бобринский, 1978; Бобринский, 1999].

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

В данной работе будет представлено соотношение результатов технико-технологического анализа (исходного пластического сырья – ИПС и составов формовочных масс – ФМ) с орнаментацией сосудов. Всего анализу подверглись фрагменты от 248 сосудов с территории Верхнего и Среднего Прикамья.

По залеганию керамики в культурных слоях, памятники эпохи неолита можно разделить на три группы: с посудой, орнаментированной гребенчатым штампом (57 сосудов); с посудой, орнаментированной наколами (14 сосудов) и третья группа – с совместным залеганием накольчатой (77 сосудов) и гребенчатой (100 сосудов) керамики. Посуда выделенных групп рассматривалась отдельно.

Камская культура делится исследователями на три хронологических этапа – ранний, развитый (хуторской) и поздний (лёвшинский), поэтому нами было проведено разделение также по данному параметру. Кроме этого стоит отметить, что на раннем этапе не выделяются памятники со смешанными комплексами.

Для *волго-камской культуры* выделяются два этапа – ранний и поздний. При этом существует четкое разделение: на раннем этапе – несмешанные комплексы, на позднем – смешанные.

Проведенные раннее исследования позволили выделить в неолите Верхнего и Среднего Прикамья два вида исходного сырья – глины и илистые глины, а в составах формовочных масс добавление основных искусственных примесей шамота или шамота с органическим раствором [Васильева, Выборнов, 2012; Батуева, 2017; Андреева, Батуева, 2020].

При анализе орнаментов основным критерием было разделение на гребенчатую и накольчатую орнаментацию, а также способы нанесения орнамента. Для гребенчатой посуды были выделены такие способы как прокатывание (гребенчатого и гладкого штампов), шагание (гладкого и гребенчатого штампов) и оттискивание (гребенчатого штампа). Для накольчатой керамики – накалывание.

Результаты анализа

Описание результатов приводится в соответствии с хронологическими периодами и группами смешанных и несмешанных комплексов.

Несмешанные комплексы камской культуры

Ранний этап

На раннем этапе древними гончарами изготавливались сосуды из илистых глин, искусственными примесями служили шамот или шамот с органическим раствором. Орнаментировались сосуды гребенчатым штампом в технике оттискивания и/или прокатывания (табл.1).

Развитый этап

При соотношении орнаментации посуды и результатов технико-технологического анализа нами были выделены две группы керамических традиций, для которых характерно:

1. Изготовление посуды с несмешанным составом «илистая глина/глина + шамот» орнаментированной гребенчатым штампом в техниках оттискивания, шагания и прокатывания, где последний способ нанесения занимал приоритетное место (табл.1). При этом следует отметить, что в данной посуде использовался крупный шамот > 2,5 мм (табл. 1).

Таблица 1. Соотношения орнаментации и рецептов ФМ керамики камской культуры (несмешанных комплексов)

ФМ	Орнаментация											И то го	
	ОТ греб	ШАГ		ПР греб	Ямки углом штампа	ПР + ШАГ	ОТ + ямки углом штампа	ШАГ + ямки углом штампа	ПР + ямки	ПР + ямки углом штампа	ШАГ (греб) + ОТ		
		греб	глад								ОТ (греб)		ОТ (глад)
Ранний этап													
Ш < 2,5 мм	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/67%	
ОР + Ш > 2,5 мм	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/33%	
ВСЕГО:	3/100 %	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	3/100%	
Развитый (хуторской) этап													
Ш < 2,5 мм	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	2/5%	
Ш < 2,5 мм	2	3	-	10	-	-	-	1	-	1	-	17/42,5 %	
ОР	1	1	-	-	1	-	1	1	-	-	-	5/12,5%	
ОР + Ш < 2,5 мм	-	-	-	3	-	-	-	1	2	1	-	7/17,5%	
ОР + Ш > 2,5 мм	1	1	-	3	-	-	-	1	1	1	-	8/20%	
Ш + ДГ	Протаскивание + ямки 2 / 2,5%											1 / 2,5%	
ВСЕГО:	5/ 12,5%	5/ 12,5%	-	16/ 40%	1/ 2,5%	-	1/ 2,5%	2/ 5%	2/5%	3/7,5%	-	40/ 100%	
Поздний (левшинский) этап													
Ш < 2,5 мм	1	3	-	2	3	-	1	1	-	-	-	11/79%	
ОР + Ш > 2,5 мм	1	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	3/21%	
ВСЕГО	2/14%	3/21%	-	4/29 %	3/21%	-	1/7,5 %	1/7,5 %	-	-	-	14/ 100%	

Ш – шмот; ОР – органический раствор; ДГ – дробленая глина; греб. – гребенчатый штамп;
глад. – гладкий штамп; ОТ – оттискивание; ПР – прокатывание; ШАГ – «шагающая гребенка»

2. Изготовление посуды со смешанным составом ФМ «илистая глина/глина + шамот + органический раствор». Посуда данной группы была орнаментирована гребенчатым штампом в двух техниках – прокатывание и шагание. На сосудах орнаментированных «шагающей гребенкой» были зафиксированы ямки нанесенные углом штампа (табл. 1). Данная орнаментация была отмечена на сосудах, где в формовочную массу замешивался шамот размерностью < 2,5 мм.

Поздний этап

При сопоставлении результатов исследований ФМ и орнаментации посуды, нами была выделена основная группа посуды с составом формовочной массы «илистая глина/глина + шамот». Такая посуда орнаментировалась гребенчатым штампом с помощью техник шагания и прокатывания. Кроме этого, гребенчатый штамп на этих сосудах использовался для нанесения ямок, углом данного орнамента (табл. 1).

В итоге мы можем отметить, что гончарами камской культуры на протяжении всего неолита изготавливалась посуда из илистых глин или глин с искусственными примесями шамота либо шамота с органическим раствором. Украшалась посуда гребенчатым штампом, в техниках оттискивания, шагания или прокатывания. Стоит отметить, что на развитом этапе в орнаментации появляются ямки, выполненные углом штампа.

Смешанные комплексы камской культуры

На раннем этапе смешанные комплексы не фиксируются, поэтому сразу приведены результаты для развитого этапа.

Развитый этап

При соотнесении технико-технологического анализа и орнаментации посуды, нами были выделены две группы посуды:

1. К первой группе были отнесены сосуды, изготовленные из глин или илистых глин с добавлением в качестве искусственной примеси крупного шамота > 2,5 мм.

2. Во вторую группу вошли сосуды, также изготовленные из глин или илистых глин, но в формовочную массу которых были добавлены шамот и органический раствор.

Посуда обеих групп чаще всего орнаментировалась прокатыванием, реже оттискиванием гребенчатого штампа (табл. 2). Кроме этого на поверхности сосудов обеих групп был зафиксирован такой элемент орнамента как «гладкий штамп». При этом в первой группе этот элемент наносился в техниках прокатывания и шагания, а во второй – оттискивания. Данный элемент также встречен на сосудах, изготовленных из ИПС с искусственным добавлением органического раствора (табл. 2).

Поздний этап

Соотношение орнамента и результатов технико-технологического анализа показало, что на позднем этапе существовало две традиции:

1. Изготовление сосудов с составом формовочных масс «илистая глина/глина + шамот». Данные сосуды украшались гребенчатым штампом чаще всего в двух техниках – оттискивания и прокатывания. Кроме этого фиксируется наличие такого элемента как «гладкий штамп», наносившийся в технике шагания.

Таблица 2. Соотношения орнаментации и рецептов ФМ керамики камской культуры (смешанных комплексов)

ФМ	Орнаментация												И		
	ОТ греб	ШАГ		ПР греб	Ямки углом штампа	ОТ греб + глад	ОТ + ямки	ПР + ОТ + ямки	ПР глад	ШАГ + ямки углом штампа	ПР + ямки	ПР + ямки углом штампа	ШАГ (греб) + ОТ (глад)		
		греб	глад										ОТ (греб)	ОТ (глад)	
Развитый этап															
Ш < 2,5 мм	1	1	1	3	1	-	-	-	-	-	2	1	-	-	10/13%
Ш < 2,5 мм	8	1	1	11	-	1	1	-	1	2	4	2	-	-	31/41%
ОР	5	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	8/11%
ОР + Ш < 2,5 мм	2	-	-	7	1	-	-	1	-	-	-	-	1	1	13/17%
ОР + Ш > 2,5 мм	2	1	-	3	-	-	-	1	-	-	2	1	1	-	11/15%
Ш + др. глина	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/3%
ВСЕГО:	20/27 %	3/4%	3/4%	24/32 %	2/3%	1/1%	1/1%	2/3%	1/1%	2/3%	8/11%	4/5%	3/4%	1/1%	75/100%
Поздний этап															
Ш < 2,5 мм	-	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	-	2	-	4/16%
Ш < 2,5 мм	3	1	2	3	-	-	-	-	-	1	-	1	-	-	11/44%
ОР	-	-	-	1	-	-	-	-	-	2	-	1	1	-	5/20%
ОР + Ш < 2,5 мм	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1/4%
ОР + Ш > 2,5 мм	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2/8%
Ш + др. глина	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/4%
ОР + др. глина	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/4%
ВСЕГО:	4/16%	2/8%	2/8%	7/28%	-	-	-	1/4%	-	3/12%	-	2/8%	4/16%	-	25/100%

Ш – шмот; ОР – органический раствор; ДГ – дробленая глина; греб. – гребенчатый штамп;
глад. – гладкий штамп; ОТ – оттискивание; ПР – прокатывание; ШАГ – «ыгающая гребенка»

2. Во вторую группу были отнесены сосуды, в составе теста которых в качестве искусственной примеси был включен только органический раствор. Наиболее популярной орнаментацией в этой группе является «шагающая гребенка», сочетающаяся с ямками поставленными углом штампа. Реже – прокатывание гребенчатым штампом с ямками поставленными углом (табл. 2).

Стоит отметить, что орнаментация, присущая керамике второй группы, фиксируется и на сосудах первой, но в единичных случаях.

Таким образом, в смешанных комплексах и на развитом, и на позднем этапе нами было выделено по две группы традиций. Из них мы видим, что, начиная с хуторского (развитого) этапа население, носившее камские керамические традиции, подвергается инородному влиянию. Об этом свидетельствует появление посуды, в тесте которой присутствует только органический раствор, и появление такого элемента орнаментации, как «гладкий штамп».

Несмешанные ранние комплексы волго-камской культуры

Проведенный анализ показал, что для посуды волго-камской культуры раннего этапа характерны сосуды, украшенные отдельными наколами, «отступающей палочкой» или без орнамента. Они изготавливались, в основном, из илестых глин с добавлением в качестве искусственной примеси шамота или шамота с органическим раствором. При этом широко использовался мелкий шамот, размерностью < 2,5 мм (табл.3).

Смешанные комплексы волго-камской культуры

Соотнесение орнамента и результатов технико-технологического анализа позволило выделить следующие группы:

1. В данную группу нами были включены сосуды, изготовленные по составу ФМ «илистая глина/глина + шамот». Орнаментация данных сосудов представлена чаще отдельно нанесенными наколами округлой, подтреугольной, «ногтевиной» формы (табл.3).

2. Вторая группа керамики представлена посудой изготовленной из ИПС с добавлением в качестве искусственной примеси шамота с органическим раствором. Чаще всего сосуды с таким составом неорнаментированы (табл.3).

Сравнивая обе группы между собой, мы можем отметить, что на позднем этапе более четко выделяется группа с неорнаментированной посудой. Кроме этого, важной особенностью является более плотное украшение орнаментального поля на сосудах, где орнаментация присутствует, по сравнению с первым этапом.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что анализ посуды с несмешанных памятников камской и волго-камской культур еще раз позволил нам выделить гончарные традиции, присущие их носителям. Так, носители камских традиций изготавливали посуду из илестых глин/глин с добавлением шамота либо шамота с органическим раствором. При этом чаще всего использовался крупный шамот размером > 2,5 мм. Орнаментировалась посуда гребенчатым штампом, чаще всего в техниках прокатывания и шагания.

Для волго-камской культуры характерно изготовление посуды из илестых глин/глин с использованием мелкого шамота < 2,5 мм. Посуда чаще не орнаментирована либо украшена редкими наколами.

Таблица 3. Соотношения орнаментации и рецептов ФМ керамики волго-камской культуры

ФМ	Орнаментация										И то го
	б/о	Н округлые	ОП	Ногтевид. орнамент	Н подтреуголь- ные	Протаски- вание	Н подпрямо- угольные	Н полкой костью	ОП + Н подтреу- гольные	ОП + ногтевид. орнамент	
Несмешанные комплексы											
Ранний этап											
Ш < 2,5 мм	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-	3/21%
Ш > 2,5 мм	1	-	2	1	1	-	-	-	-	-	5/36%
ОР + Ш < 2,5 см	1	1	1	-	-	2	-	-	-	-	5/36%
Без примесей	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1/7%
ВСЕГО	4/29%	2/14%	4/29%	1/7% %	1/7%	2/14%	-	-	-	-	14/ 100%
Смешанные комплексы											
Развитый этап											
Ш < 2,5 мм	1	4	-	2	1	-	3	-	-	-	11/14%
Ш > 2,5 мм	4	18	3	3	5	-	6	-	-	-	39/51%
ОР + Ш < 2,5 см	5	1	2	1	2	-	2	-	-	-	13/17%
ОР + Ш > 2,5 мм	2	1	-	-	-	-	-	-	-	1	5/6%
Без примесей	-	-	1	-	-	-	1	-	-	-	2/3%
Песок	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1/1%
ОР	-	-	2	-	2	-	-	1	1	-	6/8%
ВСЕГО:	12/15 %	24/31%	8/10%	6/8%	10/13%	1/1%	12/15%	1/1%	1/1%	1/1%	77/ 100%
ОП – отсутствующая палочка; Н – наколо; Ш – шамот; ОР – органический раствор; б/о – без орнамента											

ОП – отступающая палочка; Н – наколы; Ш – шмот; ОР – органический раствор; б/о – без орнамента

В то же время, по анализу керамики со смешанных комплексов, мы видим появление нехарактерных черт как для камской культуры (например, появление «гладкого штампа»), так и для волго-камской культуры (более плотное орнаментирование сосудов). Это может свидетельствовать о смешении керамических традиций в процессе взаимодействия различных групп населения. Судя по проведенному анализу, подобное смешение могло происходить уже на развитом этапе неолита.

Библиографический список

1. Андреева О.В., Батуева Н.С. Некоторые итоги изучения гончарных традиций населения Верхнего и Среднего Прикамья в эпоху неолита и энеолита // Вестник Пермского Университета. – 2020. – № 1. – С. 5–18
2. Батуева Н.С. Техничко-технологический анализ керамики камской культуры // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – С. 15–21
3. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 275 с.
4. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография). – Самара: СГСПУ, 1999. – С. 5–109
5. Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII.: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные проблемы сохранения и музеефикации / под общ. ред. А.М. Белавина. – 2012. – С. 34-50.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-72-85

А.В. Данич**ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПО МАТЕРИАЛАМ ПИТЕР (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА****Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ*

В статье рассматривается погребальный обряд средневекового населения Пермского Предуралья на примере могильника Питер (Степаново Плотбище) в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Рассматриваются устройства могильных ям и надмогильных сооружений, их ориентировка, положения костяков. Несмотря на разрушение целостности слоя объекта археологического наследия, собранная информация позволяет внести новые данные в характеристику ломоватовской археологической культуры на территории Пермского Предуралья.

Ключевые слова: погребальный обряд, могильник, погребение, Пермское Предуралье

A. V. Danich**FUNERAL RITE BASED ON THE MATERIALS OF PETER (STEPANOVO PLOTBISHCHE) OF THE SITE***Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Perm, Russia*

The article deals with the funeral rite of the medieval population of the Perm pre-Urals on the example of the Peter burial ground (Stepanovo Plot) in the Yusvinsky district of the Komi-Permyak district of the Perm territory. The devices of grave pits and tombstone structures, their orientation, and the position of the bones are considered. Despite the destruction of the integrity of the layer of the archaeological heritage site, the collected information allows us to add new data to the characteristics of the lomovatovo archaeological culture in the Permian Urals.

Keywords: funeral rite, burial ground, burial, Permian pre-Urals

Введение

Погребальный обряд, по мнению многих археологов, является одним из наиболее существенных и устойчивых показателей своеобразия археологической культуры. Этнографы включают в понятие «погребальный обряд» цикл ритуалов, обычаев, запретов и других действий, совершаемых последовательно с момента смерти человека до его погребения или до того времени, когда душа покойного, по религиозным представлениям, не переселится в потусторонний мир. Этот цикл, как правило, состоит из трёх основных этапов: первый – обычаи и обряды, соблюдаемые с момента смерти до момента выноса к месту погребения; второй – комплекс обрядов и обычаев, совершаемых во время следования к месту погребения и в момент погребения; третий – обычаи и ритуалы, выполняемые после похорон. В археологической науке под термином «погребальный обряд» подразумевается сумма вещественных остатков от ритуальных действий, совершённых во время ритуальных церемоний. Фактически археолог располагает лишь данными о подготовке на кладбище места для захоронения (могильная яма, её устройство, параметры и местоположение), способе размещения умершего и погребального инвентаря,

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

если таковой имеется [Воронина, Зеленцова, Энговатова, 2005, с.46]. Способ захоронения, ориентировка, положение умершего, состав и расположение инвентаря, устройство могильной ямы и т.д. характеризуют этнокультурную принадлежность погребённого, систему общественных отношений и идеологических представлений населения, оставившего тот или иной могильник. В силу этого погребальный обряд становится важнейшим археологическим источником для изучения древней истории и культуры.

Характеристика погребального обряда Питер (Степаново Плотбище) могильника

Одним из интереснейших памятников Пермского Предуралья эпохи средневековья является *Питер (Степаново Плотбище) могильник*, находящийся у деревни Городище Юсьвинского района Коми-Пермяцкого округа Пермского края. Памятник расположен на правом берегу Камского водохранилища и занимает часть бывшей первой надпойменной террасы р. Камы, подвергшейся затоплению. Площадка, на которой расположен памятник, представляет собой подквадратный в плане полуостров, отделенный от основной материковой земли перешейком, затопляемым во время половодья. В 300 м к западу от полуострова проходит линия правого коренного берега р. Камы, высотой до 40 м.

В результате работ 1997–1999, 2001, 2018–2019 гг. площадь вскрытой поверхности составила 763 м.² Было исследовано 32 погребения, где удалось проследить детали погребального обряда – формы и размеры могильных ям, устройство погребений, положение костяка, инвентаря и другие детали. Практически все черты обрядности находят полные аналогии в погребальных памятниках Пермского Предуралья.

По обряду погребения и по вещевому материалу Питер (Степаново Плотбище) могильник был датирован IX–XI веками.

Целью данной работы является введение в научный оборот и обобщение материалов, полученных Камской археолого-этнографической экспедицией под руководством А.В. Данича и Е.О. Святовой (Бочаровой) в 1997–1999, 2001, 2018–2019 гг. [Данич, 1997; Данич, 1998; Данич, 1999а; Данич, 1999б; Данич, 2000; Данич, 2002; Данич, 2018; Данич, 2019; Святова (Бочарова), 2007].

На могильнике преобладали *могильные ямы* простой, овальной формы, с вертикальными стенками и плоским дном (68,75 %). Реже встречаются ямы прямоугольной формы с закруглёнными углами (31,25 %).

У двух погребений вдоль стенок прослежены *ступеньки*. В погребении №10 по восточной короткой стенке имелась ступенька шириной 14 см. В погребении №18 прослежена ступенька шириной до 50 см, захватывающая 2/3 восточной длинной стенки и 1/2 южной короткой стенки.

У одного погребения (№6) имеется *выступ-«карман»*. Он располагался на юго-западной стенке погребения в перпендикулярном направлении относительно длинной оси могильной ямы шириной от 0,41 до 0,46 м. Могильные ямы аналогичной конструкции на территории Пермского Предуралья выделены на Огурдинском [Белавин, Крыласова, 2012, с.11], Рождественском [Белавин, Крыласова, 2008, с.96], Агафоновском I, Аверинском, Шукинском [Голдина, 1985, с.28] могильниках. По предположению А.М. Белавина и Н.Б. Крыласовой, такие могильные ямы, вероятно, имитируют жилища-полуземлянки со входом-тамбуром, в котором расположены ступени [Белавин, Крыласова, 2008, с.96].

Ориентировка могильных ям на могильнике отличается большим разнообразием. Длинной осью могильные ямы ориентированы по линии: 3–В – 1 погребение (3,1 %); 3С3–ВЮВ – 1 погребение (3,1 %); С3–ЮВ – 9 погребений (28,1 %); СС3–ЮЮВ – 4 погребения (12,5 %); ССВ–ЮЮЗ – 2 погребения (6,3 %); СВ–ЮЗ – 3 погребения (9,4 %); ВСВ–ЗЮЗ – 1 погребение (3,1 %); ЮЗ–СВ – 11 погребений (34,4 %) (рис. 1).

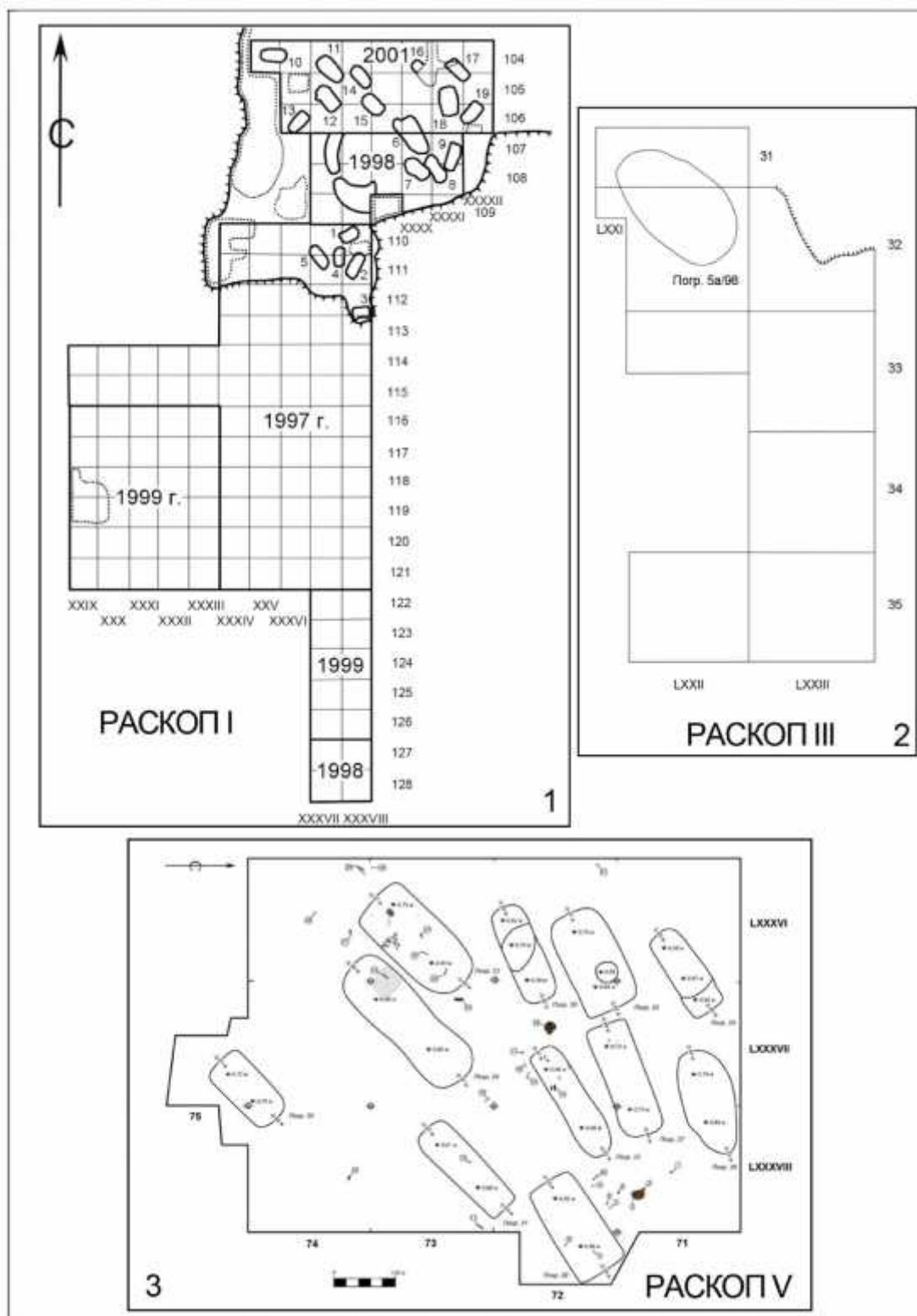

Рис. 1. Раскопы с погребениями Питер (Степаново Плотбище) могильника: 1 – Раскоп I; 2 – Раскоп III; 3 – Раскоп V

В связи с ограниченностью раскопанной площади памятника, какие либо заключения относительно общей *планировки могильника* сделать сложно. Можно только отметить, что в расположении могильных ям прослеживаются *ряды*, направленные с северо-востока на юго-запад. Первый ряд состоит из одного погребения – № 10, второй из 4 погребений – № 11–14, третий из 2 погребений – № 15–16, четвёртый из 3 погребений – № 6, 17–18, пятый из 4 погребений – № 7–9, 19. На раскопе V прослежено 3 ряда. Первый ряд состоит из шести погребений – № 20, 23, 24, 25, 26, 30; второй из четырех погребений – № 21, 22, 27, 28; третий из одного погребения – № 29.

В 2019 г. был снят частичный план острова в районе раскопов I и V с западинами от грабительских ям XVI века. По этому плану можно проследить две традиции с ориентировкой могильных ям – в южной части памятника, в районе раскопа I, прослеживаются устойчивые ряды погребений, вытянутых в направлении с ЮЗ на СВ. В противовес этому участку на участке в районе раскопа V ряды погребений имеют почти перпендикулярное направление – ССЗ – ЮЮВ (рис. 2). О чём свидетельствуют эти две традиции, пока остаётся непонятным – различия в вещевом материале и дате этого материала в этих двух частях могильника не наблюдается.

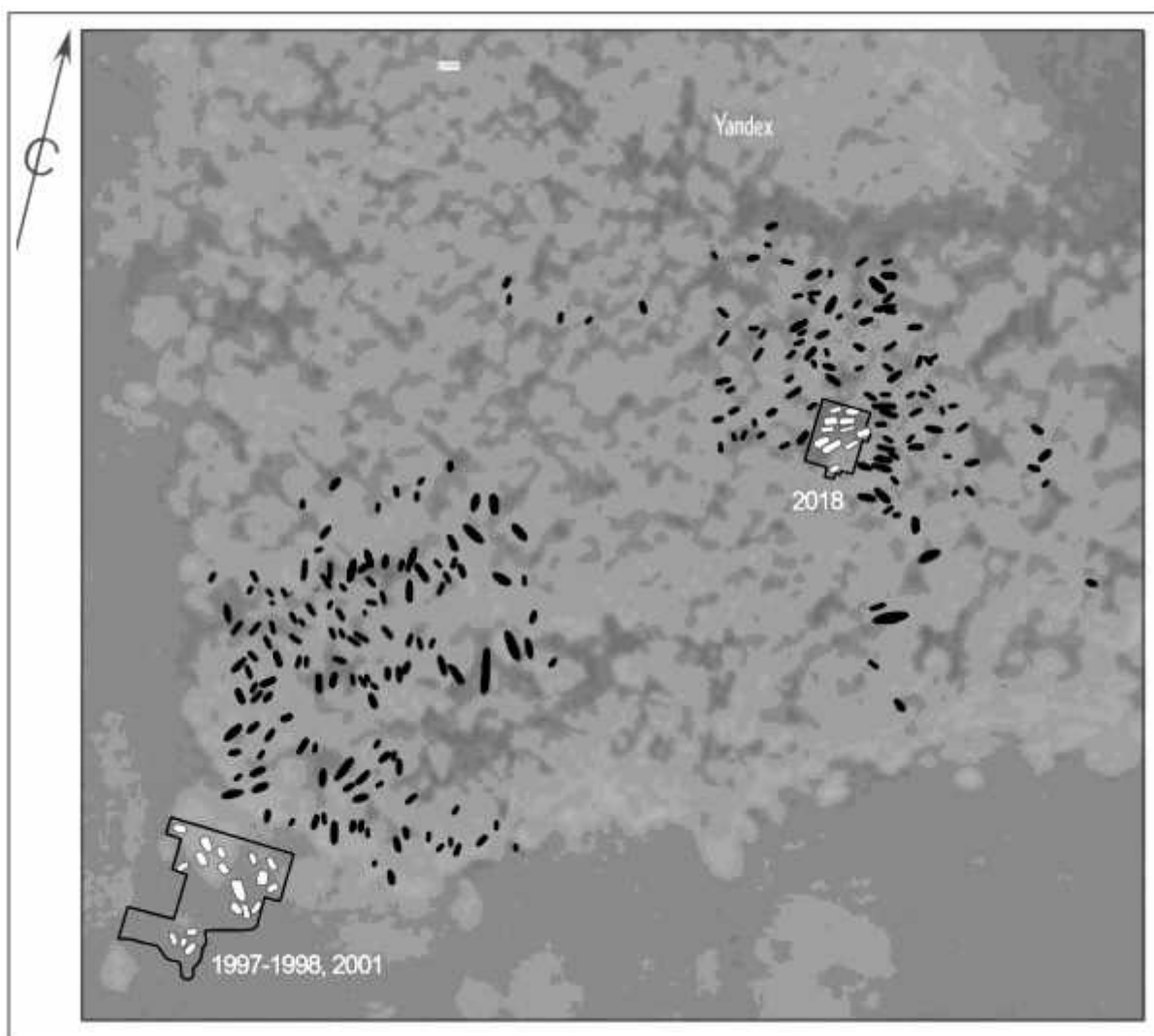

Рис.2. Питер (Степаново Плотбище) могильник.
Схема расположения грабительских ям XVI века

Размеры могильных ям очень разнообразны. Возможно, они варьировались в зависимости от пола и возраста. Но в связи с малым количеством исследованных погребений, бедным вещевым материалом и почти полным отсутствием сохранившихся костяков, проследить эту зависимость пока не удалось.

Длина исследованных погребений 1,10 – 2,98 м, ширина 0,46 – 1,35 м, глубина 0,46 – 1,13 м (табл.1).

Таблица 1. Размеры и ориентировка могильных ям

№ погр.	Длина	Ширина	Глубина	Направление
1	1,61	0,92	0,66	ССЗ-ЮЮВ
2	2,02	1,35	0,72	СВ-ЮЗ
3	1,22	0,78	0,75	ВСВ-ЗЮЗ
4	1,53	0,91	0,88	ССВ-ЮЮЗ
5	2,12	1,25	0,98	ЗСЗ-ВЮВ
5а	0,8+	1,20	0,66	ССЗ-ЮЮВ
5а/98	2,25	1,29	0,68	СЗ-ЮВ
6	2,11	1,06	0,91	СЗ-ЮВ
7	2,13	0,98	0,94	СЗ-ЮВ
8	2,14	0,80	0,91	ССЗ-ЮЮВ
9	1,92	0,89	0,65	ССВ-ЮЮЗ
10	1,52	0,96	0,72	З-В
11	1,96	0,92	0,96	СЗ-ЮВ
12	1,96	0,94	0,77	СЗ-ЮВ
13	1,86	0,76	0,83	СВ-ЮЗ
14	1,90	0,88	0,58	СЗ-ЮВ
15	1,50	0,80	0,46	СЗ-ЮВ
16	0,46+	0,60	0,60	СЗ-ЮВ
17	1,10	0,46	0,60	СЗ-ЮВ
18	2,00	1,30	1,13	ССЗ-ЮЮВ
19	1,40	0,74	0,80	СВ-ЮЗ
20	1,52	0,57	0,87	ЮЗ-СВ
21	1,80	0,57	0,66	ЮЗ-СВ
22	1,98	0,51	0,66	ЮЗ-СВ
23	1,98	0,97	0,83	ЮЗ-СВ
24	2,98	0,92	0,88	ЮЗ-СВ
25	1,70	0,94	0,73	ЮЗ-СВ
26	1,65	0,58	0,62	ЮЗ-СВ
27	1,90	0,66	0,71	ЮЗ-СВ
28	1,76	0,84	0,80	ЮЗ-СВ
29	1,70	0,84	0,95	ЮЗ-СВ
30	1,31	0,64	0,75	ЮЗ-СВ

Разделение погребений по полу и возрасту затруднено в связи с почти полным отсутствием антропологического материала. Всего человеческие кости разной степени сохранности встречены в 15 погребениях (46,88 %) (погр. 1, 2, 4, 5, 6, 7, 9, 12, 14, 15, 16, 19, 5а (№6), 22, 27), но надо заметить, что это, как правило, отдельные зубы или незначительные фрагменты костей.

Кости в погребениях находились в хаотичном порядке. Фрагменты черепа встречены как в северной части погребения, так и в южной. В связи с этим, не

удалось проследить ориентировку захороненных. Исключение составляет раскоп V 2018 г. где все 11 погребений были с ориентировкой ЮЗ-СВ. И, исходя из расположения вещевого материала в неразрушенном погребении № 23, голова располагалась на ЮЗ.

Заполнение могильных ям состояло из тёмно-желтого песка с вкраплениями угля, серого песка и тёмно-жёлтого песка. Иногда встречаются прослойки прокала, тёмно-жёлтого песка, насыщенного углём, золы. Материком является тёмно-жёлтый песок с вкраплениями орзанда.

Наличие в заполнении *древесного угля* – характерная черта погребального обряда. Можно предположить, что угли попадали в засыпку могильных ям из поминальных костров или лесных пожаров XVI–XVII вв., когда могильник подвергся значительному разграблению.

Судя по археологическим данным, культ огня играл значительную роль в погребальных традициях финно-угорского населения Пермского Предуралья. Одним из источников возникновения этого культа этнографы считают большую роль «родового» огня и домашнего очага в семейно-родовой обрядности. Не случайно у многих народов существовал обычай иметь в доме «свой огонь» и хранить «родовой» огонь [Токарев, 1957, с.69].

Наличие углей в заполнении могильных ям, вероятно, является одной из особенностей угорского обряда погребения. Почти на всех могильниках «угорского круга» фиксируются погребения с угольками в заполнении могильной ямы, что связано с обычаем сбрасывать в могилу остатки погребального костра, от которого иногда загоралось и обугливалось погребальное сооружение и даже частично обгорали кости погребённого [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с.114-116].

Веря в загробный мир, сородичи снабжали умерших в дорогу напутственной пищей, которую помещали в *глиняные сосуды*. Их остатки встречены в 12 погребениях (погр. 4, 6-9, 12-13, 15-16, 18, 5а, 5а/98).

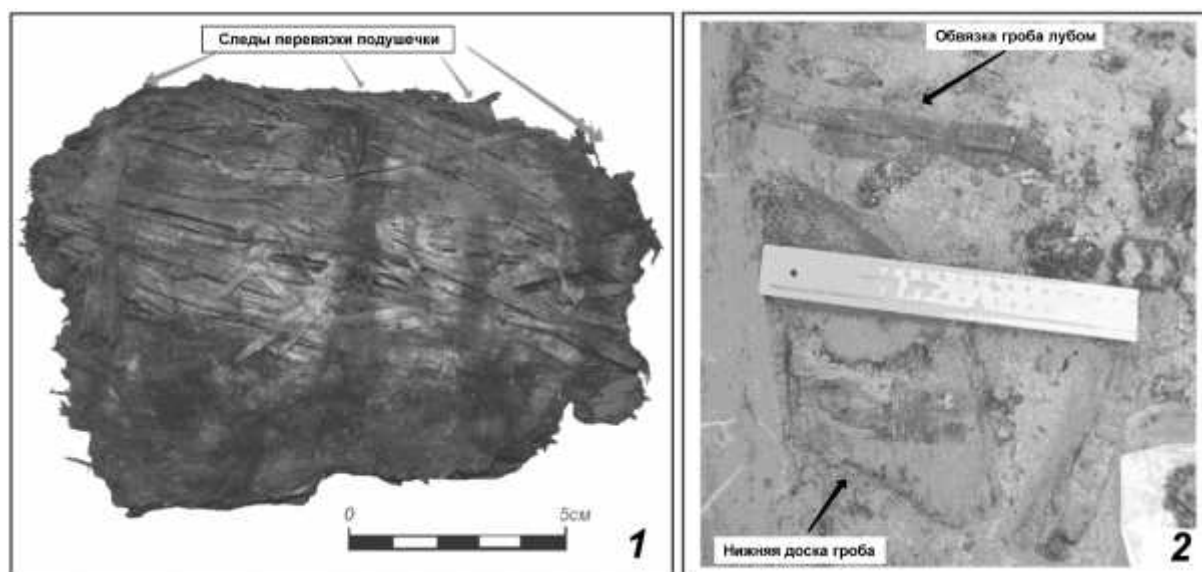

Рис. 3. Питер (Степаново Плотбище) могильник. 1 – травяная подушечка из под головы. Погребение № 23. 2 – Обвязка гроба лубом. Погребение № 23

Погребения на могильнике совершались в грунтовых ямах, выкопанных в песчаном грунте. *Внутримогильные деревянные конструкции* зафиксированы только в трёх погребениях (№ 2, 6, 23), где на дне погребения встречены остатки плах в виде древесного тлена от гроба. В погребении № 23 доски встречены как под, так и над вещевым материалом (по всей видимости, остатки крышки гроба). Под нижними досками гробовища прослежена перевязь гроба лубом (рис. 3/2).

В погребении № 23 под фрагментом верхней доски гроба и серебряной маской удалось проследить остатки «подушечки» или «матрасика» из обычной полевой травы, которая располагалась под головой погребённого. Трава не просто лежала под погребённым в хаотичном порядке, а представляла собой специально изготовленное изделие с горизонтальными перехватами из такой же травы (рис. 3/1).

В связи с неудовлетворительной сохранностью костяков, обусловленной песчаным грунтом, определение способа захоронения вызывает большие трудности. Есть две версии хаотичности расположения находок в погребениях.

Первая – могильник полностью разрушен *раскорчёвкой деревьев*, которая происходила на этом месте, по всей вероятности, минимум дважды.

О *раскорчевке* упоминает М.В. Талицкий, описывая памятник при его осмотре в конце 30-х гг. XX в.: «На юго-запад от селища, в лесу, заметны то часто, то редко расположенные холмики и углубления. Частично они заходят на территорию селища, но в основном находятся в лесу. По сообщению жителя деревни С.П. Пазникова, на этом участке раньше находили различные вещи и человеческие кости» [Талицкая, 1952, с.151]. Вокруг одного холма М.В. Талицким был заложен раскоп, который показал, что это следы раскорчёвки леса. «Тем не менее, сообщения о находках достаточно определённы, и можно предполагать здесь могильник, соответствующий селищу. С этими ямами он может быть связан тем, что как раз при раскорчёвке и находили вещи» [Талицкая, 1952, с. 151]. Второй раз раскорчевка, на мой взгляд, должна была происходить в период строительства КамГЭС в 1949 – 1958 гг. Возможно, в этот период могильник был полностью разрушен и позднее на отдели вновь вырос осиновый лес. Но на данный момент эта версия ничем не подтверждена и требует дополнительных исследований.

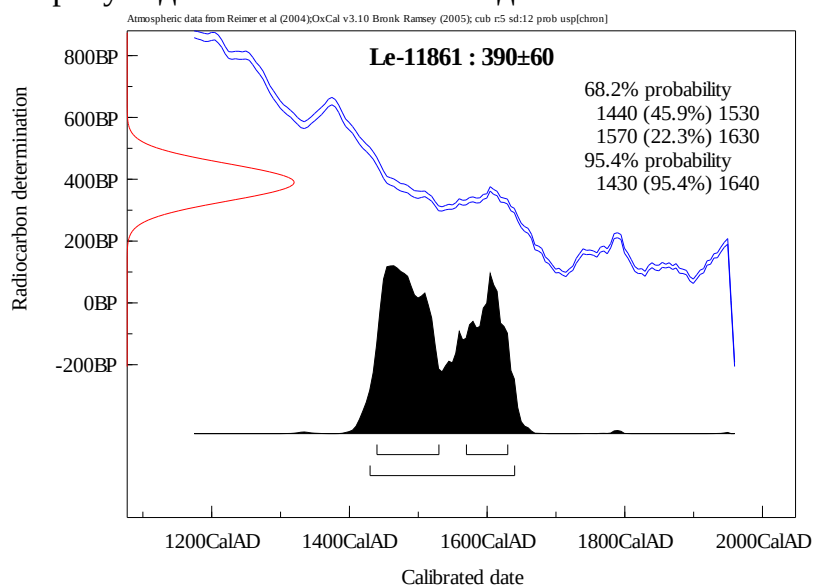

Рис. 4. Результаты радиоуглеродного датирования угля из заполнения погребения №29

Более правдоподобно выглядит вторая версия – *могильник очень сильно (практически полностью) разграблен*. Речь идёт не о современном разграблении чёрными археологами при помощи металлодетекторов (хотя и сейчас ежегодно появляется много новых грабительских ям), а о разграблении в более раннюю эпоху. В 2018 г. из погребения №29 был взят на анализ уголь из заполнения. В Лаборатории археологических технологий ИИМК РАН г. Санкт-Петербург был сделан анализ угля, который показал дату XVI–XVII вв. (рис.4). Возможно, эту дату можно считать датой разграбления могильника.

Конечно это предварительная версия, которую необходимо уточнять при последующих работах. Уголь мог попасть в заполнение погребения и при каких-то других обстоятельствах.

Возможно, это разграбление связано с приходом в данный район нового населения – русских. Смена населения могла привести к разрушению чужих для них могил с целью добычи бронзы и серебра.

Судя по тотальному разрушению могил и точному попаданию в могильные ямы, в то время на поверхности выделялись какие-то признаки погребений – холмики или западины. При разграблении забирался только ценный металл, а кости и железо сбрасывались обратно в яму. Туда же попадали те редкие вещи, которые были пропущены и встречаются в ямах. Поэтому весь вещевой материал в погребении находится в хаотичном порядке. За тем редким исключением, когда погребение было не разрушено (погребение № 23, где вещи расположены *in situ*). Дальше ямы забрасывались отвалом, который мешал грабить соседние погребения. В этих местах образовывались западины, которые со временем заполнялись упавшими ветками, листвой и т.п. Во время не редких в районе населённых пунктов, лесных пожаров в этих ямах появлялись угли, кости, которые оказывались сверху отвалов, подвергались высоким температурам (встречены в 2018 г. на раскопе V). Возможно, такой уголь и попал на анализ.

Полностью аналогичная картина наблюдается на ряде памятников Пермского Предуралья, например на Плотниковском могильнике [Брюхова, 2015, с.36–37].

Отмечен ещё один интересный элемент конструкции могильной ямы – *столб* в центральной части погребения. Столбовая ямка встречена в погребении №18. Ямка овальной формы глубиной 15 см. Аналогичные ямки в центре погребений встречены на территории Пермского Предуралья на Баяновском могильнике (раскопки А.В. Данича) и Огурдинском могильнике [Белавин, Крыласова, 2012, с.11]. Предназначение этих столбовых ямок остаётся на данный момент не понятным.

По всей вероятности, у населения, оставившего могильник, было распространено представление о загробном мире как о продолжении жизни земной, поэтому умерших хоронили в одежде с привычным набором украшений и вещами, которыми они пользовались при жизни. Поэтому все погребённые сопровождалась металлическими деталями одежды, украшениями, орудиями труда, оружием и глиняными сосудами [Данич, 2009; Данич, 2012; Данич, 2013; Данич, 2015; Данич, 2016; Данич, 2017а; Данич, 2017б; Данич, 2017в; Данич, 2017г; Данич, 2018а; Данич, 2018б; Данич, 2019; Данич, 2020].

В погребениях № 6–9, 12, 15 (28,6% погребений), межмогильном пространстве и на размытой части могильника встречены кости и

многочисленные *зубы лошади*. Обычай сопровождения погребений воинов захоронениями коня или его частей был широко распространён в I тыс. н.э. у многих племён степной и лесостепной полосы Евразии [Иванов, 1998, с.120]. Лошадь, умерщвлённая при похоронах, должна была, вероятно, сопровождать хозяина в его загробном путешествии. Но при этом в могилу помещали не всего коня, а лишь символические его части. В большинстве случаев мясо жертвенных коней съедалось. Этот жертвенно-поминальный обряд связан либо непосредственно с моментом погребения, либо совершался по истечению определённого срока.

Обычай помещения в погребение или рядом с ним шкуры лошади, головы или отдельных челюстей характерен для большинства культур угорского круга [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с.99-100]. По мнению Е.П. Казакова, которое он аргументирует в ряде своих работ, использование в погребальном обряде шкуры лошади или отдельных частей коня, является одним из наиболее значимых маркеров угров [Казаков, 2001, с.160].

На раскопе I обнаружены остатки *погребальных тризн* в небольших углублениях. На участках XXXVII/107–108, XXXVIII/108–109 обнаружены два *полукольцевых ровика*, вытянутые с севера на юг и далее на юго-восток. Объекты фиксировались на гл. -0,54 м от поверхности. Заполнение конструкции состоит из двух слоёв: сверху располагается слой серой супеси, мощностью до 10-18 см, ниже – слой светло-серого намывного песка мощностью до 8–14 см. Стенки ровика слабо наклонные, дно ровное. В северной части на глубине от -0,63 м до -0,67 м от поверхности расчищены следы костного тлена длинных трубчатых костей крупного млекопитающего. Кроме того, в южной части северного ровика, в области чашеобразного понижения дна, обнаружены фрагменты неорнаментированной керамики (всего 31 экз.).

В 15 см восточнее северного ровика на кв. XXXVIII/107–108 располагался объект, представлявший собой пятно округлой формы с коридорообразным выступом в юго-восточной части. Объект фиксировался на гл. -0,54 м от поверхности. Заполнение сооружения состояло из двух слоёв: сверху располагается слой серой супеси мощностью до 22 см, ниже – слой светло-серого намывного песка мощностью до 14 см. Стенки сооружения наклонные, дно ровное, наклонное. В заполнении сооружения отмечены угли и зубы лошади.

Предположительно, с поминальными комплексами связаны и единичные находки между могилами. К ним относятся, вероятно, и *кострища*, остатки которых выявлены на участке XXXIX/108 и у погребения №10.

Кострище, расположенное на кв. XXXIX/108 представляло собой пятно неправильных очертаний. Максимальной насыщенности слоя и чёткости очертаний оно достигало на гл. -0,24 м от поверхности. Максимальные размеры пятна 0,94 x 0,82 м. Прокал локализовался в северо-западной части пятна, его размеры 0,22 x 0,27 м, максимальная мощность -0,13 м. В пределах пятна кострища обнаружена бронзовая бусина, а чуть выше – зубы лошади.

Ещё одно обширное углистое пятно было обнаружено над погребением №10 на квадратах XXXV-XXXVI/104 на глубине -0,17 м от поверхности данной части раскопа, которое плавно переходило в погребение. Южнее погребения это пятно соприкасалось с прокалом размерами 0,45 x 0,4 м и толщиной 0,19 м.

Два углистых пятна располагались западнее погребения №10. Они имели глубину –0,47 и –0,5 м от поверхности раскопа и были полностью заполнены тёмно-жёлтой супесью с большой примесью углей. Размеры одного 0,62 x 0,4 м, а другого 0,58 x 0,37 м.

На поверхности могильника никаких следов захоронений не прослежено (за исключением впадин от разграблений XVI в.), но в древности, вероятно, существовали какие-то надмогильные сооружения, т.к. фактов взаимопроникновений погребений не обнаружено. Это могли быть холмики, деревянные сооружения, оградки. Следы этих сооружений обнаружены в виде *столбовых ямок* у погребений № 14, 17, 18. Профили столбовых ямок различны: заострённые в нижней части, полуовальные, с плоским дном и вертикальными стенками (табл.2).

Таблица 2. Размеры столбовых ям

Погребение:	Фиксация	Диаметр	Глубина
Погребение №14	-0,17 м	0,16 м	0,24 м
Погребение №17	-0,15 м	0,16 м	0,16 м
	-0,17 м	0,06 м	0,07 м
	-0,15 м	0,16 м	0,21 м
	-0,15 м	0,12 м	0,13 м
	-0,10 м	0,08 м	0,12 м
Погребение №18	-0,15 м	0,16 м	0,20 м
	-0,17 м	0,12 м	0,17 м
	-0,18 м	0,12 м	0,16 м
	-0,18 м	0,12 м	0,16 м

В трёх погребениях (№ 6, 7, 9) (9,4 %) на дне могильной ямы зафиксированы *линзы светлого речного песка*. Прослойки песка имеют разную толщину – от 4 до 13 см. Прослойки находятся в южных частях погребений (по всей видимости, там, где находились ноги).

На территории Пермского Предуралья наличие речного песка в заполнении могильных ям в погребениях X-XI вв. встречено на 4 могильниках: Рождественском, Огурдинском, Баяновском, Антыбарском. За пределами Пермского края прослойка чистого речного песка толщиной 1 см была выявлена в погребении № 70 могильника Арантур 27 в Тюменской области. Песчаная прослойка находилась под слоями бересты и меха [Степанова, 2008].

Речной песок использовался и в поминальных комплексах (комплекс из двух ровиков и ямы, описанные выше), где заполнение состояло из двух слоёв, нижним из которых являлся речной песок толщиной 8–14 см.

Вопросу использования речного песка в погребальной обрядности средневекового населения Пермского Предуралья была посвящена статья Н.Б. Крыласовой [Крыласова, 2009]. Учитывая, что прослойки песка использовались как подстилка либо как покрытие умершего, нельзя исключать, что речной песок употреблялся в качестве очистительного средства [Крыласова, 2009, с.96].

Заключение

В завершении можно подвести некоторые итоги. Погребения на могильнике выполнены по обряды ингумации. Могильные ямы имеют прямоугольную или овальную форму с наклонными или отвесными стенками. Захоронения производились в гробовищах, которые были перевязаны лубом.

Умершие уложены вытянуто на спине с травяной подушечкой под головой. В связи с ограниченностью раскопанной площади памятника, какие либо заключения относительно общей планировки могильника сделать сложно. Исходя из плана разграбленных погребений (совпадение грабительских ям и реальных погребений подтверждено на раскопе V), на могильнике существовало две традиции по ориентировке могильных ям. В южной части могильника ряды вытянуты с запада-юго-запада на восток-северо-восток. В восточной части памятника ряды погребений ориентированы практически перпендикулярно рядам южной части – с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Украшения костюма располагались так, как использовались при жизни. Этот порядок был нарушен в большинстве погребений, по всей видимости, в XVI–XVII вв. когда могильник подвергся значительному разграблению местными жителями.

Таким образом, несмотря на разрушение целостности слоя объекта археологического наследия, собранная информация позволяет внести новые данные в характеристику ломоватовской археологической культуры на территории Пермского Предуралья.

Библиографический список

1. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. – Уфа: изд. дом БГПУ, 2009. – 285 с.
2. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. I. – 603 с.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. – Пермь: ПГПУ, 2012. – Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. II. – 259 с., ил.
4. Брюхова Н.Г. История существования Плотниковского могильника (среднее Предуралье, Пермский край) // Вестник Челябинского государственного университета. История. Вып. 63. – 2015. № 6 (361). – С. 35–38
5. Воронина Р.Ф., Зеленцова О.В., Энговатова А.В., Никитинский могильник: публикация материалов раскопок 1977–1978 гг.: Труды отдела Охранных раскопок Института археологии РАН. Т. 3. – М.: ИА РАН. – 176 с.
6. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Ирк. ун-т, 1985. – 280 с.
7. Данич А.В. Отчёт о разведочных работах в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого автономного округа Пермской области в 1996 году / Рукопись. – Пермь, 1997. – Архив МАЭ ПГГПУ.
8. Данич А.В. Отчёт о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 1997 году / Рукопись. – Пермь, 1998. – Архив МАЭ ПГГПУ.
9. Данич А.В. Раскопки Городищенского (Степаново Плотбище) могильника // Археологические открытия 1997 г. – М., 1999а. – С. 203-205.
10. Данич А.В. Раскопки Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в 1997 году // Музей XXI века: взгляд в прошлое и будущее. – Пермь: ПОКМ, 1999б. – С.124–127

11. Данич А.В. Отчёт о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 1999 году / Рукопись. – Пермь, 2000. – Архив МАЭ ПГГПУ.
12. Данич А.В. Отчёт о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 2001 году / Рукопись. – Пермь, 2002. – Архив МАЭ ПГГПУ.
13. Данич А.В. Сабли на территории Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI: Пермские финны и угры Урала в эпоху железа / под общ. ред. А.М. Белавина. – 2009. – С. 38–49
14. Данич А.В. Клинковое оружие Пермского Предуралья // Поволжская археология. – 2012. №2(2) – С. 86–106
15. Данич А.В. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. – 2013. №1 (3). – С. 181–196
16. Данич А.В. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой – 2015. – С. 71–124
17. Данич А.В. Элементы поясной гарнитуры (наконечники ремней) Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Вестник музея археологии и этнографии Предуралья. Вып. 6. – Пермь: ПГГПУ, 2016. – С. 9–14
18. Данич А.В. Височные подвески Питер (Степаново Плотбище) могильника IX – XI вв. в Пермском Предуралье // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. Сборник научных статей. Кн. I / Отв. ред. М.Г. Моисеенко, А.В. Деев. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2017а. – С. 50–61, ил.
19. Данич А.В. Украшения рук (браслеты) из раскопок могильника Питер (Степаново Плотбище) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIII / под общ. ред. А.М. Белавина. – 2017б. – С. 65–74
20. Данич А.В. Украшения рук (кольца и перстни) из раскопок могильника Питер (Степаново Плотбище) // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 7: Историко-культурное наследие в музейно-образовательной среде. – Пермь: ПГГПУ, 2017в. – С.19–23
21. Данич А.В. Элементы поясной гарнитуры (ременные пряжки) Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная: сб. науч. тр. к 50-летию юбилею Н.Б. Крыласовой / под общ. ред. А.М. Белавина. – 2017. – С. 50–59
22. Данич А.В. Снаряжение верхового коня (стремена) на материалах раскопок Питер (Степаново Плотбище) могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV: Средневековая археология Евразии: от Ямала до Карпат: сб. науч. тр. к 60-летию юбилею А.М. Белавина / под общ. ред. Н.Б. Крыласовой. – 2018а. – С.144–154
23. Данич А.В. Снаряжение верхового коня (удила и сбруйные пряжки) из раскопок Питер (Степаново Плотбище) могильника // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 8: Музеология и профильные науки: возможности междисциплинарных исследований / под общ. ред. А.М. Белавина – Пермь: ПГГПУ, 2018б. – С. 26–30
24. Данич А.В. Хозяйственный и производственный инструментарий из Питер (Степаново Плотбище) археологического комплекса // Труды Камской

археолого-этнографической экспедиции. Вып. XV.: Хозяйственно-культурный облик Предуралья / отв. редактор Н.Б. Крыласова. – Пермь: ПГГПУ, 2019. – С. 80–93

25. Данич А.В. Шумящие украшения из раскопок могильника Питер (Степаново Плотбище) // На пути открытий в жизни и науке: Сб. научн. статей и воспоминаний к юбилею ученых-археологов Иванова В.А. и Обыденновой Г.Т. – Уфа: БГПУ им. М.Акмиллы, 2020. – С. 38–52

26. Данич А.В. Отчёт о раскопках Питер (Степаново Плотбище) селище-могильника в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края в 2018 году / Рукопись – Пермь, 2018. – Архив МАЭ ПГГПУ

27. Данич А.В. Отчёт о раскопках Питер (Степаново Плотбище) селище-могильника в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа Пермского края в 2019 году / Рукопись – Пермь, 2019. – Архив МАЭ ПГГПУ

28. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 308 с.

29. Казаков Е.П. Волжские болгары и угорский мир Урало-Поволжья // XV Уральское археологическое совещание: тезисы докладов международной научной конференции. – Оренбург: ОГПУ, 2001. – С. 160.

30. Крыласова Н.Б. Использование песка в погребальном обряде средневековых угров // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI: Пермские финны и угры Урала в эпоху железа / под общ. ред. А.М. Белавина. – Пермь: ПГПУ, 2009. – С. 92–97

31. Святова (Бочарова) Е.О. Отчёт о раскопках Городищенского (Степаново Плотбище) могильника в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого автономного округа в 1998 г. / Рукопись – Пермь, 2007. – Архив МАЭ ПГГПУ

32. Степанова Г.А. Погребение с бронзовой чашей из могильника Арантур 27 (Тюменская область): препринт – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 2008. – 23 с.

33. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна реки Камы (по данным, собранным М.В.Талицким). Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. IV // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). № 27. – М.: АН СССР, 1952. – 228 с.

34. Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX века. – М. –Л.: АН СССР, 1957. – 164 с.

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-86-99

Н.Б. Крыласова^{1, 2}**РЕКОНСТРУКЦИЯ «КЛАССИЧЕСКИХ» ПОЯСНЫХ НАБОРОВ,
ВКЛЮЧАЮЩИХ НАКЛАДКИ С «БАБОЧКОВИДНЫМ»
ОРНАМЕНТОМ***¹ Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, РФ² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

В XI в. в Пермском Предуралье получил распространение особый тип наборных поясов, в составе которых использовались выпуклые щитовидные накладки двух вариантов, декорированные орнаментом, напоминающим бабочку с распахнутыми крыльями. Материалы Рождественского могильника в Пермском крае позволили провести реконструкцию таких поясов и выделить их характерные особенности. Исследование показало, что существовали различия между мужскими и женскими поясами. Мужские пояса целиком покрывались накладками с орнаментом в виде бабочки и сопровождалась стандартными пряжками и наконечниками ремней. У женских поясов часть ремня, охватывающая туловище, покрывалась наладками иного типа – квадратными с растительным орнаментом, а сзади располагалось шесть привесок в виде ремешков с накладками, и только свободно свисающий конец пояса был таким же, как у мужских поясов. Стандартность этих поясов позволяет предполагать, что местные ремесленники производили пояса целиком (включая кожаную основу) и в готовом виде распространяли их среди местного населения и на соседние территории (Западная Сибирь, республика Коми).

Ключевые слова: археология, эпоха средневековья, реконструкция костюма, поясной набор, накладки с орнаментом в виде бабочки, пряжки, наконечники ремня

N.B.Krylasova^{1, 2}**RECONSTRUCTION OF CLASSICAL BELT SETS WITH SHIELDS
ORNAMENTED WITH A BUTTERFLY PATTERN**¹ Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia² Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

A special kind of belt sets gained popularity in the Perm Preduralye in the 11th century. They included convex belt shields in two versions, both of them decorated with an ornament resembling a butterfly with its wings spread out.

Finds from the Rozhdestvensky burial site in the Perm Region were instrumental in reconstructing these belts and identifying their special features. Studies revealed differences between belts for men and for women.

Belts for men were completely covered with shields with butterfly ornaments, accompanied by standard buckles and belt tips. Belts for women in the part fitting around the waist were covered by shields of a different variety – namely, square-shaped ornamented with images of vegetation; behind there were 6 additional little hanging straps with shields. The design of the part of the belt hanging loose was identical to that of a belt for men.

The uniformity of these belts leads us to assume that local craftsmen manufactured all parts of belts themselves (including the leather base) and distributed among local population and in neighbouring areas (Western Siberia, the Komi Republic).

Key words: archaeology, the Middle Ages, reconstruction of costumes, belt set, shields with a butterfly pattern, buckles, belt tips

* Работа выполнена в рамках государственного задания, номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2, и при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Введение

С VII в. в Пермском Предуралье, как и в целом на территории Восточной Европы, получили распространение наборные пояса, покрытые металлическими накладками. Пояса эволюционировали в соответствии с общими тенденциями «моды» в зависимости от направления культурно-экономических связей населения в тот или иной период.

Своей кульминации этот процесс достиг в конце X – XI вв., когда наблюдается наибольшее разнообразие элементов поясной гарнитуры, отличающейся высокой декоративностью: орнаментация усложняется, накладки и наконечники ремней становятся более выпуклыми, толстыми, меняется технология производства, штифты к накладкам крепятся способом прилива [подробно о технологии см.: Крыласова и др., 2019]. Изготовлены они преимущественно из многокомпонентной латуни или свинцово-оловянистой бронзы серебристого цвета (за счет повышенного содержания олова и свинца), обычно покрыты «благородной» патиной и сохраняют блеск.

В это время вырабатываются стандартные местные поясные наборы, которые дополнялись разнообразными привнесенными элементами либо импортного происхождения, либо растиражированные местными ремесленниками.

Описание поясов, включающих накладки с «бабочковидным» орнаментом

Особое место занимали пояса с накладками, отличающимися своеобразным растительным орнаментом, напоминающим бабочку с раскрытыми крыльями. Истоки как формы этих накладок, так и их орнаментации выявить пока не удалось. Такие накладки встречаются практически на всех средневековых памятниках Пермского Предуралья, датировка которых включает XI век, поэтому есть основания утверждать, что такие накладки являются характерным элементом завершающего этапа ломоватовской культуры [Белавин, Крыласова, 2016]. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что подобные накладки, но значительно худшего качества, отлитые в формах, сделанных по оттиску готовых изделий, сохранялись и на протяжении XII–XIII вв., когда в Пермское Предуралье перестали проникать новые импульсы «моды» на поясную гарнитуру из цветных металлов. Поясные наборы с такими накладками, встречены, в частности, в поздних погребениях могильника Телячий Брод.

За пределами Пермского края рассматриваемые накладки достаточно редки. Отдельные накладки с «бабочковидным» орнаментом встречаются в Западной Сибири – на могильнике Вак-Кур в Нижнем Притоболье [Турова, 2016, с.64, 66, рис.1/10, 33], Рачевском археологическом комплексе в Нижнем Прииртышье [Терехова, 1986, рис.3/13]; в Татарстане на территории Волжской Булгарии [Казаков, 1991, рис.44/54; Руденко, 2002, рис.58/36; Руденко, 2007, рис.96/71]; в Удмуртии в Кузьминском могильнике [Иванов, 1998, рис.51/31]; на Руси в материалах Белоозера [Захаров, 2004, рис.96/59]. Кроме этого обнаружено несколько поясных наборов в Западной Сибири и на территории республики Коми, о которых речь пойдет ниже.

Это дает основание полагать, что такие накладки производились в литейных мастерских на территории Пермского Предуралья. Подтверждением этому является наличие серии полуфабрикатов подобных накладок в мастерской

по изготовлению поясной гарнитуры, открытой в 2018 г. на Родановом городище [Крыласова и др., 2019, с.60–61, рис.9–10].

Наибольшее количество поясных наборов, включающих накладки с «бабочковидным» орнаментом, собрано на Рождественском могильнике к. IX – XI вв., расположенном в Карагайском районе Пермского края, где за период многолетних исследований изучено более 400 погребений. Нередко такие накладки использовались единично в составе поясов с накладками более ранних типов – вероятно, это отражает процесс постепенного распространения новых элементов поясной гарнитуры, которые добавлялись в имеющиеся поясные наборы, как правило, на передней части пояса. Но в последнее десятилетие обнаружено и несколько полных наборных поясов с такими накладками, которые можно считать «классическими». Их характеристика и реконструкция поясов, включающих накладки с «бабочковидным» орнаментом, является основной целью данного исследования.

Прежде чем перейти к характеристике поясов, рассмотрим их *составные элементы*.

Как уже отмечалось, *накладки* нового типа выпуклые, по сравнению с тонкими плоскими накладками, характерными для предшествующего периода. Форму таких накладок в литературе принято называть «щитовидной». Поскольку здесь использован геральдический термин, вполне допустимо сопоставить разные варианты щитовидной формы накладок с геральдическими щитами.

Рис.1. Рождественский могильник. Щитовидные накладки с «бабочковидным» орнаментом варианта а – полуовальные (в форме «испанского» геральдического щита): 1 – непрорезные, 2 – прорезные

Вариант а – накладки полуовальной формы (в виде «испанского» геральдического щита) размером 1,8 х 2 см, без прорези или с овальной прорезью вдоль прямой стороны (рис.1/1-2). В том и другом случаях орнаментация идентичная (отверстие «прорезает» орнамент, очевидно, что формы для прорезных накладок создавались по тому же шаблону). Орнамент симметричный, его композиционный «верх» находится у прямой стороны накладки: между распахнутыми орнаментированными «крыльями бабочки» вверху сердцевидная фигура, внизу – каплевидная; композицию обрамляет бордюр из имитации зерни или насечек. Накладки крепились к ремню на двух штифтах, расположенных по горизонтали, прямой стороной вниз. Прорезные накладки использовались для крепления к поясу поясных привесок в виде ремешков с накладками или низок, кожаных петель для подвешивания ножен, кошельков и пр.

Рис.2. Рождественский могильник. Щитовидные накладки с «бабочковидным» орнаментом варианта б – подсердцевидные (в форме «варяжского» геральдического щита): 1 – с двумя штифтами, 2 – с тремя штифтами

Вариант б – накладки подсердцевидной формы (в виде «варяжского» геральдического щита) размером 1,9 x 2 см или чуть меньше, с орнаментацией, абсолютно аналогичной описанной выше, но вписанной в иную форму. Накладки чаще крепились к ремню на двух штифтах, расположенных по вертикали (рис.2/1), изредка – на трех штифтах, расположенных треугольником (рис.2/2). Они использовались для декорирования свисающего конца пояса, поэтому располагались вертикально таким образом, что приостренный нижний конец накладки заходил в выемку наверху следующей, а нижний конец последней накладки – в выемку наверху наконечника ремня.

Рис.3. Рождественский могильник. Наконечник ремня, характерный для наборов из накладок с «бабочковидным» орнаментом

Наконечники ремней, которые использовались в составе поясов, включавших только накладки с «бабочковидным» орнаментом, весьма стандартные. Крупный наконечник вытянутой формы размерами 4,5 x 2 см снизу плавно закруглен, сверху имеет дугообразную выемку. Наконечники отличаются стандартной пышной растительной орнаментацией – по осевой линии три четырехлистника, разделенные маленькими ромбами (эти элементы орнамента, в принципе, тоже напоминают «бабочек»), внизу трилистник. Наконечники

крепились на штифтах – 3 вверху и 3 внизу (рис.3). Такие наконечники присутствовали в составе поясных наборов из погребений 242, 317, 363, 408, имеются в коллекции Теплоуховых [Белавин, Крыласова. 2008, рис.201/48-49]. Аналогичный наконечник сопровождал поясной набор из погребения 23 могильника Барсов городок [Арне, 2005, рис.218].

Рис.4. Рождественский могильник. Щитковые пряжки, характерные для наборов из накладок с «бабочковидным» орнаментом

Пряжки, сочетающиеся с рассматриваемым набором, тоже весьма характерные – это щитковые пряжки с лировидной рамкой. Щиток длиной 2,5-2,8 см шириной 1,5 см покрыт пышным растительным орнаментом. Эти пряжки имеют два варианта:

Вариант а (рис.4/1) – тыльный конец щитка имеет завершение в форме трилистника. В центре композиции симметричный орнамент в виде цветущего дерева с извивающимися книзу и кверху побегами, завершающимися бутонами в виде трилистника, такой же бутон расположен на макушке дерева. Орнамент обрамлен бордюром, имитирующим зернь, который частично переходит и на рамку пряжки. Такие пряжки представлены в пояском наборе из погребения 242, в материалах из межмогильного пространства с участка, исследованного в 2012 г., такая же пряжка с Рождественского могильника имеется в коллекции Теплоуховых [Белавин, Крыласова. 2008, рис.198/13]. Аналогичная пряжка обнаружена в жертвенном комплексе возле погребения 1 Кичилькосьского могильника X–XI вв. в республике Коми [Савельева, 1973, с.64, табл.2/7].

Вариант б (рис.4/2) – щиток пряжки имеет полукруглое завершение. В центре композиции – симметричный орнамент в виде дерева с изгибающимися книзу побегами, на макушке трилистник. Орнамент обрамлен гладким бордюром. Пряжка сопровождала поясной набор из погребения 408. Аналогичная пряжка обнаружена в межмогильном пространстве Кичилькосьского могильника, где представлены фрагменты подобных поясов [Савельева, 1987, рис.35/7].

Пояса, в наборе которых присутствовали исключительно накладки с «бабочковидным» орнаментом, встречены пока только в двух погребениях Рождественского могильника. Оба погребения – мужские.

Рис.5. Рождественский могильник. Поясной набор из погребения 242

Пояс из погребения 242 (рис.5): на основном ремне, охватывающем туловище, размещались щитовидные накладки *варианта а* (в виде «испанского» геральдического щита) (12 экз.) прямой стороной вниз. Накладки *варианта б* (в виде «варяжского» геральдического щита) (6 экз.) покрывали свисающий конец пояса (хвостовик), завершающийся крупным наконечником ремня. На противоположном конце пояса располагалась щитковая *пряжка варианта а*. В районе пояса были найдены трубчатая бронзовая *пронизка* от поясной привески, фрагмент железного *ножа* с остатками деревянной рукояти (слева на поясе), железный предмет, возможно, часть *поясного крючка* (справа на поясе), а немного южнее – железное *шило*, которое, очевидно, было подвешено к поясу [Крыласова, 2015, с.40].

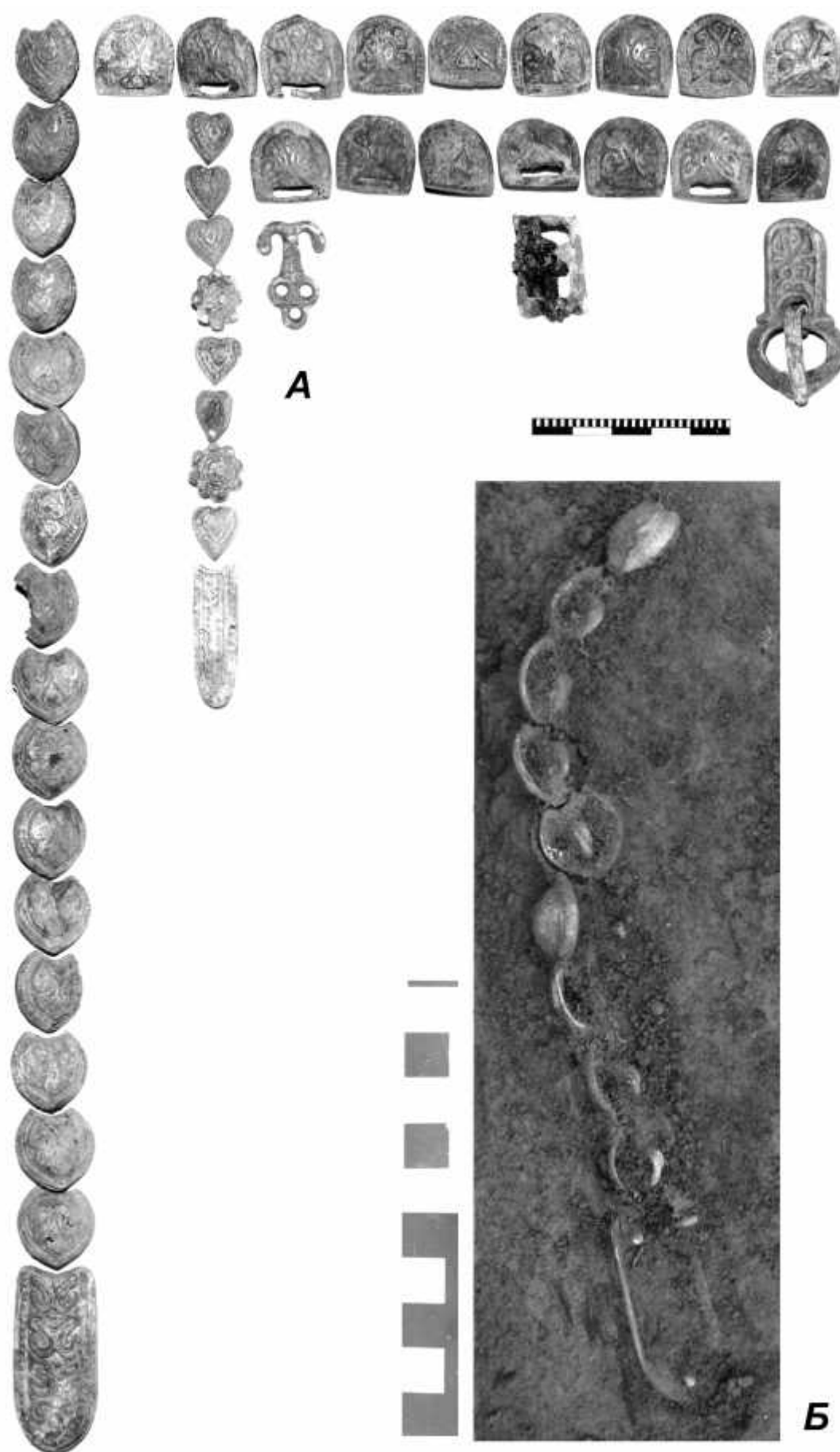

Рис.6. Рождественский могильник. А – поясной набор из погребения 408; Б – фрагмент пояса (хвостовик), вид с юга

Пояс из погребения 408 (рис.6/А): на основном ремне размещались щитовидные накладки *варианта а* (16 экз.) прямой стороной вниз. Прорезные накладки служили для крепления к поясу якорьковой подвески и дополнительной пряжки, располагавшихся сзади, и привески в виде ремешка с сердцевидными, розетковидными накладками и наконечником с геометрическим орнаментом, находившейся спереди слева. Накладки *варианта б* (16 экз.) покрывали свисающий конец пояса (хвостовик), его фрагмент в виде кожаного ремешка с набором из 9 накладок и наконечником располагался у западной стенки погребения вдоль кости правой ноги погребенного (рис.6/Б), разрозненные накладки из этого же набора располагались рядом между костями ног. Поясной набор сопровождала щитковая *пряжка варианта б* [Крыласова, 2020, с.22–23].

Рис.7. Рождественский могильник. Фрагменты поясного набора, обнаруженного у южной границы («в ногах») погребения 411 (жертвенный комплекс)

Кроме этого у южной границы («в ногах») мужского погребения 411 был обнаружен фрагмент поясного набора (рис.7) с парой накладок *варианта а*, тремя накладками *варианта б* и крупным наконечником ремня редкого типа, аналогий которому пока найти не удалось [Крыласова, 2020, с.25–26]. Наконечник ремня размерами 4,2 x 2,2 см по форме схож с описанными выше наконечниками, но отличался орнаментацией – вдоль его осевой линии располагалось три симметричных элемента, которые напоминают изображение бабочки, хотя, с другой стороны, похожи и на стилизованные изображения звериной «личины»; орнаментальную композицию обрамляет широкое гладкое поле.

Таким образом, пояса, покрытые накладками с «бабочковидным» орнаментом, снабжались стандартными наконечниками и пряжками, которые в целом принадлежат к достаточно редким типам и, вероятно, в других наборах не использовались.

Аналогичные пояса встречаются на территориях, население которых находилось в тесном взаимодействии с прикамским. В частности, такой же пояс обнаружен в погребении 1 к. 13 Усть-Ишимских курганов на р.Иртыш в Западной Сибири. Пояс состоял из двух скрепленных между собой кожаных полос шириной около 25 мм, на внешней поверхности было закреплено 45 бронзовых бляшек [Коников, 1984, с.89]. Судя по приведенному рисунку [Коников, 1984, рис.1], среди них присутствовали накладки обоих вариантов – полуовальные на основном ремне, подсердцевидные – на хвостовике. Через прорезы отдельных полуовальных накладок были продеты кожаные ремешки шириной 14–15 мм. Как отмечает автор, «Края последних неровные, создается впечатление, что подвешенные к поясу предметы были оборваны с частью ремешков». Один конец пояса (судя по рисунку – хвостовик) был сложен вдвое и перевязан тремя кожаными ремешками [Коников, 1984, с.89, рис.1]. «В 25 см от пояса лежала бронзовая пряжка с остатками железного язычка и кожаного ремня шириной 14 мм. Она имела овальную рамку и прямоугольный щиток с отверстием для крепления ремня» [Коников, 1984, с.90–91, рис.3: 8]. Судя по ширине ремня, можно предположить, что данная пряжка, как и в погребении 408 Рождественского могильника, была дополнительной, и подвешивалась к поясу на ремешке, продетом через прорезь накладки. Еще один подобный пояс располагался в свернутом виде в центре жертвенного комплекса 1 того же кургана. Он имел кожаную основу шириной 27 мм, которая с внутренней стороны была подшита шелком. Ремень покрывали 22 щитовидные накладки с «бабочковидным» орнаментом обоих вариантов. Под прямым углом от основы отходили два кожаных ремешка с 45 сердцевидными накладками и наконечниками ремней [Коников, 1984, с.93–94, рис.4: 2, 3, 5, 9]. На поясе же находились кожаные ножны, украшенные тонкими прямоугольными бронзовыми пластинками [Коников, 1984, с.95].

Фрагменты такого пояса имеются также в материалах погребения 23 известного западносибирского могильника Барсов городок. Здесь представлен хвостовик пояса в виде кожаного ремня шириной 1,85 см с набором из 26 накладок *варианта б*, который завершался крупным наконечником, аналогичным описанному (рис.3), характерным для таких наборов. Пояс дополняла привеска в виде ремешка шириной около 2 см, который был покрыт сердцевидными накладками (8 экз.) и завершался небольшим наконечником ремня с растительным орнаментом. В комплексе присутствовала также щитковая пряжка с лировидной рамкой и прямоугольным неорнаментированным щитком с бордюром, покрытым насечками [Арне, 2005, с.27, рис.218].

Поясные наборы рассматриваемого типа известны и в материалах Кичильско-Сосьского могильника X–XI в. на р.Вымь. Здесь в жертвенном комплексе возле погребения 1 находились детали поясного набора: 7 накладок *варианта а*, 2 накладки *варианта б* и щитковая пряжка *варианта а* [Савельева, 1973, с.64, табл.2/7; 6/ 4–5]. Пояса из накладок *вариантов а и б* выявлены в погребении 13 [Савельева, 1973, с.70, табл.6/1–2, 4–5, 25–26] и в погребении 58

[Савельева, 1973, с.83, табл.19/2]. В межмогильном пространстве могильника обнаружена щитковая пряжка *варианта б* [Савельева, 1987, рис.35/7].

Все указанные погребения, содержавшие фрагменты поясов с наборами из накладок исключительно с «бабочковидным» орнаментом, судя по сопровождающему инвентарю – мужские, хотя авторы публикаций это не указывают. Таким образом, данный тип пояса можно предварительно определить как мужской. К сожалению, не все пояса имели в составе пряжки и наконечники, но там, где они есть – это стандартные пряжки и наконечники, характерные для таких поясов.

Следует обратить внимание на остатки поясов из Усть-Ишимских курганов. По причине плохой сохранности органики в средневековых могильниках Пермского Предуралья, и на Рождественском в частности, в нашем распоряжении имеется недостаточное количество фактов, свидетельствующих о конструкции самого ремня. Хотя, рассуждая логически и опираясь на аналогии с соседних территорий, мы и ранее предполагали, что ремень должен быть двойной. С одной стороны, внутренний ремешок или ткань (как на поясе из жертвенного комплекса 1 к.13) закрывали штифты накладок, загнутые на оборотной стороне внешнего ремня. С другой стороны, конец ремня, противоположный пряжке, покрыт выпуклыми накладками и завершается крупным наконечником, что не позволяет пропускать его через сравнительно небольшую рамку пряжки, поэтому для застегивания пояса должен был существовать дополнительный ремешок. Конец пояса с накладками и наконечником (хвостовик) обычно располагается в погребениях вдоль костей правой ноги, при этом наконечник ремня находится почти на уровне колена. Следует отметить, что эта часть ремня сохраняется обычно лучше всего (на остатках кожи), а собственно пояс, который охватывал тело, обычно смещался в процессе его истлевания, кроме того, поскольку погребения сравнительно неглубокие, передняя часть пояса нередко повреждалась в процессе хозяйственной деятельности жителей д.Постаногово, располагавшейся на территории могильника в XVII – перв. пол. XX вв.

Кроме таких поясов на могильнике обнаружены поясные наборы, в которых накладки с бабочковидным орнаментом сочетались с другими типами накладок. Среди них наиболее показательными являются два пояса из женских погребений.

Пояс из погребения 317 (рис.8/А): был снабжен бронзовой пряжкой, целиком покрыт бронзовыми накладками и завершался наконечником ремня (рис.8/Б). *Пряжка* располагалась слева в области таза погребенного, за ней следовала одна *квадратная накладка*, пара *щитовидных накладок* с «бабочковидным» орнаментом *варианта а* (рис.8/В-2-3), далее весь основной ремень был покрыт *квадратными накладками* с «Ж»-образным орнаментом (рис.8/В-6). Конец пояса длиной 0,5 м, вытянутый вдоль костей правой нижней конечности, был покрыт *накладками* с «бабочковидным» орнаментом *варианта б* (рис.8/В-4) и завершался *наконечником* (рис.8/В-5). Сзади к поясу крепилось шесть *привесок в виде ремешков* шириной 2 см длиной 18 см, покрытых мелкими накладками, на каждом находились: 1 *прямоугольная накладка* с растительным орнаментом (рис.8/В-9), 8 *сердцевидных накладок* (рис.8/В-8) и *наконечник ремня* с геометрическим или растительным орнаментом (рис.8/В-10-11).

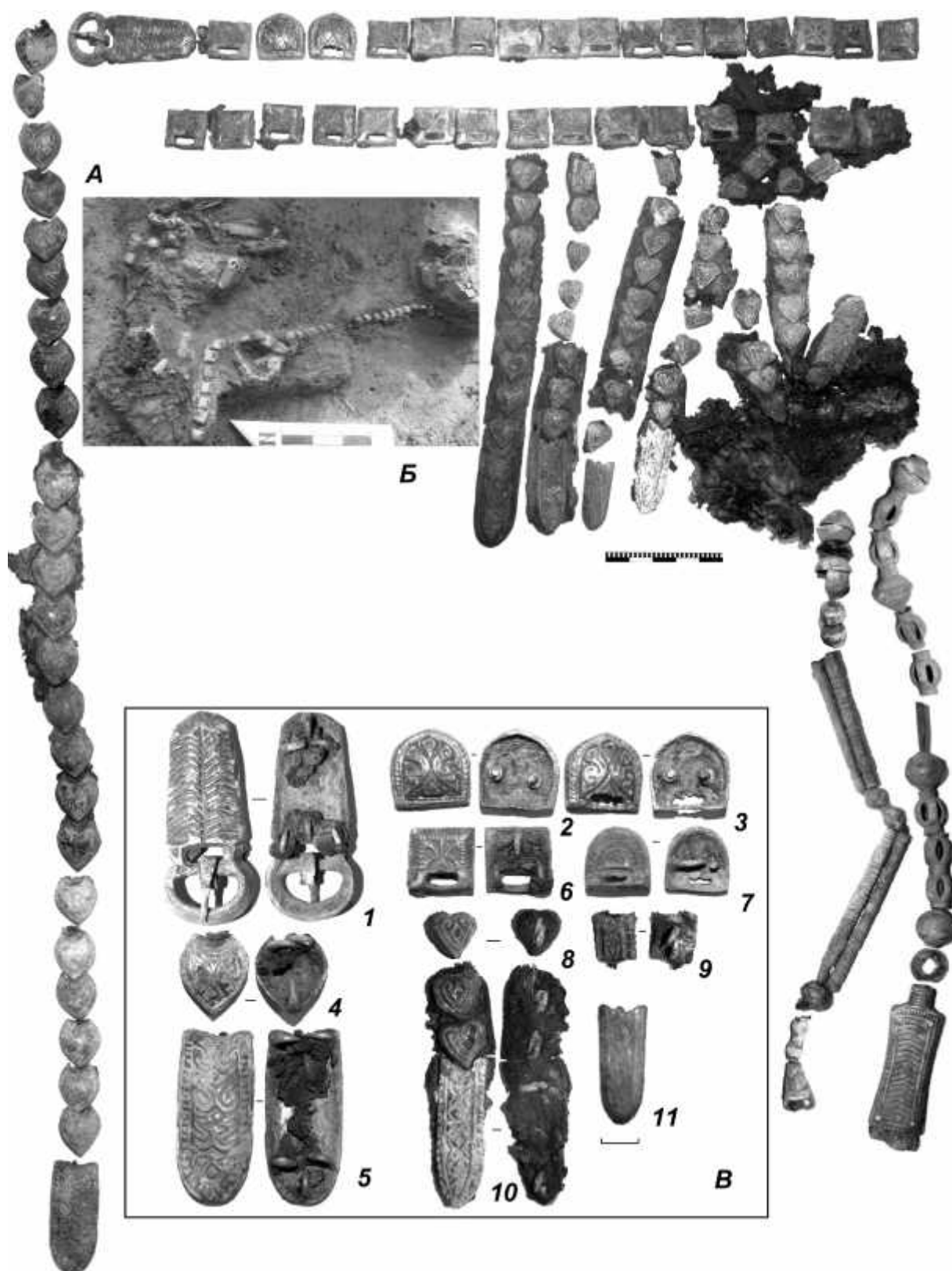

Рис.8. Рождественский могильник. А – поясной набор из погребения 317;
 Б – пояс в погребении, вид с запада; В – 1 – пряжка, 2-3 – накладки с «бабочковидным» орнаментом варианта а, 4 – накладки с «бабочковидным» орнаментом варианта б, 5 – наконечник основного ремня, 6 – квадратные накладки с Ж-образным орнаментом, 7 – полуовальные накладки, 8 – сердцевидные накладки, 9 – прямоугольные накладки, 10 – наконечники ремня с геометрическим орнаментом, 11 – наконечник ремня с растительным орнаментом

Спереди слева к поясу крепились привески, нож и расческа. Поверх этого скопления располагались *бронзовая цепочка*, завершающаяся *костыльковой подвеской*, и *нож с остатками деревянной рукояти*, который, вероятно, находился в деревянных ножнах. Ниже расчищены две низки *поясных привесок* на кожаных шнурках, одна завершалась *флаконовидной пронизкой-игольником*, вторая – *пронизкой-колокольчиком*. Параллельно флаконовидной пронизке лежал фрагмент *наборной костяной расчески* [Крыласова, 2017, с.44].

Пряжка (рис.8/В-1), сопровождавшая этот поясной набор, также щитковая – с подтрапециевидным щитком с закругленным окончанием и с овальной рамкой. Щиток декорирован двойной «елочкой». Эта пряжка принадлежит к редкому типу, аналогий пока не обнаружено. *Наконечник* в завершении хвостовика пояса (рис.8/В-5) аналогичен наконечникам поясов с наборами, целиком составленными из накладок с «бабочковидным» орнаментом.

Пояс из погребения 363 (рис.9): слева в области таза погребенного располагался фрагмент основного ремня шириной 23 мм с *бронзовой пряжкой*, на язычке которой сохранился фрагмент *кожаного ремня*, и с *квадратной накладкой*, рядом – еще три *квадратные накладки с Ж-образным орнаментом*, возле прорези одной из них находился фрагмент *кожаного ремешка от привески с сердцевидной накладкой и накладкой, изготовленной из обломка наконечника ремня*; к набору основного ремня принадлежали также три *полуовальные бронзовые накладки*. Рядом обнаружен фрагмент *железного ножа с остатками деревянной рукояти*. *Свисающий конец пояса (хвостовик)* шириной 22 мм с набором из 9 накладок с «бабочковидным» орнаментом *варианта б* и наконечником был вытянут вдоль условной оси погребения *лицевой стороной* вверх. Под ремнем сохранились *фрагменты меховой одежды (мехом вовнутрь)*, в том числе – *фрагменты со швами*. Между ремнем и фрагментами меха выявлены кусочки *ленты* шириной 27 мм из *ткани саржевого переплетения*, окантованной с обеих сторон *плетеным шнуром* шириной 4 мм, расположенной перпендикулярно ремню – детали отделки меховой одежды. Западнее «хвостовика» параллельно ему располагался один из *ремешков поясной привески* *лицевой стороной* вниз, а с противоположной стороны – еще 4 *таких ремешка*, вытянутые вдоль оси погребения *вплотную друг к другу* *лицевой стороной* вниз. Ремешки *привесок* перекрывались *слоем меха от одежды*. *Привески* представляли собой хорошо сохранившиеся *кожаные ремешки* шириной 2 см длиной 20 см с идентичными наборами *сердцевидных накладок с растительным орнаментом* (по 11 экз.) и *наконечниками с геометрическим орнаментом в виде решетки* [Крыласова, 2019, с.24-25].

Пряжка, сопровождавшая этот поясной набор, *восьмеркообразная с лировидной рамкой, заканчивающейся «лилевидным» завершением*, принадлежит к типу, широко распространенному в Восточной Европе в XI – XII вв., а наконечник основного ремня – типичный для наборов из накладок с «бабочковидным» орнаментом.

Таким образом, эти два пояса, как и пояса, целиком набранные из накладок с «бабочковидным» орнаментом, имели аналогичный хвостовик с накладками *варианта б* и стандартным наконечником. Основная часть пояса была, в основном, покрыта *квадратными накладками с Ж-образным орнаментом*, которые распространились в Пермском Предуралье примерно тогда же, когда и накладки с «бабочковидным» орнаментом.

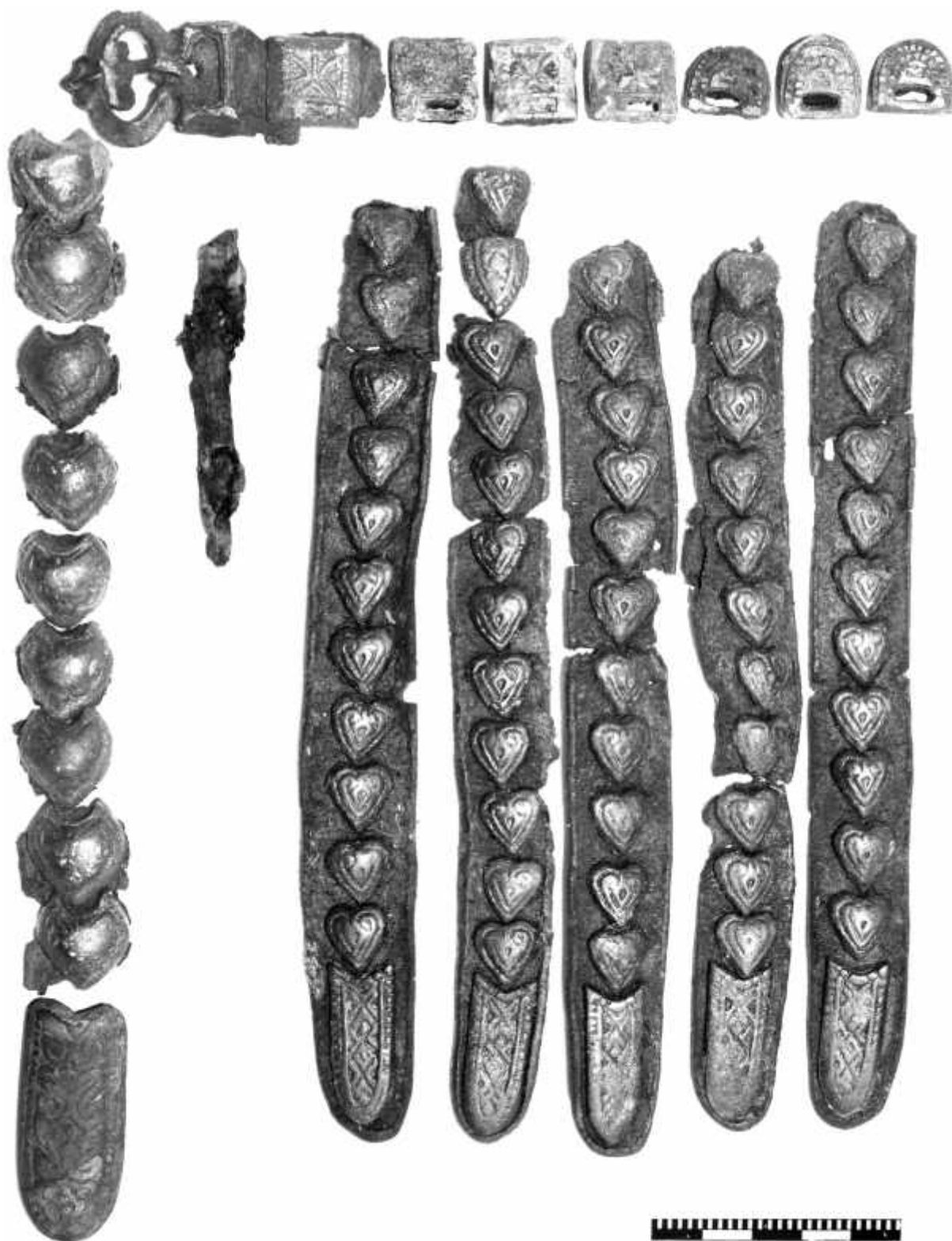

Рис.9. Рождественский могильник. Поясной набор из погребения 363

Оба пояса имели сзади шесть *привесок в виде ремешков с сердцевидными накладками* и наконечниками. Отличались пояса только пряжками, но и здесь, если пояс из погребения 363 был снабжен пряжкой массового типа, то в составе пояса из погребения 317 находилась щитковая пряжка, в целом схожая с пряжками из других наборов, включающих накладки с «бабочковидным»

орнаментом, но с иной орнаментацией. Поскольку оба пояса обнаружены в женских погребениях, пока гипотетически можно предположить, что использование в наборе квадратных накладок с Ж-образным орнаментом и наличие своеобразного «хвоста» из привесок-ремешков сзади на поясе являлись особенностью женских поясов.

Таким образом, на основе рассмотренных поясных наборов можно сделать следующие выводы:

1. Пояса XI в., набор которых целиком состоял из накладок с «бабочковидным» орнаментом, снабжались стандартными пряжками и наконечниками, которые встречаются исключительно в составе этих наборов. В основе пояса находился двойной кожаный ремень. Та его часть, которая охватывала туловище, покрывалась накладками полуовальной формы *варианта а*, завершалась пряжкой, которая застегивалась на внутреннем ремне. Конец ремня, противоположный пряжке, свободно свисавший почти до колен, покрывался подсердцевидными накладками *варианта б* и завершался крупным наконечником. Такие пояса, предположительно, являлись мужскими.

2. Пояса, в которых накладками с «бабочковидным» орнаментом *варианта б* с соответствующими им наконечниками покрывался только свисающий конец пояса (хвостовик), также достаточно стандартны – основной ремень у них (очевидно, тоже двойной) покрыт квадратными накладками с Ж-образным орнаментом, сзади к поясу крепилось шесть привесок в виде ремешков с накладками, образуя своеобразный «хвост». Такие пояса являлись женскими.

3. Судя по стандартности конструкции и декоративного оформления, прикамские ремесленники производили целиком готовые пояса, которые распространялись как среди местного населения, так и на соседние территории.

Библиографический список

1. Арне Т.Й. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. – Екатеринбург-Сургут: «Уральский рабочий», 2005. – 184 с., ил.
2. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: ПГПУ, 2008. – Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. I. – 603 с., ил.
3. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Проблема периодизации средневековых археологических культур Пермского Предуралья // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2016. № 1 (32). – С.28–41
4. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. – М.: Индрик, 2004. – 592 с., ил.
5. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (к. V – первая полов. XIII в.). – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 309 с., ил.
6. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. – Казань: Тат. кн. из-во, 1991. – 176 с.
7. Конилов Б.А. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. – С.88–98
8. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2014 г. / рукопись. – Пермь: ПГГПУ, 2015. – 92 с., ил. – Архив МАЭ ПГГПУ

9. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2016 г. / рукопись. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – 74 с., ил. – Архив МАЭ ПГГПУ
10. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2018 г. / рукопись. – Пермь: ПГГПУ, 2019. – 91 с., ил. – Архив МАЭ ПГГПУ
11. Крыласова Н.Б. Отчет о раскопках Рождественского (языческого) могильника в Карагайском районе Пермского края в 2020 г. / рукопись. – Пермь: ПГГПУ, 2020. – 57 с., ил. – Архив МАЭ ПГГПУ
12. Крыласова Н.Б., Подосенова Ю.А., Сарапулов А.Н. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г.) // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2019. №1(44). – С.56–72
13. Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. – Казань: Школа, 2002. – 208 с.
14. Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII вв.: Поселения и материальная культура. – Казань: Школа, 2007. – 244 с., ил.
15. Савельева Э.А. Кичилькосьский могильник // Археологические исследования в бассейне Печоры. – Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1973. – С.63–98
16. Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. – 200 с., ил.
17. Терехова Л.М. Рачевский археологический комплекс // Проблемы урало-сибирской археологии. – Свердловск: УрГУ, 1986. – С.114–123
18. Турова Н.П. Коллекция наременной гарнитуры рубежа I–II тыс. н.э. из некрополя юдинской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. №2 (33). – С.63–76

УДК 902/904

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-100-103

Н.Г. Брюхова**ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ МОТИВ НА МЕДАЛЬОНАХ
И ПОДВЕСКАХ ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА***

Пермский федеральный научный центр УрО РАН, Пермь, РФ

Плотниковский могильник находится в Кудымкарском районе Пермского края и датируется XIII-XV вв. Это период существования на территории Верхнего Прикамья родановской культуры. Несмотря на то, что большинство погребений были разграблены, вещевой материал, обнаруженный в ходе раскопок, дает представление о материальной культуре средневекового населения «родановской эпохи».

Среди украшений, найденных в погребениях Плотниковского могильника обнаружен один медальон, три монетовидных подвески и одна каплевидная подвеска с повторяющимся сюжетом. Данный узор представляет собой симметричный рисунок, имеющий главную ось, которую иногда венчает круг или его подобие и расходящиеся внизу в обе стороны ветви с различной степенью изогнутости. Автор статьи интерпретирует данное изображение, как символ Мирового Древа. Возможно, этот сюжет представляет собой универсальный образ, отражающий модель мира в духовных представлениях населения, оставившего Плотниковский некрополь.

Также в статье приводится объяснение, почему нежелательно интерпретировать данный орнаментальный мотив, как «процветший крест».

Ключевые слова: ювелирные изделия, Пермское Предуралье, эпоха средневековья, родановская археологическая культура, Мировое Древо

N.G. Bryukhova**REPEATING ORNAMENTAL MOTIVE ON MEDALLIONS AND PENDANTS
OF THE PLOTNIKOVSKY BURIAL GROUND**

Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

The Plotnikovsky burial ground is located in the Kudymkarsky district of the Perm region and dates back to the XIII-XV centuries. This is the period of existence of the Rodanov culture on the territory of the Upper Kama region. Despite the fact that most of the burials were looted, the material found during the excavations gives an idea of the material culture of the medieval population of the "Rodanovo era".

Among the decorations found in the burials of the Plotnikovsky burial ground, one medallion, three coin-shaped pendants and one teardrop-shaped pendant with a repeating theme were discovered. This pattern is a symmetrical picture with a main axis, which is sometimes crowned by a circle or its semblance and branches diverging in both directions at the bottom with varying degrees of curvature. The author of the article interprets this image as a symbol of the World Tree. Perhaps this plot is a universal image reflecting the model of the world in the spiritual ideas of the population who left the Plotnikovsky necropolis.

The article also explains why it is undesirable to interpret this ornamental motif as a "flourishing cross".

Keywords: jewelry, Perm Cis-Urals, the Middle Ages, Rodanovo archaeological culture, World Tree

* Работа выполнена в рамках государственного задания, номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2, и при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Введение

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона дает такое определение *мотиву* в изобразительном искусстве: «то существенное в содержании или в художественной идее произведений живописи, скульптуры или архитектуры, что определяет характер впечатления, ими производимого. Мотив может не быть определимым с точностью, но, во всяком случае, выражает собой отношение художника к избранному им сюжету» [ЭСБЕ, 1897, Т. XX, с. 42].

Исследуя вещевой материал древних памятников, мы расшифровываем дошедшие до нас символы и знаки. Человек оставил нам предметы, сделанные своими руками и через них можно попытаться увидеть не только бытовые особенности его жизни, но и разглядеть её духовную составляющую.

Если орнаментальный сюжет повторяется от предмета к предмету, то стоит предположить, что ему придавалось определённое значение.

Плотниковский могильник расположен на левом берегу р. Серва, левого притока р. Иньва, в 7 км к СВ от г. Кудымкар, в Кудымкарском районе Пермского края. Стационарные раскопки на памятнике проводились в 1989, 2007, 2009 гг. под руководством Н.Б. Крыласовой, в 2010-2020 гг. под руководством Н.Г. Брюховой. Могильник датируется XIII-XV вв. и относится к родановской археологической культуре [Крыласова, Брюхова, 2017].

Вещевая коллекция Плотниковского могильника дает представление о материальной культуре средневекового населения «родановской эпохи». Среди материалов некрополя на одном медальоне, трёх монетовидных подвесках и одной каплевидной привеске обнаружен повторяющийся сюжет. Целью данной статьи было дать характеристику этому сюжету.

Описание источников

В погребении №15 найден *фрагмент монетовидной подвески* диаметром 2,3 см. По контуру нанесена кайма из продолговатых выпуклин. В центре – симметричный узор в виде вертикального «столба», от которого снизу расходятся в стороны декоративные завитки, вершину узора венчает кружок с вписанным в него ещё одним кружком. Изделие снабжено литой петлей, имитирующей бусину (рис. 1/1).

Другая *монетовидная подвеска* диаметром 1,8 см обнаружена в погребении №62. По контуру медальона – кайма, образованная концентрическими окружностями, разделенная на 4 части «лучами», сгруппированными по три. В центре – сильно геометризованное изображение в виде зеркально-симметричного узора с центральной осью и двумя завитками. Изделие снабжено литой петлей, имитирующей бусину (рис. 1/2).

Монетовидная подвеска из погребения № 116 диаметром 1,8 см имеет по контуру кайму из продолговатых выпуклин. В центре – вариант узора, аналогичный сюжету на медальоне из погребения № 15, но с более витиеватыми завитками. Изделие снабжено литой петлей, имитирующей бусину (рис. 1/4).

Схожий орнамент имеет и *фрагмент медальона* из погребения №129. По контуру медальона диаметром 3,4 см – кайма, образованная концентрическими окружностями из продолговатых выпуклин, разделенная на 4 части «лучами», сгруппированными по три. В центральной части медальона – один из вариантов узора в виде вертикального «столба», от которого снизу расходятся в стороны декоративные завитки, а сверху находится кружок в кружке. Изделие снабжено литой петлей, имитирующей бусину (рис. 1/5).

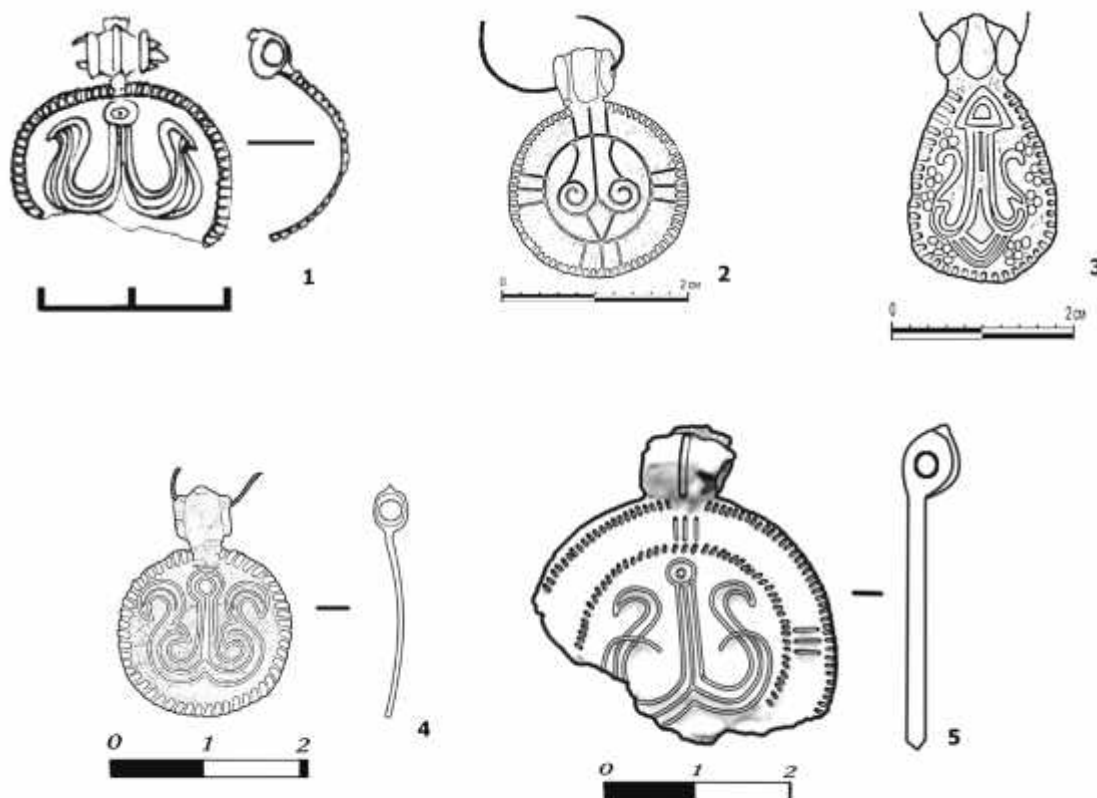

Рис. 1. Прорисовка медальонов и подвесок Плотниковского могильника.
 1 – Монетовидная подвеска из погр. №15; 2 – Монетовидная подвеска из погр. №62;
 3 – Каплевидная подвеска из погр. №54; 4 – Монетовидная подвеска из погр. №116;
 5 – Медальон из погр. №129

К группе медальонов по своему назначению и характеру крепления тяготеет выпуклая подвеска каплевидной формы размерами 2,2 x 1,7 см из погребения № 54, снабженная литой петлей, имитирующей бусину. У подвески прослеживается бордюр из ряда прямоугольных выпуклин. А в центре расположен орнамент, как на описанной серии медальонов и монетовидных подвесок (рис. 1/3) [Крыласова, Брюхова, 2017, с. 123-124].

Обобщенно узор представляет собой симметричный рисунок, имеющий главную ось, которую иногда венчает круг или его подобие и расходящиеся внизу в обе стороны ветви с различной степенью изогнутости.

Обсуждение материалов

Некоторые исследователи, подходя упрощенно, называют данный орнамент вариантом «процветшего креста» и даже находят ему аналогии на медальонах барм. Но на данных серебряных медальонах с черневым орнаментом из Старой Рязани, Чернигова, Владимира, Великих Болгар, опубликованных Т.И. Макаровой, на самом деле изображены кресты со всеми сопутствующими крестам лучами [Макарова, 1986, рис.53: 287, 297- 298; 54: 289-291, 303-305].

Сюжет, который мы видим на изделиях с Плотниковского могильника, не похож на крест и не имеет горизонтальных лучей. С крестом его роднит симметричность узора и вертикальная ось, от которой внизу расходятся ветки.

Такое же родство с крестом обнаруживает образ *Мирового Дерева*: «По своей сути крест не что иное, как специфическая модификация Мирового Дерева, его графический – геометризированный – вариант» [Смирнова, 2006, с. 19]. Такую связь видит и В.Н. Топоров, чьи труды во многом посвящены пониманию знаковых систем и текстов: «Характерно, что именно крест и структурно, и хронологически выступает как средостение между Мировым Деревом (связанным, как правило, преимущественно с зооморфными образами) и человеком, как геометризированное описание того и другого» [Топоров, 1994, с. 12].

Чем же является Мировое Дерево и можно ли его разглядеть на наших медальонах? В своей семиотической интерпретации В.Н. Топоров пишет: «Мировое дерево» (или «космическое») и его локальные варианты – «дерево жизни», «небесное дерево», «дерево предела», «шаманское дерево» и т. п. – являет собой образ некоей универсальной концепции, которая в течение длительного времени определяла модель мира человеческих коллективов».

Он же указывает, что вертикальное положение Мирового дерева и его эквивалентов является доминантой, определяющей формальную и содержательную организацию вселенского пространства [Топоров, 2010, с. 210, 216].

Также для изображения мирового дерева характерно тройное деление – вершина, ствол и расходящиеся корни. Всё это наблюдается на наших рисунках.

Заключение

Если Процветший Крест и Мировое Дерево связаны между собой и отражают представление древних людей о мировом устройстве, то зачем придирается к описанию орнамента и противиться определению его как «процветший крест»? Дело в том, что в современном сознании слово «крест» прочно ассоциируется с христианством и христианскими символами. В то же время, на Плотниковском могильнике не найдено ни одного предмета, связанного с христианским культом. И вводить в научный оборот вещь с обозначением её орнамента как «процветший крест», там, где креста нет, значит провоцировать будущих исследователей на постановку ложных выводов о духовной культуре населения, оставившего Плотниковский могильник.

Библиографический список

1. Крыласова Н.Б., Брюхова Н.Г. Плотниковский могильник / научн. ред. А.М.Белавин. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. IV. – 222 с.
2. Макарова Т.И. Черневое дело Древней Руси / Отв.редактор Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
3. Смирнова И.М. Тайная история креста: все о древнем мистическом символе человечества. – М.: Эксмо, 2006 (Можайск (Моск.обл.): Можайский полиграфкомбинат). – 313 с.
4. Топоров. В.Н. Мифы народов мира. – М., 1994. Т. 2. – 671 с.
5. Топоров. В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – 448 с.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Т. XX (39). – СПб. Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1897. – 502 с.

УДК 903.25

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-104-114

Ю.А. Подосёнова^{1, 2}**ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ С ГРОЗДЬЕВИДНОЙ ПРИВЕСКОЙ ИЗ
МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ ЭПОХИ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ***¹ Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, РФ² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

Среди височных украшений, распространенных на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья особой популярностью в costume местного населения пользовались височные украшения с гроздьевидной привеской. Появление этих украшений на территории Пермского Предуралья следует связывать с концом VIII – началом IX вв. Во второй половине X века они начинают постепенно выходить из употребления у прикамского населения. IX – первая половина X вв. – период их наибольшей популярности. Вероятнее всего, прототипами таких изделий являлись украшения, характерные для населения салтовской археологической культуры. Но в большей степени при их изготовлении местными мастерами заимствовались не общая форма изделий, а отдельные конструктивные элементы. Несмотря на то, что изделия похожи друг на друга по форме привески и отдельным декоративным элементам, выделяются группы изделий, разные по технике изготовления: сборные ювелирные изделия, выполненные с применением разных ювелирных техник (тиснение, волочение, зернение, золочение, пайка и т.д.) и изделия, выполненные с помощью литья, копировавшие последние. Большинство изделий выполнено из серебра, редко из бронзы, латуни и золота.

Ключевые слова: височные украшения, гроздьевидная привеска, эпоха средневековья, Пермское Предуралье, ломоватовская культура, серебро, ювелирные изделия, costume.

Y.A.Podosyonova^{1, 2}**TEMPORAL LOBE ADORNMENTS WITH A BUNCH FROM MEDIEVAL
ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE PERM URALS**¹ Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia² Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

Temporal lobe adornments with a bunch belong to the number of numerous findings in the materials of the medieval archaeological monuments of Perm Ural Mountains. These artifacts were ornaments in medieval costume. They appeared at the turn of the eighth and ninth centuries and they existed, with slight variations, until the middle of the eleventh century. The ninth and tenth centuries - the time of their popularity. The technique of making them is different. There are jewelry and there are cast from metal. The mass character of the findings indicates that these details of the costume were spread only on the territory of Perm Ural Mountains area, their location in the monuments of neighboring archaeological cultures proves ethnocultural contacts of the medieval population of the region

Keywords: temporal jewelry, cluster, middle ages, Permian pre-Urals, silver, jewelry, costume

* Работа выполнена в рамках государственного задания, номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2, и при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Введение

Височные украшения являлись одним из наиболее распространенных видов головных украшений в костюме средневекового населения Пермского Предуралья. Среди них особой популярностью пользовались *височные украшения с привеской в виде грозди из мелких шариков*, выполненные чаще всего из серебра, реже – из золота и бронзы. Предлагаемая публикация посвящена этому виду украшений. Наряду с систематизацией и техническими особенностями их изготовления, рассматриваются хронология и вопросы происхождения.

Систематизация и технические особенности изготовления изделий.

Основными конструктивными элементами украшений рассматриваемого отдела являлись *проволочное кольцо-дужка* овальной или овально-подтреугольной формы и *привеска*, состоящая из грозди шариков разного размера. Привеска из шариков (зерни) в изделиях представлена по-разному: в виде пирамидки из трех-четырех литых шариков зерни небольшого размера, в виде пирамидки из четырех-пяти шариков крупного размера, в виде полой бипирамидальной грозди, в виде цельной грозди из шариков.

Дополнительными конструктивными элементами украшений выступают *пояски из рубчатой или простой проволоки* на боковых сторонах кольца-дужки, *пирамидка из зерни* на одной из боковых сторон кольца-дужки и на месте перехода кольца-дужки к привеске. В единичных случаях *рубчатой проволокой* декорирована нижняя часть проволочного кольца-дужки, припаянная вдоль неё двумя-тремя рядами.

Основное отличие между изделиями заключается в *способе крепления привески к кольцу-дужке*. Опираясь на эту особенность, стало возможным выделить следующие типы изделий.

***Тип – 1. Литой переход* (30 экз., рис. 1 /1–7)**

Основной материал – серебро, редко бронза. Кольцо-дужка овальной или овально-подтреугольной формы выполнено с помощью литья. На её боковых сторонах – отдельные или отлитые вместе с кольцевой основой пояски из гладкой или рубчатой проволоки или их имитация. В верхней части одной из боковых сторон – пирамидка из зерни или её литая имитация. В основании кольца-дужки – утолщение, к которому припаяна основная часть привески в виде грозди из крупных небольших или больших шариков (зерни).

Изготовление проволочного кольца-дужки с помощью литья производилось по-разному. В одних изделиях первоначально отливали стержневую заготовку, затем загибали её до необходимой формы и соединяли с помощью пайки с остальными элементами, в других – её отливали в двучастной двухсторонней форме. В отдельных случаях в один прием вместе с заготовкой для кольца-дужки вместе с утолщением отливали шарики, к которым уже затем припаявалась основная часть привески или декорирующие кольцо-дужку пирамидки из зерни.

Привески представлены разной формы – в виде полой бипирамидальной грозди из шариков крупного размера, в виде небольшой цельной грозди из шариков разного размера, в виде пирамидки из трех-четырех шариков зерни.

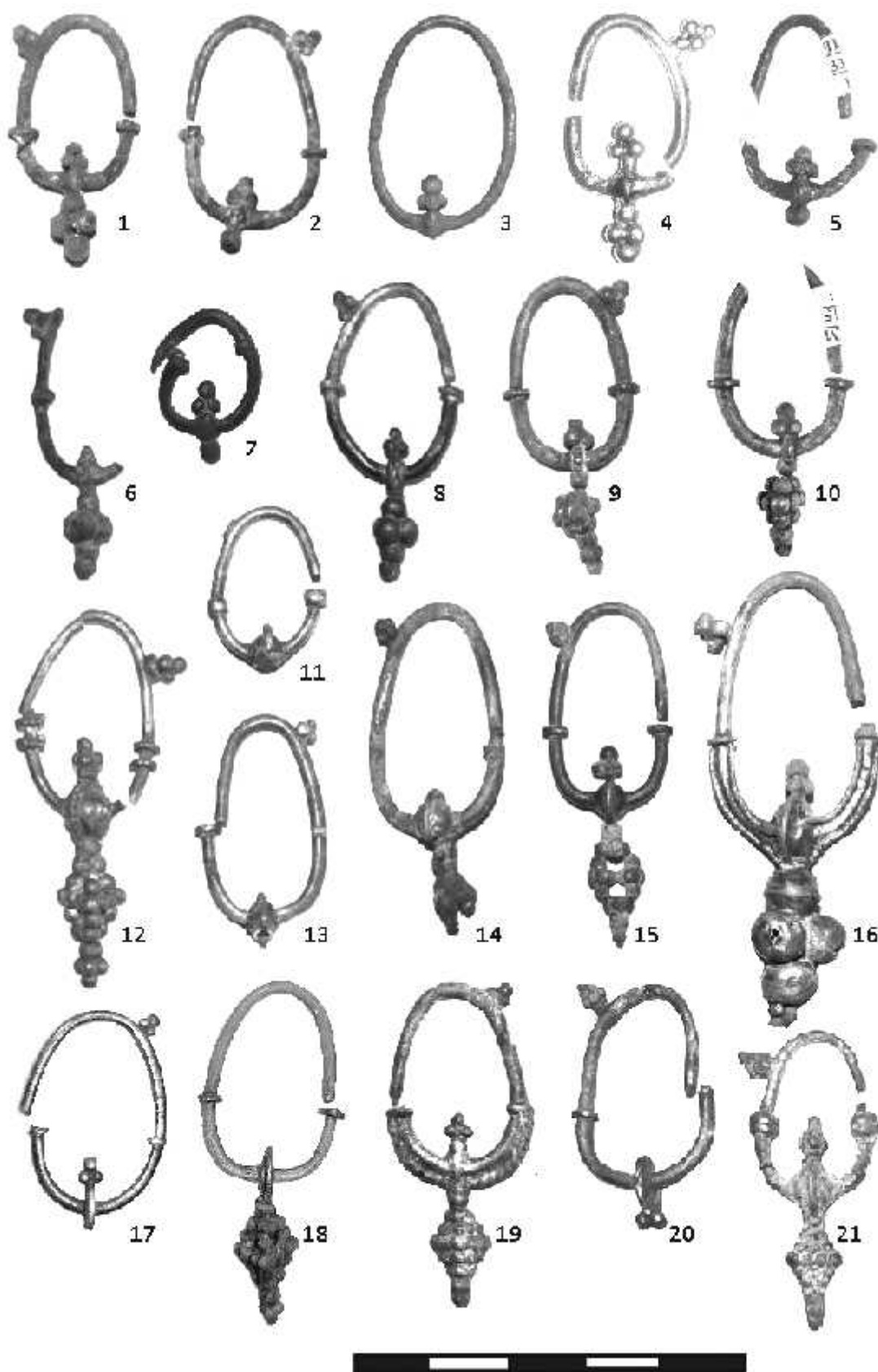

Рис.1. Височные украшения с гроздьевидной привеской с территории Пермского Предуралья (примеры). Типы. 1-7 – тип 1; 8-10 – тип 2; 11-16 – тип 3; 17,18,20 – тип 4; 19,21 – тип 5. 1, 9 – Вазгортский м-к (п.17), 2,3,6-8, 11-16, 18-21 – Баяновский мог-к (п.52, 137, 156, 123, 103, 116, 137, 151, 137, 114, 362, 399, 322, 442, 128); 4 – Митинский мог-к (п.49, безкурганная часть); 5,10 – Редикарский мог-к; 17 – Плесинский мог-к (п/м)

Изделия первого типа были обнаружены в материалах Баяновского (IX – первая половина X вв.), Урьинского (VIII–IX вв.), Важгортского (VIII–IX вв.), Каневского (VIII – IX вв.), бескурганной части Митинского могильников (конец VII – VIII вв.).

Из всех изделий выделяется один экземпляр, где к серебряной литой проволоочной основе кольца-дужки в верхней и нижней части припаяны пирамидки из золотых шариков. На боковых сторонах кольца-дужки отсутствуют пояски из проволоочки (рис. 1/4).

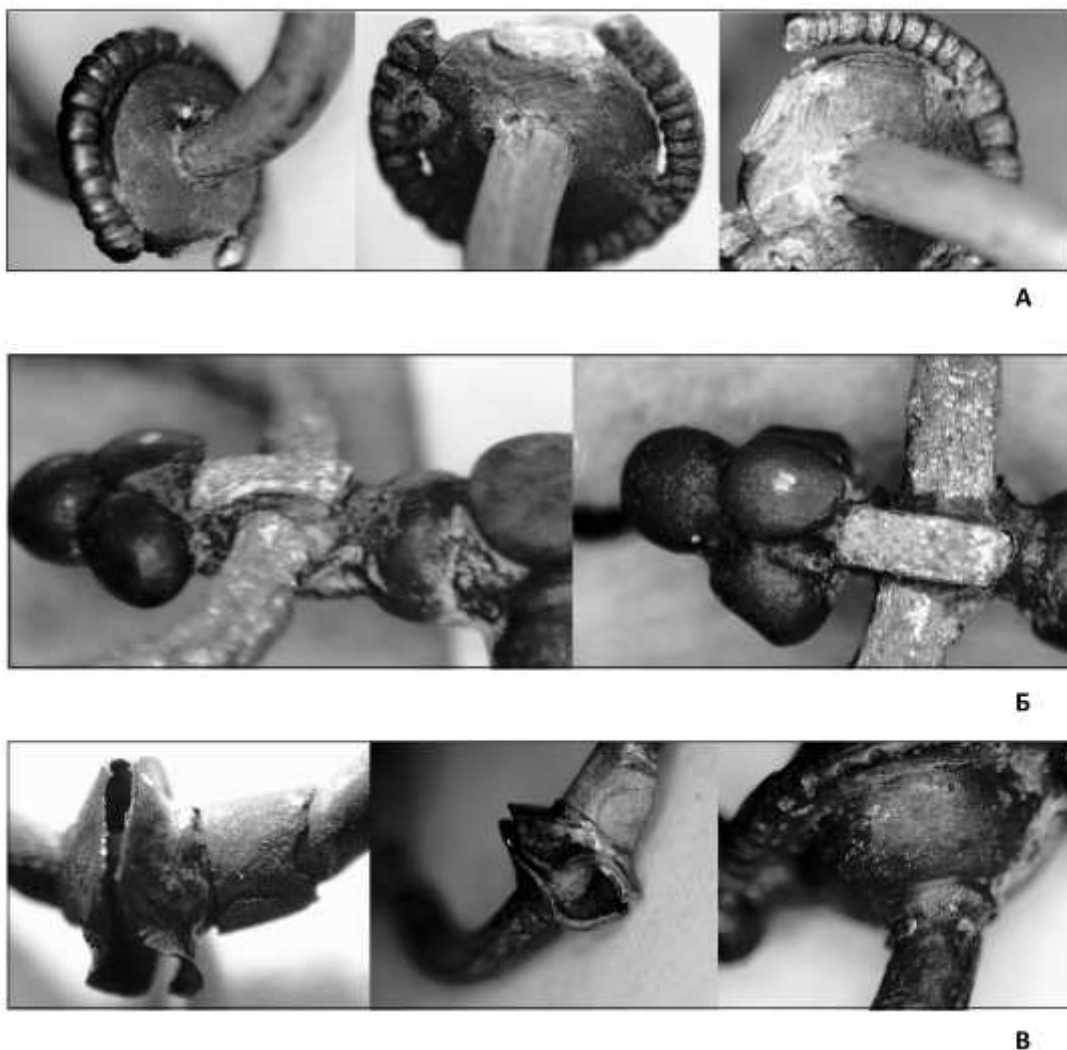

Рис.2 Технические особенности крепления привески в украшениях (типы 2,3,4).
 А – крепление в виде диска, нанизанного на кольцо-дужку (погр. 399 Баяновского м-ка);
 Б – крепление в виде проволоочки, перекинутой через основание кольца-дужки (погр. 438 Баяновского м-ка); В – крепление в виде полого шара и его конструкция (погр.429 Баяновского м-ка)

Tun – 2. Переход в виде перекинутой через основание проволоочки (10 экз., рис. 1 /8–10).

Основной материал – серебро. Кольцо-дужка овальной или овально-подтреугольной формы выполнено способом волочения (чаще всего). На боковых сторонах кольца-дужки припаяны отдельные пояски из гладкой или рубчатой проволоочки. В верхней части одной из боковых сторон – пирамидка из

зерни. Переход от кольца-дужки к привеске представлен в виде гладкой, штампованной или рубчатой проволоочки (от 1 до 3 рядов), перекинутой через нижнюю часть кольца-дужки. Ее концы не сведены вместе, между ними впаяна привеска (точнее, верхний шарик основной части привески) (рис.2/Б). Привеска представлена шариками небольшого размера, напаянными в полую бипирамидальную гроздь, или небольшую цельную гроздь, а также шариками крупного размера, представляющими цельную бипирамидальную гроздь.

Изделия происходят из Баяновского (IX – первая половина X вв.), Урьинского (VIII – IX вв.), Важгортского (VIII – IX вв.), Каневского (VIII – IX вв.), Редикарского (VIII – XI вв.), Плесинского (VII – X вв.) могильников.

Tun – 3. Переход в виде полого шара (44 экз., рис.1/ 11–16)

Основной материал – серебро, позолота. Кольцо-дужка овальной или овально-подтреугольной формы выполнено способом волочения. На боковых сторонах кольца-дужки припаяны отдельные пояски из гладкой или рубчатой проволоочки. В верхней части одной из боковых сторон – пирамидка из зерни. Переход от кольца-дужки к привеске представлен в виде слегка приплюснутого или правильной формы полого шарика: его тисненные полусферы с проделанными заранее отверстиями нанизаны на кольцо-дужку так, что при их соединении шов располагается вертикально по отношению к ней. Шов соединения спаян. Поверх шва напаяна штампованная, рубчатая или гладкая проволоочка. В нижней части шарика концы этой проволоочки не сведены до конца – в них впаяна основная часть привески (точнее, верхний шарик основной части привески), состоящая из шариков разного размера. Иногда полый приплюснутый шарик-переход дополнительно в нижней части подрезан или подпилен. В привеске шарики мелкого размера составляли полую бипирамидальную гроздь или небольшую цельную гроздь, шарики крупного размера, цельную бипирамидальную гроздь.

На одном из экземпляров удалось проследить конструкцию внутри шара-перехода. Возможно, такая конструкция была характерна для всех изделий, где переход от кольца-дужки к привеске представлен полым шаром правильной формы. Половинки шара, тисненные из тонкого листа металла, закрывали достаточно сложную конструкцию – нанизанные на кольцо-дужку две округлые шайбочки, вырезанные из тонкого листа металла. Края шайбочек сводились вместе, но внизу загибались так, чтобы зажать верхнюю часть первого шарика привески. За шайбочками (в разные стороны кольца-дужки) прокладывали пояски, вырезанные из тонкой пластины металла. И только затем нанизывали с разных сторон полусферы (рис. 2/В).

Из всего массива изделий выделяются височные подвески из Баяновского могильника (2 экз.), где бипирамидальная привеска состоит из полых шаров, собранных из тисненных из тонкого листа металла полусфер, а нижняя половина кольца-дужки декорирована двумя рядами рубчатой проволоочки, проложенными вдоль проволоочной основы (рис.1/16).

Изделия третьего типа происходят из Баяновского (IX – первая половина X вв.), Урьинского (VIII – IX вв.), Важгортского (VIII – IX вв.), Каневского (VIII – IX вв.), Редикарского (VIII – XI вв.), Плесинского (VII – X вв.) могильников.

Tun – 4. Переход в виде диска (5 экз., рис.4/17,18, 20).

Основной материал – серебро. Кольцо-дужка овальной или овально-подтреугольной формы выполнено способом волочения. На боковых

сторонах кольца-дужки припаяны отдельные пояски из гладкой или рубчатой проволоки. В верхней части одной из боковых сторон – пирамидка из зерни. Переход от кольца-дужки к привеске имеет дисковидную форму и выполнен с помощью нанизывания пластинки металла округлой, овальной или подпрямоугольной формы, подрезанной в нижней части. На край дисковидного перехода припаяна рубчатая проволока (рис.2/А). Ее концы не сведены вместе – между ними впаяна привеска (точнее, верхний шарик основной части привески), состоящая из шариков разного размера, спаянных в бипирамидальную гроздь. Шарiki мелкого размера составляли полую бипирамидальную гроздь, или небольшую цельную гроздь, шарiki крупного размера, цельную бипирамидальную гроздь.

Изделия происходят из Плесинского (VII – X вв.) и Баяновского (IX – первая половина X вв.) могильников.

Tun – 5. Литые изделия (46 экз., рис.1/19,21)

Основной материал – бронза, в редких случаях – серебро. Изделия повторяют форму предыдущих типов. Выполнены с помощью литья в двусторонней двухчастной форме.

Изделия происходят из материалов Урьинского (VIII – IX вв.), Важгортского (VIII – IX вв.), Каневского (VIII – IX вв.), Баяновского (IX – первая половина X вв.), Степаново Плотбище (IX – XI вв.), Мелехинского (VIII – XI вв.), Редикарского (VIII – XI вв.), Рождественского (вторая половина IX – XI вв.) могильников и Карасова городища (VIII – X вв.). Также немалое количество изделий обнаружено в материалах Аверинского II могильника [Перевозчикова, 2009, табл. 28/6,7,9,14,15,16,10,11,20,24,26].

Материал изготовления.

Преобладающее большинство сборных изделий было выполнено из сплава с высоким содержанием серебра (Ag более 90 %, Ag-Cu-Pb, Ag-Cu-Pb-Zn). Литые изделия выполнялись как из сплава с высоким содержанием серебра, так и из бронзы или латуни (всего 6 экз. из Баяновского (2 экз.), Степаново Плотбище (2 экз.) и Рождественского (2 экз.) могильников; Cu-Sn-Pb, Cu-Sn-Pb-Zn). Биметаллическое изделие из Митинского могильника изготовлено из сплава серебра и золота (дужка изделия: Ag – 82,6%, Au- 15,2%, Cu-2,2%, пирамидки зерни и зернь привески: Au-77,3%, Ag-14,1%, Cu-7,9%, Zn-0,7%).

Аналогии, датировка и происхождение.

Похожие по форме *анalogии* изделиям можно встретить на соседних территориях.

В *поломо-чепецкой археологической культуре* данные изделия типичны для конца VIII – IX вв. В немалом количестве они обнаружены в Варнинском, Поломском I, Поломском II, Омутницком, Тольёнском, Мыдлань-Шай могильниках [Иванов, 1998, с. 67, 122, рис. 19/6,7; 47/4,9,10,11; Семенов, 1985, с. 97, рис. 2/8; Семенов, 1988, с. 31, рис. 1/6-8,10; 3/2-6; Генинг, 1962, с. 42, табл. I/13-15].

На Еманаевском городище VII–X вв., интерпретируемом как памятник западного варианта *поломо-чепецкой культуры*, найдены литейные формы для отливки височных украшений с бипирамидальной гроздьевидной привеской, а также литые височные подвески из белого металла с овальным кольцом и бипирамидальной гроздьевидной подвеской [Лещинская, 1988, с. 95, рис. 9/35].

Также подобные украшения, время распространения которых IX–XI вв., встречены на *территории Ветлужско-Вятского междуречья* в Веселовском, Дубовском, Черемисское кладбище, Юмском могильниках [Никитина, 2002, рис. 25/12, 56/15, 17; Архипов, 1973, с. 19-20; рис. 17/21-23; Акилбаев, 2017, с. 45-47, рис. 2/19, 20, 21]. Исследователи отмечают, что серьги, обнаруженные здесь, имеют большое сходство с экземплярами из Прикамья, Южного Урала и мордовских древностей [Акилбаев, 2017, с. 45; Казаков, 1992, с. 177, рис. 63, 19].

На территории *Северного Предуралья* гроздьевидные височные украшения встречены в единичных экземплярах в Нерицком могильнике (X–XI вв.), на Хэйбиде-Пэдарском жертвенном месте [Археология республики Коми, 1997, с. 535, 559; рис. 5/18; 28].

В *раннебулгарских материалах* второй половины VIII – X вв. они происходят из Танкеевского (IX–XI вв.), Больше-Тарханского (вторая половина VIII – первая половина IX вв.) могильников [Казаков, 1971, с. 94–156, табл. XXI/35а, 38, 47, 51].

На *территории Южного Урала* височные украшения с гроздьевидной бипирамидальной привеской встречены в материалах Старо-Халиловских и Каранаевских курганов. Н.А. Мажитов относит данные изделия к основным датирующим признакам IX – начала X вв. [Мажитов, 1981, рис. 55/1, 56/4, 60/1; Мажитов, 1993, с. 131, рис. 4/2а].

Таким образом, датировать височные украшения с гроздьевидной привеской можно достаточно широко. Однако на основании сравнения материалов могильников можно предположить, что такие изделия были наиболее распространены в IX – первой половине X вв. Так, например, в достаточно хорошо исследованном Рождественском могильнике, где преобладающее большинство погребений датировано второй половиной X – XI вв., встречено всего два литых экземпляра височных украшений с гроздьевидной привеской, такие изделия отсутствуют в материалах Огурдинского могильника, датированного второй половиной X – первой половиной XI вв. Тогда как в материалах IX – первой половины X вв. Баяновского могильника таких изделий очень много, они обнаружены как в ранней, так и в поздней части памятника. Хронологические отличия в технических приемах не прослеживаются – в одном погребении можно обнаружить изделия, выполненные по-разному.

В изделиях ломоватовской археологической культуры крепление привески к кольцу-дужке без посредника (тип–1) или с посредником в виде полого приплюснутого шара (тип–3) или плоского диска (тип–4) являлось совершенно новым в изготовлении височных украшений. Возможно, крепление привески к основе изделия с помощью перекинутой подрезанной проволоки (тип–2) – продолжение традиции изготовления височных украшений, где привеска нанизывалась на двойной стержень, созданный с помощью перекидывания узкой полосы металла через основание кольца-дужки. Изделия, выполненные разными способами, копировались в литье (тип–5). Менее распространенными были изделия с переходом от кольца-дужки к привеске, представленным в виде нанизанного диска (тип–4).

Как уже было отмечено ранее (в типах 1 и 3), выделяется группа изделий, отличающихся по отдельным параметрам от всего массива украшений.

Одно изделие имеет кольцо-дужку из серебра, а шарики привески и пирамидки на одной из боковых сторон кольца-дужки – из золота. Изделие происходит из погребения, датированного VIII веком Митинского грунтового могильника (погр.49). Похожих украшений в материалах памятников как ломоватовской археологической культуры, так и соседних археологических культур не обнаружено.

Другие изделия – это подвески с гроздьевидными бипирамидальными привесками, состоящими из полых двусоставных шаров. Кроме стандартных декорирующих элементов (пирамидок из зерни в верхней части на одной из боковых сторон, над полым переходом кольца-дужки к привеске и на одном из нижних шаров привески, поясков из рубчатой проволоки по боковым сторонам и на шарообразном полом переходом кольца-дужки к привеске), они декорированы двумя-тремя рядами рубчатой проволоки, проложенной вдоль проволоочной основы по нижней половине кольца-дужки. Изделия происходят из Баяновского могильника, датированного IX – первой половиной X вв. Судя по прорисовкам, такие изделия были обнаружены в памятнике раннебулгарской эпохи Больше-Тиганском могильнике (2 экз., погр. 38), датированном IX – первой половиной X вв. [Халикова, Халиков, 2018, табл. XXVE/2 a,b], в марийских материалах эпохи средневековья в Юмском могильнике (погр.7), датированном IX–XI вв. [Акилбаев, 2017, рис.2/19; Архипов, Г.А., 1973, с. 64].

Приведенные аналогии показывают, что наибольшая концентрация и топологическое разнообразие височных украшений с гроздьевидной привеской наблюдается на территориях поломо-чепецкой и ломоватовской археологической культуры. Что может свидетельствовать о производстве данных украшений именно в Среднем Предуралье. Этого мнения придерживаются и такие исследователи, как Е.П. Казаков, Г.А. Архипов, С.С. Рябцева и др. [Казаков, 1971, с. 94–156; Архипов, 1973, с. 19–20; Рябцева, 1999, с. 352–353]. Практически поштучное распространение данных изделий в других археологических культурах происходило именно с территорий ломоватовской и поломо-чепецкой культур, то есть с территории Прикамья. Присутствие таких украшений в раннебулгарских памятниках может быть связано, прежде всего, с тем, что часть населения, оставившего эти памятники, принадлежала к выходцам с территории Прикамья [Казаков, 1992, с. 71–72].

Появление таких украшений в поломской и в ломоватовской археологических культурах следует, скорее всего, относить к концу VIII – началу IX вв. Время наиболее широкого применения таких изделий – IX – первая половина X вв. Во второй половине X такие украшения выходят из употребления, и представлены на памятниках в незначительном количестве чаще всего в виде литых, грубо выполненных образцов.

Затруднительным является ответ на вопрос о происхождении данных изделий на территории Прикамья.

Такие исследователи, как А.М. Белавин, Н.А. Мажитов, относят височные украшения с привеской в виде пирамидки и бипирамидальной грозди к украшениям салтовского и раннеболгарского происхождения [Белавин, 2000, с. 40, рис. 8; Мажитов, 1981, с. 128, рис. 55/1, 56/4, 60/1; Мажитов, 1993, с. 131, рис. 4/2a]. Исследователи Г.А. Архипов, А.Г. Иванов, В.А. Иванов, Н.Б. Крыласова, предполагают, что исходные формы данных изделий надо искать у носителей салтовской археологической культуры [Архипов, 1973, с. 19–

20; Крыласова, 2001, с. 56; Иванов, 1998. с. 113; Иванов, Крыласова, 2006, с. 124]. С.С. Рябцева полагает, что мода на эти украшения в Прикамье попадает из районов Кавказа и Подонья (также от салтовских образцов) [Рябцева, 1999, с. 352–353].

Между салтовскими и прикамскими образцами рассматриваемого периода времени есть достаточно существенные отличия – в форме привески (бипирамидальная гроздь у прикамских), в декорировании верхней части одной из боковых сторон кольца-дужки (в прикамских – пирамидка грозди, в салтовских – полый шар или шарообразный выступ).

Но в то же время, есть и существенные «технологические» сходства – это полые приплюснутые шары при переходе от кольца-дужки к привеске и дисковидный переход от кольца-дужки к привеске. Такие отдельные технологические нюансы изготовления украшений, являлись «новыми» в изготовлении височных украшений на территории Пермского Предуралья в IX веке.

Здесь мы можем увидеть прикамскую форму привески и заимствование или «приход» определенных технических инноваций в изготовлении изделий, которые в этот период времени были характерны для салтовских украшений.

Прикамские экземпляры височных украшений отдаленно напоминают украшения Отдела первого типа I классических салтовских серег второй половины VIII – начала IX вв. (по С.А. Плетневой; кольцо-дужка овальной формы с привеской в виде перевернутой пирамидки, с боковыми поясками по бокам и шарообразным отростком в верхней части одной из боковых сторон) [Степи Евразии ..., 1981, рис. 37/1,97; Плетнева, 1967, с. 137,141; рис. 36/1]. Как отмечают исследователи, украшения с проволоочной основой округлой или овальной формы с пирамидкой из шариков являлись типичной формой и для предшествующей салтово-маяцкой культуре эпохи [Мерперт, 1951, с. 24–25, рис. 2].

Возможно, общая форма изделий могла начать формироваться ещё на соседней территории неволинской археологической культуры, где в погребениях второй половины VIII в. обнаружены бронзовые изделия в виде овального кольца-дужки с отростком в одной из боковых сторон и с привеской бипирамидальной формы из крупных шаров (Верх-саинский могильник, погр.65) [Голдина, Перевозчикова, Голдина, 2018, табл.350/7].

Заключение

Таким образом, височные украшения с привеской в виде грозди появляются на территории Пермского Предуралья в конце VIII – начале IX вв. Вероятнее всего, такие украшения являются местной вариацией ушных украшений – серег салтовского круга. Местными мастерами копируются отдельные приемы декорирования изделий и «технические» особенности изготовления изделий, но форма привески изменяется – из перевернутой пирамидки, спаянной из зерни, она становится бипирамидальной, также выполненной из зерни разного размера. В IX – первой половине X вв. такие украшения пользуются наибольшей популярностью у местного прикамского населения. А во второй половине X века они начинают постепенно исчезать из костюма местных жителей.

Библиографический список

1. Акилбаев А.А. Древнемарийские памятники IX – начала XII вв. в системе древностей Великого волжского пути (по материалам украшений и предметов одежды) / Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. по специальности 07.00.06. – Казань, 2017. – 202 с.
2. Археология Республики Коми / Л.И. Ашихмина, И.О. Васкул, А.В. Волокитин, Э.А. Савельева и др. – М.: «ДиК», 1997. – 758 с.
3. Архипов, Г.А. Марийцы IX–XI вв. (к вопросу о происхождении народа) – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. – 198 с.
4. Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
5. Генинг В.Ф. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // ВАУ. – Вып. 3. – Свердловск: УрГУ, 1962. – С. 7–111
6. Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В. Могильник VI–IX вв. у д. Верх-Сая в Кунгурской лесостепи. – Ижевск: Монпоражён, 2018. – 720 с.
7. Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 308 с.
8. Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма) – Пермь: ПФ ИИиА УрО РАН, 2006. – 163 с.
9. Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Вып. 1. – Казань: ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова, 1971. – С. 94–156
10. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. – М.: Наука, 1992. – 335 с.
11. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2001. – 220 с.
12. Лещинская И.А. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья: сб. науч. тр. – Ижевск: УдГУ, 1988. – С. 79–107
13. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. – М.: Наука, 1981. – 164 с.
14. Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. – Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. – С. 119–140
15. Мерперт Н.Я. О генезисе салтово-маяцкой культуры // КСИИМК. – Вып. XXXVI. – М.-Л.: Наука, 1951. – С. 24–30
16. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – 432 с.
17. Перевозчикова С.А. Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV–IX вв. (историко-генетический подход) / Дисс. на соискание уч. ст. к.и.н. по специальности 07.00.06. – Ижевск: УдГУ, 2009. – 300 с.
18. Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура) // МИА. – № 142. – М.: Наука, 1967. – 199 с.
19. Рябцева С.С. «Близнецы» или «двойники»: украшения Волыни и Прикамья // STRATUM. – 1999. – № 5. – С. 338–356
20. Семенов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. – Устинов: НИИ при СовМин УАССР, 1985. – С. 92–118

21. Семенов В.А. Тольенский могильник IX – начала X в. // Новые исследования по древней истории Удмуртии. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1988. – С. 25–58
22. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
23. Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // Археология Евразийских степей. – 2018. Вып. 25. – С. 7–144

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-115-121

А.В. Вострокнутов**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ШУМЯЩИХ УКРАШЕНИЙ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ КОНЦА XI – XIV ВВ. (МАТЕРИАЛ
ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ЗВУК)***

Пермский государственный национально-исследовательский университет, Пермь, РФ

В данной работе представлены результаты изучения семантической стороны женских шумящих украшений Пермского Предуралья конца XI – XIV вв. Основное внимание уделено не конкретным категориям предметов, а их общим свойствам – все украшения изготовлены из цветного металла, все они издают шум. Анализу значения металлов и шума, на основании этнографических данных и посвящена данная работа. Автор выделяет три функциональных назначения шумящих украшений – эстетическую, апотропейную и аудиальную – маркирующую освоенное пространство для своей обладательницы.

Ключевые слова: украшения, шумящая подвеска, археология, апотропей, звук, шум, металл.

A.V. Vostroknutov**OF THE SEMANTICS OF NOISY JEWELRY OF THE PERM CIS-URALS AT
THE END OF THE XI-XIV CENTURIES. (MATERIAL AND SOUND)**

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University» (Perm State University), Perm, Russia

This article presents the results of the study of the semantic side of the noisy female jewelry of the Perm Cis-Urals at the end of the XI-XIV centuries. The main attention is paid to general properties of the objects. All of the decorations are made of non-ferrous metal, all of them are making a noise. This work is devoted to the analysis of the significance of metals and noise, based on ethnographic facts. The author identifies three functional purposes of noisy jewelry: esthetic, apotropaic and audio. These functions are marking the developed space for its owner.

Keywords: Jewelry, noisy pendant, archaeology, apotrope, sound, noise, metal.

Введение

Украшения костюма – одна из ярких черт материальной культуры. Костюмные комплексы многих народов мира помимо собственно одежды несут в себе целые наборы украшений.

Изучение украшений может помочь не только узнать о времени их бытования (что, в свою очередь, даёт возможность более точного датирования археологических комплексов), технологии изготовления, но и о мировоззрении населения, оставившего нам эти артефакты.

У обских угров, «если человек гол, он просто кор (тело). Если он одет, он живёт... В том, как человек одет, обозначены его намерения или состояния...» [Головнев, 1995, с. 284]. Похожее наблюдение сделал в Боливии Клод Леви-Стросс, который отмечал, что украшения и ритуальные одежды становятся культурными посредниками, которые преобразуют биологического индивида в личность [Леви-Стросс, 1999, с. 62].

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00269 «Горная промышленность и раннезаводская культура в языке, народной письменности и фольклоре»)

Шумящие украшения, на наш взгляд, являются наиболее яркими деталями женского костюма Пермского Предуралья в эпоху средневековья.

Семантическую сторону украшений затрагивают в своих работах многие археологи. Отметим исследования Н.Б. Крыласовой [Крыласова, 2001], А.М. Белавина [Белавин, 2000], Р.Д. Голдиной [Голдина, 1985], Л.И. Липиной, Ю.А. [Липина, 2006], Н.А. Волокитиной [Волокитина, 2010] и др.

Н.И. Гаген-Торн в своей работе приводит интересную мысль о том, что изобретение одежды было творческим актом, и, следовательно, человек понимал, для чего нужна та или иная её форма [Гаген-Торн, 1960, с. 3]. Человек в одежде с украшениями, находящимися на «своих» местах, представляет законченный образ. Соответственно, мы можем применить этот тезис и для изучаемого нами периода, т. к. украшения, безусловно, являлись важной частью костюма в то время.

В данной работе делается попытка в общих чертах определить значение шумящих украшений для мировоззрения в начале второго тысячелетия н. э.

Отметим, что речь пойдёт не об отдельно взятой категории украшений (арочных, биякорьковых и т. д.), а именно о *шумящих металлических украшениях* в целом.

Семантика шумящих украшений

Украшения конца XI – XIV вв. отличаются от предшествующих изделий не только техникой изготовления, но и морфологическими признаками, и техникой изготовления (рис.1). Внешний вид подвесок можно характеризовать как «аморфный» – эти артефакты утрачивают свой «звериный» облик, который так ярко представлял древности Пермского Предуралья на протяжении нескольких столетий до этого.

Претерпели изменения не только основы украшений, но и их шумящие элементы – привески. Реалистичные «утиные лапки» предшествующих веков сменяют бубенчики и колокольчики, орнаментированные в том же стиле, что и основы подвесок – гладкими поясками и поясками с насечками.

Рис.1. Шумящие подвески XII-XIII вв. Антыбарский могильник

Среди украшений изучаемого периода только зооморфные пронизки сохраняют внешнюю связь с прежней эпохой, хотя орнаментикой они тяготеют к остальным украшениям.

Со сменой внешнего вида и техники изготовления этих артефактов не поменялась их «идея», отличающая шумящие украшения от остальных атрибутов костюма – это *звон*, который они издавали при движении. Никакой другой материал, кроме металла, в то время не мог бы заменить шумового эффекта, производимого шумящими подвесками, пряжками, пронизками, фибулами. Металлический звон сопровождал жительниц прикамских лесов на протяжении тысячи лет. Более того, некоторые из подвесок, хранящихся в настоящий момент в музеях, сохраняют эту особенность. Помимо шумового эффекта нельзя не обратить внимания на материал, из которого эти украшения изготовлены, а именно на *цветной металл*.

Мы перечислили две качественных характеристики шумящих украшений, которые проникали в мировоззрение жителей Пермского Предуралья – это материал изготовления (металл) и звон (шумовой эффект). Обратимся к этнографическим данным, для анализа этих характеристик.

Этнографические материалы, как в Европейской части России, так и за Уралом, дают нам представление о сакральных функциях металла у разных народов. Металлы часто связывались с противоположностями: жизнью и смертью, служили апотропейными предметами для новорождённых и защищали от нежелательных посещений покойников, от потопа и огня, символизировали солнце и луну, соединяли верхний и нижний миры.

О.В. Голубкова приводит данные о том, что в культуре коми бытовало представление о том, что блеск и звон металла отпугивал лесных духов, в то время как деревянный звук, наоборот, мог привлечь их. Металлические изделия, в отличие от деревянных, были более трудными в изготовлении – металл нужно было выплавить, он был искусственным материалом, что и выражалось в возможности защитить от лесных духов. Деревянный шум для них был не опасен, поскольку дерево – лесной материал. Металлы символизировали небесные светила (солнце, луну, небесный огонь), энергетику жизненных сил, имевших божественное происхождение, плодородие и кровь, связывали с верхним и нижним миром [Голубкова, 2017, с. 75 – 77].

Те же сакральные качества отмечает и В.И. Семёнова. Медь в культурах народов мира была связана с идеями плодородия, защиты, очищения, наделялась апотропейными функциями. Медные изделия у обских угров использовались при обряде испрашивания детей. Также отмечается, что бронзовые и медные украшения влияли на плодородие, независимо от места в костюме. Исследовательница, со ссылкой на Ю.В. Балакина, указывает на тот факт, что священным был сам ритуал отливки изделий из цветных металлов [Семёнова, 2008, с. 181].

А.В. Бауло приводит предание о том, что сын Торума медным корытом смог предотвратить потоп, установив его между небом и землей. В то же время, медь защищает от пожара [Бауло, 2004, с. 88].

Помимо меди и бронзы сакральными свойствами наделялись и другие цветные металлы и, разумеется, железо. Обратимся к сведениям об особом отношении к тем металлам, что использовались для изготовления шумящих украшений, помимо меди – олову и свинцу.

Т.Б. Никитина приводит сведения об использовании олова в жертвоприношениях у марийцев, а также о вере в священную силу этого металла у населения Среднего Поволжья [Никитина, 2012, с. 341 – 342].

У обских угров в XVIII–XIX вв. из олова и свинца изготавливалась большая часть металлических культовых атрибутов. Изготовлением этих предметов занимались мужчины [Бауло, 2004, 89].

У удмуртов считалось, что ношение накосных украшений способствует росту волос, а звон серебра отпугивает нечистую силу [Черных, 2012, с. 78].

А. М. Белавин, как упоминалось ранее, отмечал, что серебряный цвет наиболее предпочтителен и сакрален у финно-угорских народов [Белавин, 2013, с. 55].

Кондинские вогулы, чтобы не допустить возвращения покойника, шумели и били в металлический колокольчик. Хакасы-качинцы при полном затмении луны кричали и били, в т. ч. в металлическую посуду, чтобы не дать тёмным силам утащить светила в преисподню [Косарев, 1984, с. 192].

У мордвы металлические (в т. ч. бытовые) изделия использовались в различных жизненных ситуациях. Г.А. Корнишина отмечает их применение в родильной, свадебной, погребальной практике. Предметы из металла воспринимались как апотропеи от колдунов, покойников, звон металла разгонял нечистую силу перед свадебным поездом. Эти же свойства приписывались и звону от многочисленных мордовских шумящих украшений [Корнишина, 2016, с. 43–47].

Мир звучащий, наполненный звуками, производимыми человеком, обозначал мир живых, противопоставляясь миру мёртвых. Так, например, у бесермян запрещалось шуметь и громко разговаривать в переходные моменты времени, когда изменялись характеристики пространства: в сумерки, в полночь, в полдень. Запрет накладывался на шум в священных рощах, святилищах, кладбищах. Наоборот, шум, звуки были частью обрядов, призванных отпугнуть враждебные силы [Попова, 2017, с. 98–99]. Е.В. Попова отмечает, что различные звуки, производимые человеком, домашними животными, музыкальными инструментами, маркируют освоенную территорию [Попова, 2017, с. 99].

Следует отметить, что мы не можем со стопроцентной гарантией соотносить данные этнографии, применительно к костюму, с археологическими материалами, отстоящими на семь веков в прошлое. Однако, те категории шумящих украшений, что мы рассмотрели в нашей работе, показывают использование этих атрибутов костюма в тех же ситуациях, что и в приведённых этнографических примерах.

Сравнение упомянутых этнографических фактов и данных археологии, рассмотренных в настоящей работе, позволяет провести некоторые аналогии.

Прежде всего, укажем те места, где располагались шумящие украшения на костюме: на груди, поясе, руках и косах их носительниц. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, относящихся к концу XI – XIV вв., об украшении обуви, однако такие изделия присутствуют в более ранних материалах на исследуемой территории (в ломоватовской археологической культуре). Обратим внимание на то, что, например, у обских угров костюм отражает представление о душах человека. А.В. Головнев в своей работе отмечает, что по поверьям обских угров у человека несколько душ: у мужчин пять, у женщин четыре. Каждая из этих душ находит своё проявление в одежде: «...женская душа-голова

(покрытая платком) обозначена налобной повязкой, накосными украшениями... душа-сердце – бисерным воротником с металлическими отливками, различными нагрудными украшениями, душа-живот – поясом, душа-ноги – орнаментом обуви» [Головнев, 1995, с.283–284]. Из приведённой цитаты ясно, что все категории, рассмотренные нами, кроме украшений для рук, можно соотнести с угорским представлением о душах. Таким образом, «вещевой портрет» средневековой жительницы Пермского Предуралья соотносится с этнографическим.

Поскольку украшения выполняют помимо эстетической ещё и апотропейную функцию в костюме, то они и располагаются на тех местах, которые следовало охранять: волосах, груди, животе, ладонях. Здесь следует также отметить, что костюм состоял не только из шумящих украшений, сюда относятся также поясной набор, ножи, поясные сумочки, бусы и бисер. Последние могли восприниматься как каменные [Семенова, 2008, с. 180– 82], что распространяло на них также апотропейную функцию. Ворот и рукава украшались/защищались бусами и металлическими браслетами, что защищало эти отверстия в одежде от контактов с потусторонними силами [Черемисина, 2013, с. 178]. Таким образом, костюм представлял собой апотропейную систему.

Из приведённых примеров следует, что украшения выполняли апотропейную функцию уже по причине того, что были изготовлены из цветных металлов.

Многие из изученных шумящих украшений имеют серебристый цвет, хотя по химическому составу являются различными вариантами сплавов (свинцово-оловянные и оловянные бронзы, многокомпонентная латунь) [Вострокнутов, 2016, с. 135 – 155]. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с материалом – «заменителем» серебра, который наделялся теми же апотропейными качествами.

Проведённые этнографические параллели об охранном значении шума вообще (и металлического, в частности) напрямую связывают нас с шумовым эффектом рассматриваемых украшений.

Здесь, как и в случае с использованием металла в защитных целях, мы можем говорить об апотропейной функции, поскольку металлический звон призван отгонять злых духов. Следует отметить, что при изучении химического состава шумящих украшений было выявлено различия в процентном соотношении элементов сплава у основы украшений и их привесок. Возможно, такая разнородность химического состава могла быть вызвана именно необходимостью достижения особого звучания [Вострокнутов, 2016, с. 153].

Относительно звучания, звука шумящих украшений, интересно будет вспомнить приводимые сведения из работы Е.В. Поповой. Границы освоенного мира маркировались звуками, которые так или иначе были связаны с деятельностью человека: голоса, шум от хозяйственной деятельности, голоса животных, звуки инструментов, свист. Сюда же можно отнести перезвон украшений. Их средневековая обладательница не только охраняла себя, надевая их, но и маркировала своё собственное освоенное пространство. Разумеется, вряд ли перезвон металлических украшений был далеко слышен – ведь его могли приглушать посторонние шумы, например, ветер, или какие-либо детали одежды, или волосы (если говорить о накосниках), но, тем не менее, для своей носительницы эти изделия выполняли данную функцию. Покидая поселение,

женщина сохраняла, таким образом, связь с ним тем, что часть освоенного пространства «передвигалась» вместе с нею.

Заключение

Подводя итог, мы можем выделить три функциональных назначения шумящих украшений – эстетическую, апотропейную и аудиальную – маркирующую освоенное пространство для своей обладательницы.

Следует отметить, что сегодня нельзя с большой точностью проследить в мировоззрении населения Пермского Предуралья проявление каких-либо реликтов от шумящих украшений в материальном плане. В случае с коми мы уже не наблюдаем металлические украшения. Значимое место они занимают в костюмных комплексах мордвы, удмуртов, марийцев. Но в данном случае необходимо иметь в виду, что эти костюмы чаще всего выступают в качестве ритуальной, праздничной или фестивальной одежды и не носят повседневного характера.

Несмотря на утрату традиции ношения шумящих украшений на современном этапе, мы, тем не менее, можем наблюдать сохранение сакральной функции металла в обрядах и мировоззрении, независимо от использования его в одежде.

Этнографические данные дают нам важную информацию для понимания восприятия средневековых украшений их обладательницами.

Они носили на себе изделия, которые могли защитить их от нечистой силы, были символами небесных светил, связывали мир живых и мёртвых, являлись символом плодородия. Женщина с шумящими украшениями не только была красиво одета и при ходьбе издавала мелодичный перезвон, но и чувствовала себя защищённой в духовном плане, формировала вокруг себя освоенное пространство.

В заключение отметим, что традиция ношения шумящих украшений существовала практически тысячу лет. Украшения воспринимались как носители сакральной силы, апотропейные предметы и маркеры освоенного пространства. Каждый из этих предметов в костюме находился на своём месте и наделялся определённой функцией. О том, что обладательницы шумящих украшений понимали назначение последних, нам говорит факт длительного использования их в такой важной части культуры, как костюм.

Таким образом, мы можем проследить значимую роль металла в мировоззрении не только современных народов, но и в далёком прошлом.

Библиографический список

1. Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. – 160 с.
2. Белавин А.М. «Серебро Закамское» в истории и археологии Пермского Предуралья // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2013. № 2. – С. 50–61
3. Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
4. Волокитина Н.А. Акваорнитоморфные образы в традиционной культуре коми (зырян) / дисс... кандидата культурологии: 24.00.01. – Саранск, 2010. – 220 с.

5. Вострокнутов А.В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI – XIV вв. н.э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация / дисс.. кандидата исторических наук: 07.00.06. – Пермь, 2016. – 336 с.
6. Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья. – Чебоксары: Чувашск. гос. изд-во, 1960. – 228 с.
7. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1985. – 280 с.
8. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
9. Голубкова О.В. Символика дерева и металла в традиционной культуре коми // Баландинские чтения. – 2017. Т. XII. – С. 75–77.
10. Корнишина Г.А. Семантический статус бытовых предметов из металлов в контексте обрядовой культуры мордвы // Гуманитарий: гуманитарные проблемы науки и образования. – 2016. № 3 (35). – С. 43–47
11. Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. – М: Наука, 1984. – 245 с.
12. Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. – Пермь: ПГПУ, 2001. – 220 с.
13. Леви-Стросс К. Мифологии. Том I. Сырое и приготовленное. – М.: СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 62.
14. Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.) / дисс... кандидата исторических наук: 07.00.06. – Ижевск, 2006. – 244 с.
15. Никитина Т. Б. Женщины-«литейщицы» из марийских захоронений X–XI вв. как носительницы этнической традиции // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII.: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные проблемы сохранения и музеефикации / под общ. ред. А.М. Белавина. – 2012. – С. 336 – 344
16. Попова Е. В. Тишина и звук в традиционной картине мира бесермян // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2017. Т. 27. Вып. 1. – С. 98–103
17. Семёнова В.И. Семиотика мира мёртвых. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2008. – 213 с.
18. Черемисина К.П. Семантика одежды в традиционной культуре обских угров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. № 3 (23). – С. 177–180
19. Черных А.В. Одежда в традиционном мировоззрении удмуртов Прикамья // Апотропейные функции материальной культуры народов Урала и Беларуси (конец XV–XXI вв.). – Пермь: Изд-во «От и до», 2012. – С. 77–81

УДК 902

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-122-130

М.Е. Шмырина**ПРОБЛЕМА ИМПОРТА КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (на
примере Иньвенской группы памятников)**

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

В данном исследовании рассматриваются вопросы, связанные с происхождением костяных предметов, нехарактерных для Пермского Предуралья. Рассмотрены виды костяных изделий, которые можно относить к импортным. Исследование рассматривает пути проникновения импортных костяных изделий на территорию Пермского Предуралья, а также внедрение данных предметов в жизнь средневекового человека.

Ключевые слова: костяные изделия, Пермское Предуралье, Волжская Булгария, импорт, р. Иньва, средневековье, гребни, кистень, токарный станок.

M.E. Shmirina**THE PROBLEM OF BONE ARTIFACTS IMPORT ON THE TERRITORY OF
PERM PRE-URALS IN THE MIDDLE AGES (A STUDY OF INVEN GROUP
OF ARTIFACTS)**

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

This report examines issues related to the origin of bone objects that are not typical for the Permian pre-Urals. The types of bone products that can be classified as imported are considered. The report examines the ways in which imported bone products entered the territory of the Permian Urals, as well as the transformation of these items into the life of a medieval person.

The questions of bone product uncharacteristic of Perm Pre-Urals investigate in this research. There are ways of penetrations bone product in Prikamye are.

Key word: bone products, Perm Pre-Urals, Volga Bulgaria, import, Inva, Middle Ages, combs, flail, lathe.

Введение

На протяжении сотен лет через Пермское Предуралье проходили торговые пути, по которым поступали товары из западных земель в Зауралье, Сибирь, Азию и наоборот. Безусловно, именно поэтому пермские памятники богаты материалами импортного происхождения.

Исследователи для Пермского Предуралья эпохи средневековья выделяют территориальные группы памятников, которые отождествляются с локальными племенными общностями. А.В. Вострокнутов вполне закономерно выделяет 9 таких групп: Камско-Колвинская, Гаинско-Косинская, Лупьинская, Верхнекамская, Яйвинско-Камская, Иньвенская, Обвинская, Усьвинско-Чусовская и Косьвинская [Вострокнутов, 2016, с. 28]. Наибольший интерес представляет Иньвенская группа памятников (долина реки Иньвы), так как р. Иньва является одним из путей перемещения между Удмуртским Прикамьем и Пермским Предуральем, что делает ее долину одной из наиболее интересных областей для исследования.

Крупнейшими поселенческими памятниками Иньвенской группы считаются Роданово (Полютово), Анюшкар, Полюты, Купрос, Гырчиковское (Юсьвенское) городища, Калинское и Вакинское селища (рис.1). Материалы этих археологических памятников богаты изделиями, которые можно отнести к импортным. В том числе, и среди костяных изделий можно выделить предметы, которые, вероятно, имеют импортное происхождение.

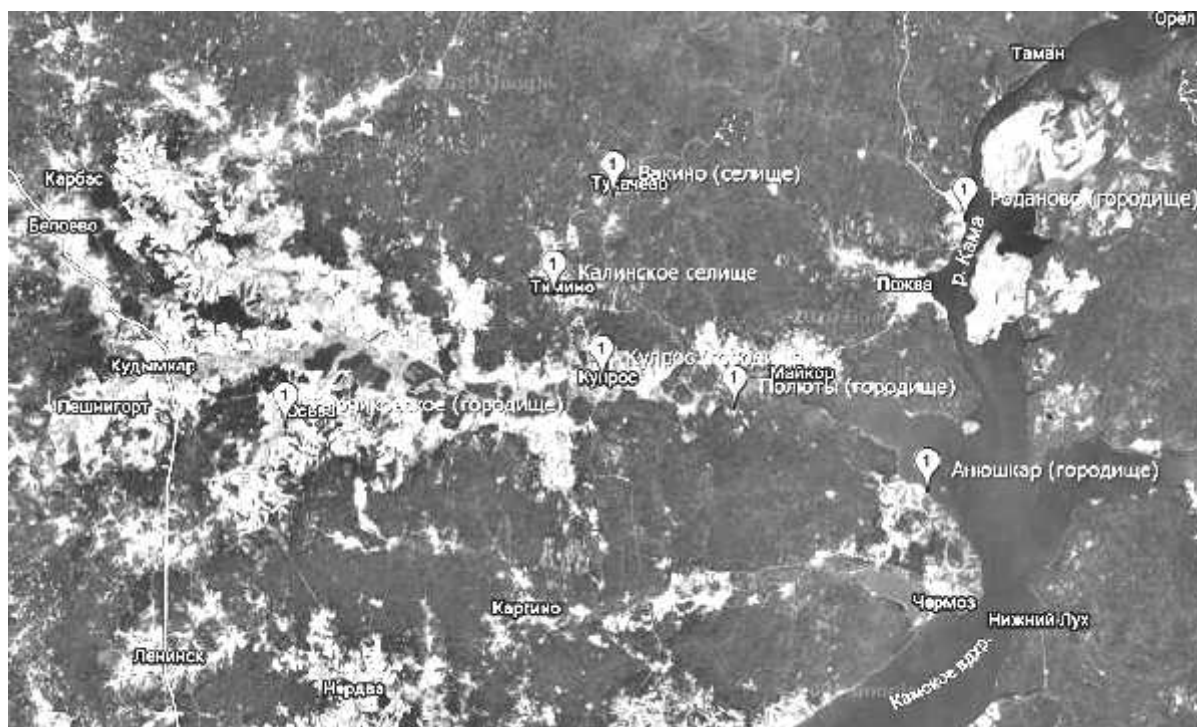

Рис. 1. Расположение археологических поселенческих памятников Иньвенской группы

Кость являлась одним из наиболее распространенных материалов на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Кости животных использовались для изготовления различных категорий вещей: орудий труда для домашних производств, украшений и деталей костюма, амулетов, предметов вооружения и охоты, а также атрибутов для игр, деталей упряжи и иных предметов. Относительная легкость и простота обработки кости, а также распространенность исходного сырья способствовали увеличению доли костяных предметов в материалах не только Иньвенской группы, но и всех археологических памятников.

С абсолютной точностью выделить изделия, которые были изготовлены не на территории Пермского Предуралья, а были привнесены извне, достаточно сложно. Однако можно выделить предметы, которые имеют не характерные для местного производства черты, что позволяет отнести их к импортным.

Обсуждение

Одной из наиболее вероятных категорий импорта являются *роговые гребни и костяные расчески*. Большинство исследователей выделяет две группы гребней: *односторонние и двусторонние* [Давидан, 1962, с. 95].

К односторонним гребням в частности относят *гребни-расчески*, которые зачастую составляют единое изделие вместе с футляром (рис. 2/1). Подобные расчески встречаются на большинстве памятников Иньвенской группы.

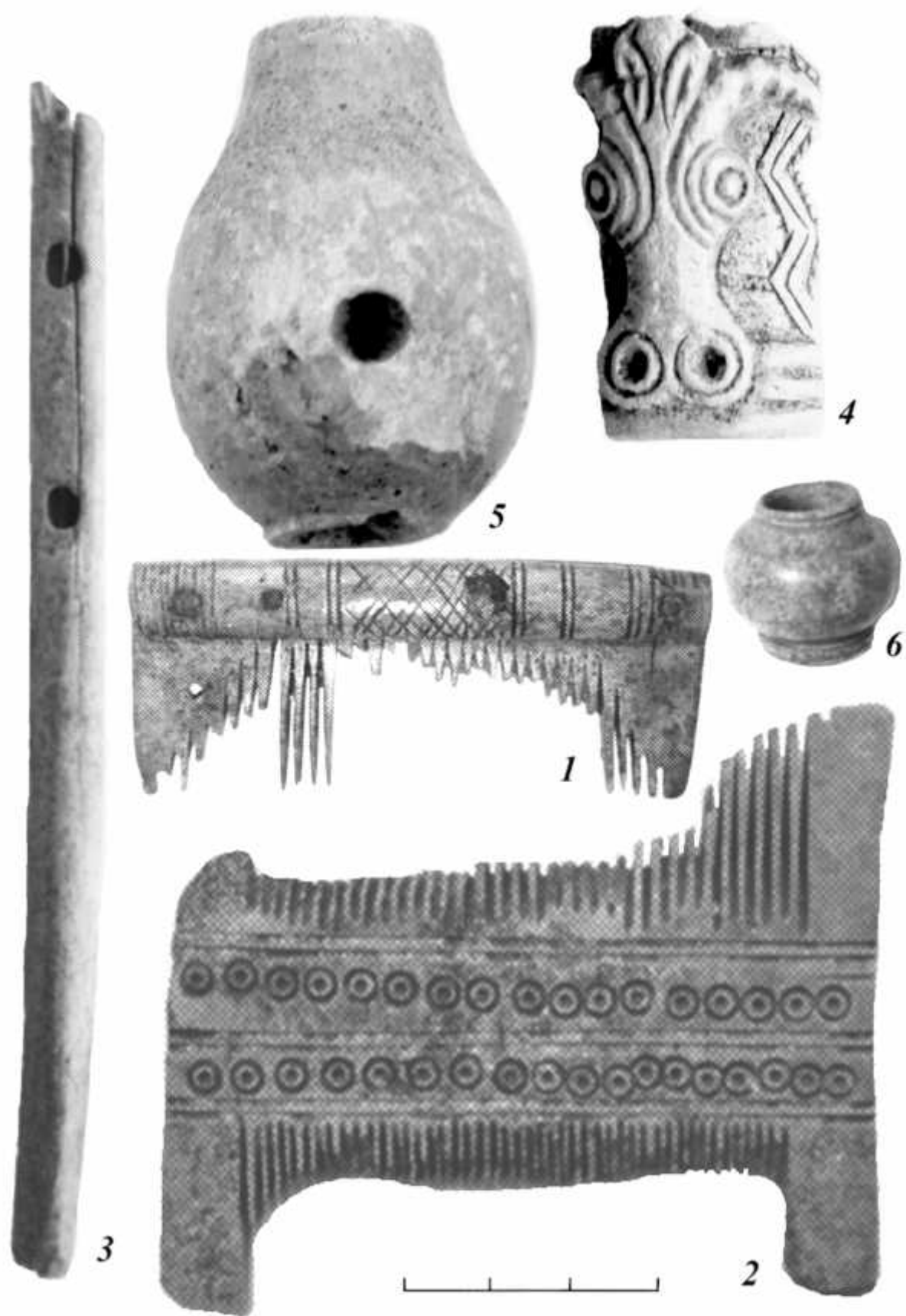

Рис. 2. Костяные изделия из материалов памятников Иньвенской группы, относимые к импортным

Наибольшее их количество обнаружено на Родановом и Анюшкар городищах. Также фрагменты расчесок имеются в материалах Калинского селища, городищ Купрос и Полюты. Сравнительно небольшое количество таких изделий на ряде памятников можно связать с относительно слабой их изученностью.

Конструкция расчески представляет собой соединение из роговой пластины с зубьями и дугообразных накладок, которые крепились при помощи металлических штырьков. Для изготовления футляра необходимо было шесть пластин: четыре срединных и две основных подтрапецевидных. Данная конструкция также скреплялась металлическими штырьками, что прослеживается на ряде изделий [Ленц, 2004, с. 61].

Подобные расчески были широко распространены в материалах западноевропейских и славянских памятников [Ленц, 2004, с. 61]. В Новгороде и Старой Ладогe данный тип расчесок бытовал с X по XI вв. [Ленц, 2004, с. 61]. Стоит отметить, что размер старолadoжских и новгородских расчесок значительно превышает размер местных. Расчески данного типа, встреченные в материалах памятников Иньвенкой группы, имеют длину не более 6-9 см, в то время как длина древнерусских расчесок составляет зачастую более 20 см [Иванова, Иванова, 2012, с. 127]. Отметим также, что древнерусские расчески более «богато» орнаментированы, в то время как расчески и футляры с территории Пермского Предуралья имеют достаточно стандартный и лаконичный геометрический орнамент в виде прочерченных линий, косых решеток и кружков либо не орнаментированы [Крыласова, 2007, с. 272].

Рассматриваемые средневековые памятники Иньвенской группы в большинстве своем возникли в период с конца IX до начала XI вв., что совпадает со временем начала взаимодействия, в основном торгового, между Древней Русью и Пермским Предуральем. Составные расчески, аналогичные прикамским, были встречены в материалах Белоозера в жилище резчика по кости [Крыласова, 2007, с. 272]. Данный факт является подтверждением торгово-обменных отношений изделиями из кости между Пермским Предуральем и древнерусскими городами. Поэтому точка зрения об импортном происхождении односторонних составных расчесок имеет право на существование. А различия в размере и орнаментации изделий могут свидетельствовать о наличии некоего образца, опираясь на который, изготавливали расчески косторезы [Ленц, 2004, с. 61].

Для группы *односторонних гребней* характерно наличие цельных односторонних *гребней с арочной спинкой*. Большинство данных гребней имеет циркульный орнамент, наносимый при помощи специального циркульного резца. Подобные резцы неоднократно встречались на памятниках Пермского Предуралья. Односторонние гребни с арочной спинкой появились в Прикамье уже в период ананьинской культуры раннего железного века, при этом спинки гребней имели зооморфное оформление. В эпоху средневековья в период ломоватовской археологической культуры эта форма гребней сохранялась, зооморфные мотивы в их оформлении со временем развивались от реалистичных к все более стилизованным, и результатом этой эволюции стали гребни с арочной спинкой. Гребни данного типа наиболее широко представлены в материалах городища Анюшкар (33 экз.), которое датируется X – началом XV вв. [Ленц, 2004, с. 64].

Подобные гребни встречаются на чепецких, древнерусских и болгарских памятниках [Ленц, 2004, с. 65]. В материалах чепецких памятников данная форма гребней наиболее широко распространяется в IX–X вв. [Ленц, 2004, с. 64]. Вероятнее всего, данный тип гребней возник на территории Пермского Предуралья, откуда распространился в Волжскую Булгарию (Биляр, Болгар, Джукетау) вместе с движением населения [Крыласова, 2007, с. 271]. Кроме гребней с арочной спинкой на других территориях встречаются и иные костяные предметы так называемого «прикамского типа». Например, в Старой Ладоге редкими, но примечательными находками являются «прикамские» копоушки, которые подобны тем, что встречаются в материалах Рождественского городища [Иванова, Иванова, 2012, с. 131].

Двусторонние гребни прямоугольной или трапецевидной формы соотносятся с гребнями, производимыми на территории Древней Руси и Волжской Булгарии, но зачастую имеют более скромное оформление. По мнению Г.Т. Ленц, некоторые из таких гребней могли иметь импортное происхождение, но впоследствии на основе импортных образцов было налажено местное производство подобных изделий. В частности, встречаются подпрямоугольные широкие гребни, у которых на импортных изделиях пространство между зубцами оформлялось орнаментированными накладками, а на местных изделиях имитацию накладок выполняют прочерченные вдоль зубцов линии [Ленц, 2004, с. 70] (рис. 2/2).

Одним из наиболее интересных изделий, встреченных в материалах Иньвенской группы памятников, является *костяная флейта*. Данный музыкальный инструмент обнаружен в 2017 г. на Родановом городище (рис. 2/3). Разумеется, средневековое население Пермского Предуралья использовало музыкальные инструменты в своем досуге или культовых обрядах, но на данный момент известны лишь единичные находки костяных варганов (например, три костяных варгана из материалов Деменковского могильника [Моряхина, 2020, с. 334]). Но костяные флейты ранее не встречались на прикамских памятниках. Подобные предметы обнаружены еще в 1948 г. в Староладожском археологическом комплексе, и вошли в историографию как «костяные свирели» [Давидан, 1966, с. 113]. Исследователи Староладожского комплекса считают, что костяные свирели попали на территорию Руси из Северной Европы. Схожие свирели встречаются в материалах таких памятников, как Ходебю и Бирка [Косых, 2005]. По данным П.А. Косинцева, флейта с Роданова городища изготовлена из трубчатой кости птицы, вероятно, – *лебедя*. Скандинавские и древнерусские образцы также изготавливались из костей лебедя и утки [Косых, 2005]. С большой долей вероятности мы можем предполагать импортное происхождение данного изделия, и даже соотносить эту находку с возможным присутствием на поселении ее владельца.

На Родановом городище в 2016 г. также был найден *фрагмент костяной рукояти* (?) (определение П.А. Косинцева) с *резным изображением быка* (рис. 2/4). Данное изделие имеет качественную обработку. С помощью различных резцов у «быка» прорезаны рога, а также достаточно четко проработана морда. Сбоку нанесен геометрический линейный орнамент, который мог иметь свое продолжение на обратной стороне изделия. Фрагментарность рукояти не дает возможности судить о способе ее изготовления, возможно для обработки оборотной стороны применялся

токарный станок. Следует отметить, что подобные фактурные изображения животных являются крайне редкими для территории Пермского Предуралья, где в декорировании костяных изделий преобладал прочерченный орнамент. Технология резьбы и само изображение, не свойственные для территории пермского Предуралья, могут свидетельствовать об импортном происхождении изделия. На настоящий момент найти аналогии и определить территорию, откуда это изделие могло попасть в Пермское Предуралье пока не удалось.

В 2020 г. на Родановом городище обнаружено костяное изделие, которое интерпретировано как *костяная гирька кистеня* (рис. 2/5). Кистень – ручное гибко-суставчатое холодное оружие ударно-раздробляющего действия. Этот вид булавы представляет собой ударный груз, соединённый подвесом (цепью, кожаным ремнём или крепкой верёвкой) с деревянной рукоятью – кистенищем (непосредственно к рукояти или к неподвижному ушку) [Данич, 2012, с. 349].

На территории Пермского Предуралья известна всего одна находка гирьки кистеня. Столь редкая встречаемость данного вида оружия свидетельствует о том, что оно было не характерно для набора вооружения местных воинов. То, что в Предуралье подобные находки носят единичный характер, может указывать на импортное происхождение гирек кистеней.

Появление кистеней в Восточной Европе исследователи связывают со степными районами, где обнаружены самые ранние их средневековые образцы [Измайлов, 2008, с. 61]. Кистени подобного яйцевидного типа X–XIII вв. встречаются на территории Волжской Булгарии [Измайлов, 2008, с. 62]. Такая датировка совпадает со временем существования Роданова городища. Костяные гирьки кистеней использовались и в Древней Руси, но там наиболее распространен вариант не с железным стержнем внутри, а с костяной петлей, вырезанной в самом изделии [Кирпичников, 1966, с. 58]. На территорию Пермского Предуралья кистени могли попасть либо в рамках торговых отношений, либо как личная вещь прибывшего на данную территорию человека.

Помимо кистеней в вооружении средневекового человека важную роль играл лук. Стрельба из лука – это процесс, требующий различных приспособлений. Среди предметов, встречающихся на территории Пермского Предуралья, относящихся к вооружению, можно выделить *костяные орнаментированные щитки на руку*. Данные приспособления были необходимы для защиты руки от удара тетивой при стрельбе из лука. Костяные орнаментированные щитки достаточно редко встречаются на территории Пермского Предуралья, но широко распространены в болгарских материалах [Белавин, 2000, с. 118]. По данным И.Л. Измайлова, в материалах памятников Волжской Булгарии встречено значительное количество подобных защитных пластин [Измайлов, 2008, с. 80]. За годы изучения памятников Иньвенской группы, данные изделия в единичных экземплярах были выявлены в материалах Роданова городища и городища Анюшкар. Эти поселения в эпоху средневековья являлись крупными протогородскими центрами, куда приезжали торговцы с соседних территорий, и в особенности из Волжской Булгарии, откуда, скорее всего, происходило проникновение в Пермское Предуралье защитных пластин лучников.

Завершая тему вооружения, необходимо отметить единичную находку на городище Анюшкар *костяной рукояти нагайки* в виде головы лошади. Подобные костяные рукояти встречаются в материалах Волжской Булгарии,

в том числе, среди находок Биляра [Белавин, 2000, с. 120]. Также зооморфные рукояти плетей широко распространены в материалах Западной Сибири, что также может являться местом возникновения данного типа изделий [Крыласова, 2012, с. 183]. Встреченная на городище Анюшкар рукоять имеет аналогию в материалах Плесинского могильника [Крыласова, 2012, с. 185]. Н.Б. Крыласова связывает ее с западносибирским влиянием [Крыласова, 2012, с. 183]. Поэтому, возможно предположение, что рукоять с городища Анюшкар, если и не имеет западносибирского происхождения, то стилизована под рукояти, происходящие из Западной Сибири.

Для находок Иньвенской группы памятников характерно также наличие следов обработки токарным станком, который мог использоваться для изготовления сферических и цилиндрических предметов. Например, в материалах Роданова городища представлена костяная бусина достаточно крупного размера, имеющая качественную проработку и будто бы подражающая стеклянным (рис. 2/6). Среди материалов городища Анюшкар имеются также *рукояти* и их фрагменты, имеющие качественную обработку и следы, характерные для предметов, выточенных на токарном станке.

Токарный станок к XI–XII вв. распространяется как на территории Древней Руси, так и в Волжской Булгарии [Руденко, 2017, с.29]. На территории Пермского Предуралья на данный момент не известно деталей токарного станка, что может быть связано как с его отсутствием на данной территории в эпоху средневековья, так и с тем, что в культурном слое прикамских памятников не сохраняется древесина. Имеются этнографические данные, которые подтверждают, что токарный станок мог быть полностью изготовлен из дерева [Оборин, 1957, с.336]. Г.Т. Ленц, проанализировав большой пласт источников, указывает, что начиная с XII в. на поселенческих памятниках родановской археологической культуры костяные изделия, выполненные на токарном станке, встречаются достаточно широко [Ленц, 2017, с.91]. Указанный факт может свидетельствовать о появлении местного токарного производства, но в данный момент утверждать это с уверенностью невозможно, в связи с отсутствием материальных доказательств существования токарного станка.

Заключение

Вывод о том, что костяные изделия являлись категорией, подлежащей обмену, не подвергается сомнению. Безусловно, мастера Пермского Предуралья обладали достаточными навыками и набором инструментов для обработки кости и подавляющее большинство костяных изделий, применявшихся местным населением, является их продукцией. Импортными могут быть признаны только те изделия, которые выделяются из основной массы качественным отбором сырья, более искусной обработкой и специфической орнаментацией [Белавин, 2000, с. 123]. В то же время необходимо отметить, кроме собственно импорта, необходимо учитывать перемещение, переселение средневековых людей, которые приносили с собой предметы, используемые в быту. Вероятно, некоторые категории изделий первоначально имели импортное происхождение, но со временем местные мастера начинали подражать импортным изделиям и изготавливать копии, которые могли отличаться качеством сырья и техникой изготовления [Ленц, 2017, с.90]. Более детально выделить местные технологические приемы и приемы работы с костью, характерные для других территорий, позволит их трасологический анализ, планируемый в дальнейшем.

В целом на памятниках Иньвенской группы представлено достаточно много костяных изделия, которые с определённой долей вероятности можно отнести к импортным. Большая часть таких предметов происходит с Роданова и Анюшкар городищ, что может быть обусловлено как их значительной изученностью, так и значением в торговле с другими территориями. Наиболее яркие связи населения Пермского Предуралья прослеживаются с Волжской Булгарией и Древней Русью, где косторезное производство находилось на уровне городского ремесла.

Библиографический список

1. Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях – Пермь: ПГПУ, 2000. – 200 с.
2. Вострокнутов А.В. Шумящие украшения Пермского Предуралья конца XI – XIV вв. н. э.: культурно-хронологическая и технологическая идентификация / дис. канд. ист. наук. – Пермь, ПГГПУ, 2016.
3. Давидан О.И. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып.4. – Л.: ГЭ, 1962. – С. 95–108
4. Давидан О.И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 8.: Эпоха бронзы и раннего железа. Славяне. – Л.: ГЭ, 1966. – С. 103–115
5. Данич А.В. Дополнительные виды вооружения Пермского Предуралья (булавы, кистени, дубины) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII.: Археологические памятники Поволжья и Урала: современные проблемы сохранения и музеефикации / под общ. ред. А.М. Белавина. 2012. – С. 345–350
6. Иванова И.В., Иванова Н.Ю. Коллекция костяных изделий Ладogi (по материалам раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладoga) // Археологические вести. – Вып. 18. – СПб.: ИИМК, 2012. – С. 124–144
7. Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. – 206 с.
8. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Выпуск второй: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Е1–36 / под общей ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1966. – 181 с.
9. Косых А.М. Костяная флейта X века из Старой Ладogi // Электронный ресурс: URL: <http://www.ladogamuseum.ru/litera/kosyh/pub66/> (дата обращения: 28.11.2020 г.).
10. Крыласова Н.Б. Археология повседневности. – Пермь: ПГПУ, 2007. – 352 с.
11. Крыласова Н.Б. Урало-сибирские зооморфные навершия рукоятей плетей // Археология Арктики: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». – Салехард: Деловая пресса, 2012. – С. 182–187
12. Ленц Г.Т. Гребни городища Анюшкар // Путиами средневековых торговцев. Сборник материалов «круглого стола» в рамках Международного (XVI Уральского) археологического совещания. – Пермь: ПГПУ, 2004. – С.58–77
13. Ленц Г.Т. Косторезное производство // Ремесло и домашние производства средневекового Предуралья: учеб. пособие. – Пермь: ПГГПУ, 2017. – С. 76–93

14. Моряхина К.В. Находки варганов из средневековых могильников Пермского Предуралья // Актуальная археология 5. – СПб: Невская типография, 2020. – С.333–336
15. Руденко К.А. Деревообработка и искусство резьбы по дереву в Волжской Булгарии (по археологическим материалам) // Искусство резьбы по дереву в тюркском мире: история и современность: Материалы Международного симпозиума / под ред. Р.Р. Султановой. – Казань: ИЯЛИ АН РТ, 2017. – С.22–64

УДК 902.01

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-131-139

И.Ю. Пастушенко, С.А. Перевозчикова**КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС САРАПУЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ**

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, РФ

В статье прилагаются предварительные результаты археологического изучения керамического комплекса. В 2017 г. Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского государственного университета были проведены спасательные археологические работы в исторической части Сарапула – одного из старейших городов Прикамья. В результате был частично изучен культурный слой поселения и его объекты, выявлен вещевой материал в виде фрагментов керамики, изразцов, железных и костяных предметов. В статье выполнена первичная классификация глиняной посуды, проведены попытки датирования.

Ключевые слова. Сарапул, городская археология, поселение, гончарная посуда, классификация, культурный слой.

I. Pastushenko, S. Perevozchikova**CERAMIC COMPLEX OF SARAPUL SETTLEMENT**

Udmurt State University, Perm, Russia

The article encloses preliminary results of an archaeological study of the ceramic complex. In 2017, the Kama-Vyatka archaeological expedition of the Udmurt State University carried out rescue archaeological work in the historical part of Sarapul, one of the oldest cities in the Kama region. As a result, the cultural layer of the settlement and its objects were partially studied, material in the form of fragments of ceramics, tiles, iron and bone objects. The article provides a primary classification of pottery, attempts at dating.

Keywords. Sarapul, urban archeology, settlement, pottery, classification, cultural layer.

Введение

Территория города Сарапула Удмуртского Прикамья представляют для региональной истории исключительный интерес в археологическом отношении. Образованный в конце XVI века как военная слобода, Сарапул за несколько столетий прошел путь от поселения-крепости до купеческой столицы одноименного уезда. В 2017 г. в связи с реконструкцией центральной площади города (бывш. – Красная, Соборная, Базарная) были проведены спасательные археологические работы (наблюдения и раскопки) археологическим отрядом Удмуртского госуниверситета под руководством С.А. Перевозчиковой [Отчет за 2017 г.; Перевозчикова, 2018, с. 49–57]. Участок проводившихся спасательных работ расположен между современными улицами Раскольников и Труда, зданием городской Администрации и южным проездом. Именно место расположения Красной площади на возвышенном участке камского берега при впадении речки Юрманки является древнейшей исторической частью города Сарапула [Блинов, 1887].

На территории современной площади до конца XVIII в., согласно воспоминаниям современников, располагались деревянная крепость, здание администрации и три деревянные церкви. Скорее всего, внутри крепости располагалось и первое сельское кладбище. Оно было частично исследовано при раскопках в 2017 г. [Перевозчикова, 2018, с. 311–312]. После административной реформы Екатерины II крепость и здания были снесены, кладбище закрыто. К первой четверти XIX в. центр Сарапула уже был обустроен каменными

домами. В центре площади возвышался Вознесенский собор. После Отечественной войны 1812 г. вокруг площади были выстроены здание Окружного суда и дома именитых горожан – городничего А.В. Дурова, купца П.Ф. Корешева и винозаводчика С.И. Бодалева. Непосредственно к Вознесенскому собору с южной и восточной стороны примыкали одноэтажные каменные торговые ряды. Деревянные торговые лавки стояли и перед собором [Сарапул. Жемчужина..., 2017, с. 10].

Проведенные в 2017 г. археологические наблюдения на Сарапульском поселении позволили выявить единичные объекты хозяйственного назначения (ямы, детали подполий, несущих конструкций строений в виде столбов, разрушенных печей). Находки с участков под реконструкцию городского сквера представлены предметами бытового и культового назначения. Самую массовую его часть составляют фрагменты глиняной посуды.

Характеристика глиняной посуды

Из 394 фрагментов круговой керамики удалось выделить по оформлению верхней части и днищ 214 сосудов: из них 173 – неполивные (80,8%), 34 – поливные (15,9%), 7 – цветочные горшки (3,3%).

Неполивная посуда изготовлена преимущественно из серожгущихся глин с незначительной примесью мелкого песка, иногда отмечаются включения гальки и бурого железняка. В силу этого численно преобладает посуда серого, темно-серого и черного цвета. Красножгущаяся посуда менее представительна, в тесте она также содержит небольшую примесь мелкого песка. Ее цветовая гамма от коричневого до темно-коричневого цвета, в последнем случае цвет сосудов мало чем отличается от темно-серой посуды. На внешней поверхности ряда сосудов отмечен нагар, как правило, незначительный.

В подавляющей массе представлены **горшки и корчаги** (как категория посуды), различающиеся оформлением горловины и размерами. Для сравнительно многочисленной серии сосудов можно привести их внутреннюю типологию.

Группа 1 (71 сосуд; рис. 1/1) – сосуды с блоковидной горловиной (малой и/или средней высоты), различной степени отогнутости.

Венчик округлый или овальный, иногда слегка приострен. Диаметр сосудов – от 13 до 29 см. Четыре сосуда украшены широкими и узкими каннелюрами. У одного из горшков переход горловины в плечико оформлен уступом. Еще один сосуд (диаметр 20 см) отличается слабой профилировкой тулова, что сближает его с баночными сосудами. У шести сосудов в верхней части, с внутренней или внешней стороны фиксируется небольшой желобок под крышку.

Группа 2 (15 сосудов; рис. 1/3) – сосуды с усечено-конической горловиной (малой и/или средней высоты). Венчик округлый, иногда скошен наружу. Диаметр сосудов – от 14 до 24 см. У одного сосуда имеется желобок под крышку.

Группа 3 (7 сосудов; рис. 1/4) – сосуды с цилиндрической горловиной (средней высоты). Венчики округлые, приостренные, клюковидные. Диаметр сосудов – 18–25 см. У одного экземпляра имеются два «перегиба», один на шейке, второй у ее основания. У второго переход в плечико оформлен уступом, а само плечико выровнено ножом. У одного сосуда имеется желобок под крышку.

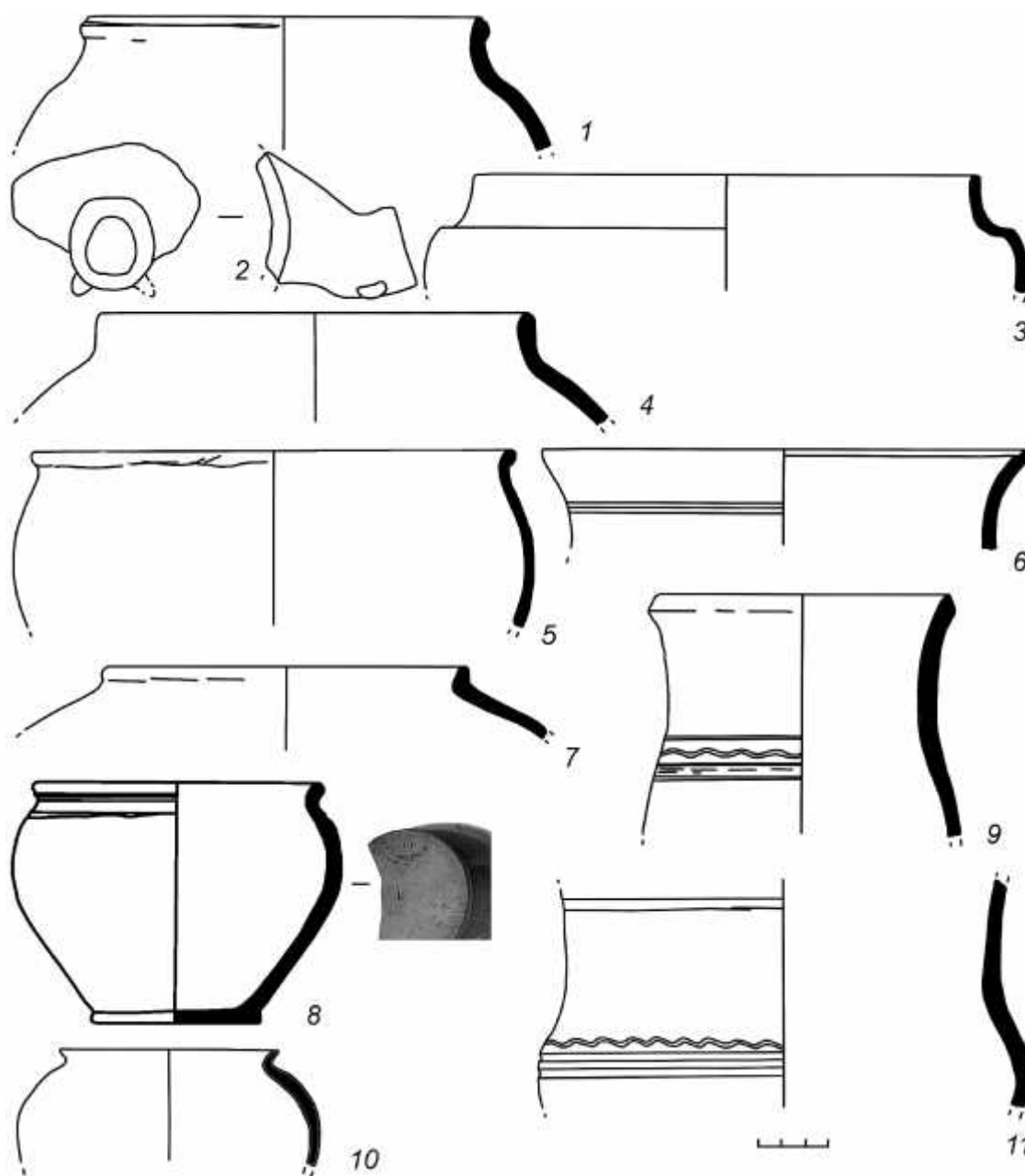

Рис. 1. Керамический комплекс Сарапульского поселения

Группа 4 (4 сосуда; рис. 1/5) – сосуды с раструбообразной горловиной (средней высоты). Венчики округлые, приостренные подтреугольные, овальные. Диаметр сосудов – 18–24 см. В одном случае плечико выведено в плоскость ножом.

Группа 5 (9 сосудов; рис. 1/7) – сосуды с низкой шейкой (практически венчиком) и достаточно крутым плечиком. Венчики округлые, приостренные. Диаметр сосудов – 10–17 см.

Крайне своеобразен носик умывальника (относится к категории горшков) с небольшими «ножками» (рис. 1/2).

Еще одной категорией посуды, представленной единично, является сосуд типа **крынки или кувшина** (диаметром 20 см), у которого с внутренней стороны венчика имеется желобок под крышку, а в верхней части шейки рифление типа каннелюров (рис. 1/6). Кувшины представлены также фрагментом ручки диаметром 2,5 см.

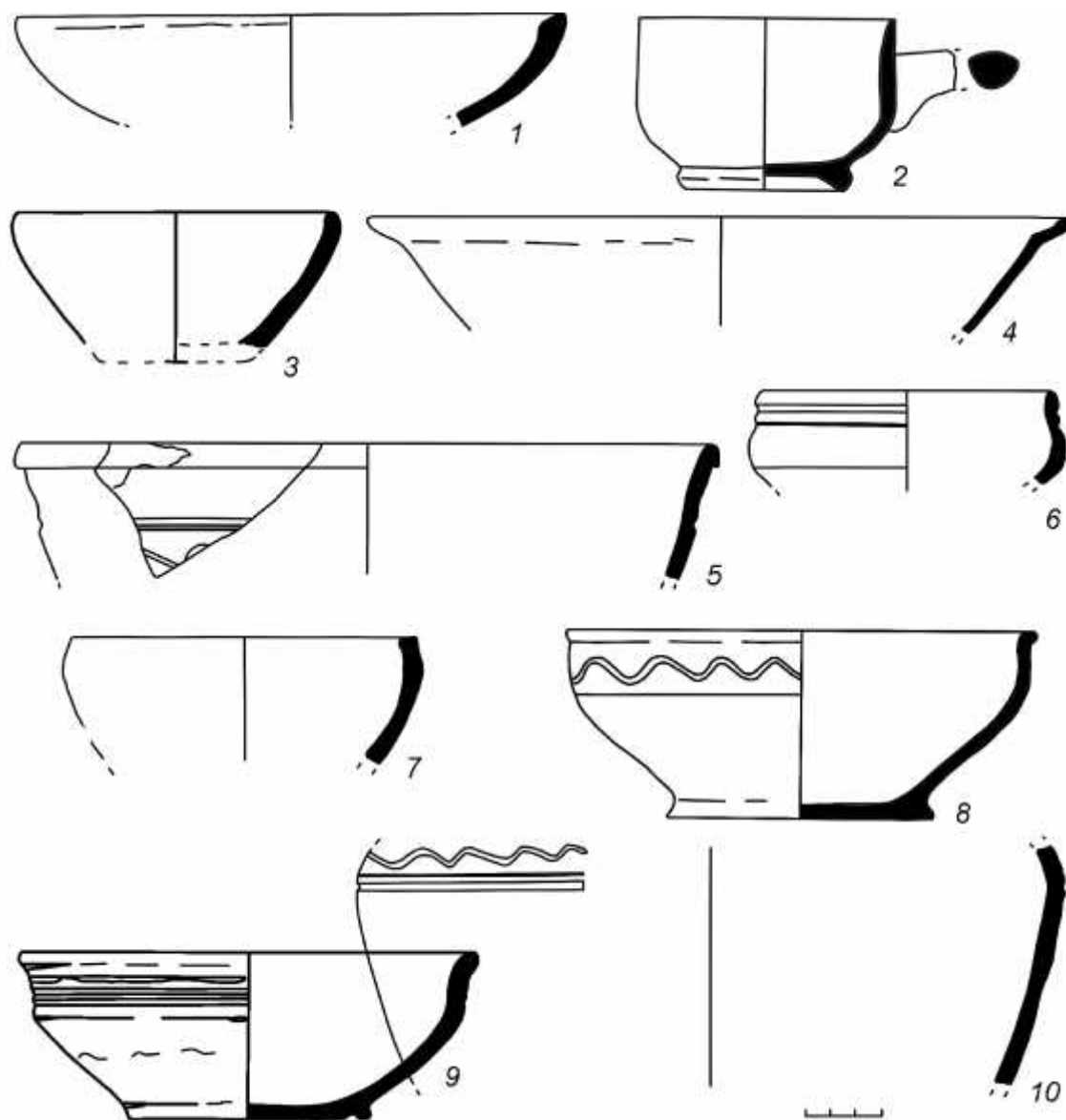

Рис. 2. Керамический комплекс Сарапульского поселения

Сравнительно многочисленной категорией посуды являются **миски** (под ними в данном случае подразумеваются все сосуды без шейки). Несмотря на малочисленность (8 сосудов), в этой группе посуды также можно провести внутреннюю типологию.

Тип 1 (2 сосуда; рис. 2/1) – открытые миски небольшой высоты, венчик скошен вовнутрь, на нем намечен желобок, диаметр 18 и 22 см.

Тип 2 (2 сосуда; рис. 2/3) – открытые миски сравнительно высоких пропорций с коническим туловом: первая – диаметр по венчику 13 см, диаметр по дну около 6 см, высота порядка 6 см, с округлым венчиком; вторая – диаметр по венчику 20 см, высота не менее 7 см, венчик клювовидный.

Тип 3 (2 сосуда; рис. 2/7) – закрытые чаши сравнительно высоких пропорций, горизонтальный венчик имеет с внутренней стороны наплыв-карнизик, диаметр 10 и 14 см.

Тип 4 (2 сосуда) – сосуды с высоким прямым плечиком, один диаметром 19 см имел простой округлый венчик, у второго округлый венчик с утолщением с внешней стороны.

Достаточно многочисленны **фрагменты днищ** (55 сосудов), скорее всего, происходящие также от разноразмерных горшков. Практически у всех отмечено использование подсыпки мелким песком, за исключением полосы вдоль края, где читается срезание сосуда после изготовления с круга струной или нитью. Отмечены редкие особенности в оформлении днищ: подрезание края днища с последующим его заглаживанием, простая подрезка ножом, сглаживание закраины, дающее эффект орнаментации косыми насечками, закраина, неглубокий желобок. Встречена орнаментация придонной части сосудов: один украшен своеобразной косой сеткой из желобков, проведенных, скорее всего, пальцем, и нарезок ножом, нечетким каннелюром, достаточно широким каннелюром и наклоненными вправо насечками. Диаметр дна сосудов восстанавливается в 47 случаях, он колеблется в интервале от 9 до 29 см.

В коллекции представлен также **фрагмент крышки**.

Среди *поливной посуды* преобладают сосуды, изготовленные из красножгущейся с незначительной примесью мелкого песка (16 сосудов из 34), серожгущейся (3 сосуда) и беложгущейся (3 сосуда) глины, 12 сосудов изготовлены из красной глины.

Горшки представлены 10 сосудами с крайне низкой горловиной (венчиком), практически сразу же переходящей в довольно раздутое тулово с крутым плечиком (рис. 1/8, 10; рис. 2/10). Венчики округлые или приостренные. Выполнены из красно- и серожгущейся глины. Три сосуда украшены по плечикам 2–3 каннелюрами. Полива бесцветная, коричневая, или темно-оливковая, покрыта как с одной из сторон, так и с обеих. В одном экземпляре плечико окрашено белой краской, снаружи покрыто бесцветной поливой с зелеными разводами, внутри – бесцветной поливы.

На дне одного из сосудов сохранилась часть овального клейма «? фабрика И.Е. Кузнецова» (рис. 1/8). Скорее всего, сосуд был изготовлен на Чудовском заводе (р. Волхов), где И.Е. Кузнецов первоначально производил глиняную посуду [Иван Емельянович Кузнецов].

Крынки и крынкovidные сосуды представлены 9 сосудами, среди которых можно выделить 2 типа. Восемь изготовлены из красножгущейся глины, один из серожгущейся.

Тип 1 (5 сосудов; рис. 1/9) – сосуды с высокой блоковидной горловиной, слабораздутым туловом, у которого максимальный диаметр приходится на середину. Венчики скошенные наружу, подтреугольные, округлые. Диаметр по венчику – 11–13 см. У двух сосудов имеется желобок для крышки. Горловина иногда украшена 2 каннелюрами, полосами белой краски, с обеих сторон покрыт темно-оливковой поливой. На одном сосуде между каннелюрами проходит волна.

Тип 2 (4 сосуда; рис. 1/11) – крупные сосуды с высокой блоковидной горловиной, слабораздутым туловом, у которого максимальный диаметр приходится на верхнюю треть. Первый представлен горловиной и верхней частью тулова, диаметр по венчику порядка 20 см, максимальный по тулову 21 см, в верхней части горловины имеется уступ-ребро, по плечiku в широкой полосе белой краски прочерчены волна и 2 каннелюра, снаружи покрыт бесцветной поливой, внутри – оливковой. Второй – верхняя часть тулова (максимальный диаметр 28 см), по плечiku в широкой полосе белой краски прочерчена волна и 2 каннелюра, снаружи покрыт бесцветной поливой, внутри – оливковой. Третий представлен широкой горловиной (диаметр 19 см),

подтреугольный венчик скошен наружу, украшен желобком, с обеих сторон покрыт бесцветной поливой с зеленым отливом. К этой же группе посуды следует отнести фрагмент горловины с крупным подтреугольным венчиком, внутри покрыт темно-коричневой поливой, снаружи ниже венчика – зеленой.

Миски представлены 11 сосуда, среди которых можно выделить 4 типа.

Тип 1 (2 сосуда; рис. 2/4, 5) – миски усечено-конической формы. Первый сосуд – крупное изделие из красножгущейся глины (диаметр 28 см, высота не менее 8–10 см), венчик овальный, его край оттянут вниз в виде клюва. В верхней части тулова имеется широкий сглаженный каннелюр-прогиб, ниже которого расположена орнаментальная зона: два каннелюра различной ширины и глубины, полоса белой краски с нанесенной на ее фоне волной, скорее всего, зона завершалась также каннелюром или несколькими каннелюрами. С обеих сторон сосуд покрыт бесцветной поливой с зеленым отливом. Вторая миска (диаметром 28 см) изготовлена из качественной красной глины, вероятно, в технике литья, что сближает ее с так называемым красным фарфором. Об этом свидетельствует и форма сосуда, близкая фаянсовым и фарфоровым изделиям. С обеих сторон покрыта бесцветной поливой, по борту внутри нанесена полоса белого цвета.

Тип 2 (3 сосуда) – слегка прикрытые миски с невысоким плечиком (1–2 см). Первая диаметром 19 см из красножгущейся глины, с простым округлым венчиком, по тулову украшена 2 каннелюрами, снаружи покрыта темно-оливковой поливой, внутри – светло-оливковой. Две красноглиняные миски с утолщенными с внутренней стороны округлыми венчиками: первая диаметром 19 см внутри и снаружи на одну треть покрыта бесцветной поливой, вторая диаметром 18 см по венчику и 9 см по дну, высотой 7 см покрыта с обеих сторон бесцветной поливой.

Тип 3 (5 сосудов; рис. 2/8, 9) – миски с невысоким плечиком, открытые за счет отогнутости венчика простого или слегка утолщенного округлого венчика, с «поддоном» разной степени выраженности. Первая изготовлена из красножгущейся глины, диаметром 18,5 см по венчику и 10,5 см по дну, высотой 7,5 см, на плечике, покрытом белой краской прочерчена волна и каннелюр, покрыта снаружи бесцветной, а внутри зеленой поливой. Еще четыре красноглиняные миски покрыты с обеих сторон бесцветной поливой и 2–4 каннелюрами. Диаметр мисок по венчику 16–20, по дну – 9–10, высота – 6–7 см.

Тип 4 (1 сосуд; рис. 2/6) – миска из красножгущейся глины закрытой формы, со сравнительно высоким плечиком и простым округлым венчиком, диаметром 12 см и высотой не менее 5 см украшена 2 каннелюрами и ребром по тулову, с двух сторон покрыта бесцветной поливой.

Красноглиняные **кружки** представлены 2 литыми изделиями. Первая диаметром 13 см по венчику. Имеет шаровидное тулово (максимальное расширение 15 см), шейка отсутствует. Венчик округлый. Тулово покрыто орнаментом – стилизованным растительным с геометрическими включениями (в силу фрагментированности сосуда определить орнаментальную композицию невозможно). С обеих сторон кружка покрыта «черной» поливой. Вторая (рис. 2/2) диаметром 10,2 и высотой 6,8 см имеет цилиндрическое тулово, четко выраженный поддон, прямую (не закольцованную) ручку неправильного ромбического сечения (2,0 x 1,4 см) с косой насечкой по верхней поверхности, с обеих сторон покрыта темно-коричневой поливой.

Хронология глиняной посуды

На протяжении более четырех столетий Красная площадь претерпевала значительные изменения, что пагубно сказалось на культурном слое и древних постройках. Например, юго-западная часть площади в советское время была значительно подрезана, практически на метр. Поэтому от домов в этом месте сохранились лишь подполья – как самые глубокие части домов.

В юго-восточной части площади, практически на склоне мыса, сохранилось чередование слоев и объектов, относившихся к концу XVIII – первой половине XIX в., ко времени планиграфических преобразований. Самым нижним ярусом является ряд могил – остатки первого кладбища конца XVI – конца XVIII в. Над уровнем кладбища зафиксирована небольшая прослойка культурного слоя (мощность до 0,2 м), который в свою очередь прорезан выгребными ямами от Торговых рядов, построенных военнопленными 1812 г.

Материал из слоя представлен горшками из групп 1 и 4 – серожгущиеся сосуды с блоковидной и раструобразной горловиной (рис. 1/1,4). В промежуточном между объектами слое была найдена монета 1799 г., что условно позволяет нам отнести данные группы неполивной керамики к рубежу XVIII–XIX вв.

Выгребные ямы Торговых рядов, расположенные выше, были заполнены большим количеством костей животных, фрагментами фарфоровой и фаянсовой посуды, железными гвоздями. Керамические сосуды в большей своей массе представлены классическими крынками, высокими мисками, горшками и горшочками, кружкой. Часто сосуды покрыты поливой коричневого и темно-коричневого (черного), темно-оливкового, бесцветного цветов. Встречаются декоративные линии каннелюров и выдавленные «волны». Отмечается также использование нескольких цветов краски в виде декора. Хронологически выявленные клейма из ям охватывают период с 1870-х гг. до начала XX в. Это клейма заводов братьев Барминых, «Товарищество Кузнецова Д.Ф.», «Товарищества М.С. Кузнецова» в Вербилках (до 1891/92 гг. – завод Ф. Гарднера) и в с. Кузнецово (до 1870 г. – завод А.А. Ауэрбаха), «Товарищества И.Е. Кузнецова» в Волхове, «общая марка», использовавшаяся без указания завода на нескольких предприятиях. Имеются еще два клейма, относящихся к фрагментам в верхних частях ям, – до начала 1950-х годов, с учетом оттиска – до 1956 г. Поэтому посуду из выгребных ям, украшенную поливой (рис. 1/9, 11; рис. 2/2, 5, 8, 9), можно отнести к последней трети XIX века.

Заключение

Наиболее широко, всем периодом существования поселения и города Сарапул, датируется комплекс неполивной круговой посуды. Если с поздним комплексом все более понятно – новые сложные типы посуды (миски, крынки, кувшины), не характерные для сельских поселений, горшки 5 группы, то более интересно выделение раннего комплекса. Во-первых, он маркируется определенной грубостью изготовления посуды, когда гончарный круг использовался не для вытягивания сосуда при высокой скорости вращения, а первоначально применялся как поворотный столик или как круг низкой скорости вращения. Это видно по следам заглаживания поверхности как внешней, так и внутренней, по нанесению орнамента в виде каннелюров. Во-вторых, это наличие сосудов с достаточно высокой горловиной и довольно пологим высоким плечиком, сравнительно большое разнообразие в оформлении

горловины и венчика. В-третьих, четко фиксируются следы «технологического» ремонта – у одного крупного сосуда слишком большой угол отгиба стенки в придонной части вызвал необходимость ее укрепления, что и было сделано отдельным жгутом, причем четко видны вертикальные следы пальцев от примазывания жгута. Похожа ситуация с еще одним большим изделием. У ряда сосудов фиксируется непропорционально малая толщина дна по отношению к стенкам. В коллекции имеется стенка сосуда, на которой четко читаются следы выравнивания поверхности ножом. Все это свидетельствует о низком уровне навыков у местных гончаров, что характерно для сельских поселений, каковым был Сарапул в XVI–XVII веках.

Библиографический список

1. Блинов Н.Н. Историко-статистическое описание города Сарапула и его уезда. Сарапул: Типо-литография А. Л. Пойловой, 1887. – 60 с.
2. Перевозчикова С.А. Археологическое изучение исторической части Сарапула // Русские в Прикамье: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (22-23 марта 2018 г., г. Сарапул): сборник статей. – Ижевск-Сарапул: Сарапульское полиграфическое предприятие, 2018. – С. 49–56
3. Перевозчикова С.А. Некоторые результаты археологических исследований первых русских кладбищ в Удмуртском Прикамье // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. – С. 311–312
4. Перевозчикова С.А. Отчет о проведении спасательных археологических полевых работах в 2017 г. на объектах археологического наследия «Сарапульское поселение» и «Сарапульский I могильник» УР / Рукопись. – Ижевск, 2018. – Архив ИИКНП, ф. 2.
5. Сарапул. Жемчужина камского берега. – Ижевск: Удмуртия, 2017. – 64 с.
6. Иван Емельянович Кузнецов / Изба-читальня // Фарфор Союза Советских Социалистических Республик (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://sovfartfor.forumbb.ru/viewtopic.php?id=25> (Дата обращения: 28.11.2020).

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 398.3 (=511.1)

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-140-146

Т.Г. Голева**РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОБЫЧАИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ:
НА МАТЕРИАЛАХ СУДЕБНОГО ДЕЛА СЕРЕДИНЫ XIX В.***

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, РФ

В статье анализируются данные судебного дела о необычном религиозном событии в одной из коми-пермяцких деревень, которое произошло в середине XIX в. Часовенный староста увидел во сне образы, которые призывали к соблюдению определенных правил и совершению религиозных ритуалов. Описания сновиденческих персонажей, пересказ их слов позволяют судить о контаминации христианских и этнических представлений у коми-пермяков, о знаниях религиозной истории и особом почитании некоторых христианских образов. Показательной является реакция визионера и его соседей на данное сновидение, а также отклик остальных людей на возникшую практику моления. Происшедшее событие не было исключительным явлением того времени на территории Пермской губернии, так как аналогичные происшествия были зафиксированы и в других местах. Тем не менее, его можно назвать примером своеобразного проявления религиозности.

Ключевые слова: коми-пермяки, сновидения, почитание христианских образов, народные верования, судебное дело, моление

T.G. Goleva**RELIGIOUS BELIEFS AND CUSTOMS OF THE KOMI-PERMYAKS: ON
THE BASIS OF THE COURT CASE IN THE MIDDLE OF THE 19TH
CENTURY**

Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

The article is devoted to the analysis of data from a court case about an unusual religious event in one of the Komi-Permian villages, which took place in the middle of the 19th century. The headman of the chapel saw images in a dream that called for the observance of certain rules and the performance of religious rituals. The description of dream characters and the retelling of their words allow us to judge about the contamination of Christian and ethnic conceptions among the Komi-Permyaks, about their knowledge of religious history, and their special reverence for certain Christian images. The reaction of the visionary and his neighbors to this dream, the response of other people to the practice of prayer that has arisen indicates their religious zeal. The event was not exceptional for that time on the territory of the Perm province, as similar incidents were recorded in other places. Nevertheless, it can be called an example of a peculiar manifestation of religiosity.

Keywords: Komi-Permyaks, dreams, veneration of Christian images, folk beliefs, court case, prayer

Введение

Характеристика религиозности коми-пермяков дана в ряде публикаций XIX – начала XX в. [Рогов, 1858, с. 74–77; Сведения об инородцах..., 1874; Смирнов, 1891, с. 250–263 и др.]. В кратких описаниях не отражены все детали народных религиозных представлений и обычаев, о чем можно судить, в частности, по обнаруженному нами судебному делу. Судебные разбирательства разных

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г. и в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2.

инстанций царской России порой содержат малоизвестные этнографические факты, которые существенно дополняют картину прошлого. Исследователями подобные дела рассматриваются сами по себе как специфические явления в отечественной истории, а также как источники о прошлых верованиях и быте (напр.: [Worobek, 2001; Смилянская, 2003; Коршунков, 2018]).

Анализ источника и характеристика событий

Рассматриваемое в настоящей статье дело «О разглашении часовенным старостой крестьянином И. Тотмяниным сновидений, о привлечении чрез то в часовню народу для моления и о утайке будто бы им свечных доходов и прикладов» хранится в фонде Соликамского уездного суда Министерства юстиции Пермского архива (Государственный архив Пермского края, далее – [ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 896]).

Дело датировано 1847–1848 гг., оформлено на 108 листах. Подсудимый по делу – Иван Иванович Тотмянин, 56 лет, крепостной крестьянин графини Строгановой, проживающий в д. Шадриной Кудымкарской волости, неграмотный, православной веры, около двух лет служащий часовенным старостой. В деле нет упоминаний об этнической принадлежности участников и записей на коми-пермяцком языке. Вместе с тем известно, что Шадрина и соседние с ней деревни в середине XIX в. считалась пермяцкими [Пермская губерния..., 1875, с. ССХLI]. Деревня располагалась в 6 верстах к юго-востоку от волостного центра на речке Черная Шашерка. В 1869 г. в деревне было 26 дворов, проживало 192 человека [Пермская губерния..., 1875, с. 276]. В настоящее время Шадрина входит в состав д. Тарова Кудымкарского муниципального округа Пермского края, население общается на коми-пермяцком языке. В рассматриваемом деле интерес представляет рассказ о сновидениях и последующая реакция на него И.И. Тотмянина и местного населения. Пересказ снов записан от лица визионера 16 сентября 1847 г., приводим его полностью:

«В прошедшем 1846 г. при посеве ярового хлеба и в сенокос во сновидении видел я двух дев небольшого роста в черной одежде, от которых происходил свет, которые говорили мне, что они табачного запаха от крестьян не могут терпеть, приказывали сказать крестьянам, чтоб они табак не курили, ибо Бог за то убавляет урожай хлеба, делаются разные болезни на людях и скотской падеж, приказывали при этом внушить народу, чтобы они, раскаявшись в своих грехах, шли молиться в часовню Богу и несли на головах хлебы. Если же сего не будет ими исполняться, то произойдут неурожай хлеба и возобновится ноев потоп; но что и каков ноев потоп, я не знаю. О сновидении этом я в том году никому не сказывал, даже и семейным своим. Сего 1847 года в великий пост также в сновидении услышал я в избе своей голос, который сказал мне, что он Никола Можайский, просил меня пустить его в часовню недели на три для отдыха; желал в это время встать и посмотреть, но будучи в оцепенении, встать не мог, однако же чрез недолго встал, но в избе никого уже не видел, кроме того, что было раскрыто окно, которое заставлялось досками. А во время весеннего сева хлеба прежнее сновидение, то есть две девы в черной одежде, вновь представились мне и с тем же приказанием. Сообразив все виденное, заключил, что девы эти должны быть Богородицы, посланные для предвещения <нам> молиться Богу...» [ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 896. Л. 14-15].

Таким образом, в течение чуть более года И. Тотмянин, который недавно стал часовенным старостой, увидел четыре сновидения с религиозными мотивами, причем один сюжет повторялся три раза. Данная запись – первое

известное свидетельство о бытовании жанра рассказов о сновидениях у коми-пермяков. Если рассматривать сон как субъективно переживаемое представление, которое в символической форме отражает основные мотивы и установки субъекта [Словарь, 1998], то в приведенном пересказе сна можно увидеть ряд элементов, которые выражают религиозные представления визионера и народные обычаи.

Примечательно, что два раза сон снился во время сева, и в этих снах прозвучал приказ нести в часовню хлеб на головах, а одним из божьих наказаний назывался неурожай. В православии хлеб является символом Христа и церкви, используется в религиозных обрядах и таинствах. Также в христианстве существует обычай оставлять в храмах продукты в качестве милостыни. В традиционной культуре коми-пермяков хлеб тоже имеет высокий семантический статус, считается одним из главных продуктов питания. В некоторых народных обычаях, например, при благословлении молодоженов, каравай имел сходие с иконой функции [Голева, 2007, с. 122]. Поэтому услышанный во сне приказ нести в часовню хлеб на головах можно рассматривать как особый священный акт, основанный на синкретических представлениях о продукте. В тексте явно выражена вера в то, что успех в земледелии зависит от совершения религиозных обрядов, от актов почитания Бога.

В рассказе о снах говорится и о неприемлемости «Богородицами» табака. Известно, что табак в России первоначально был доступен в основном состоятельным слоям населения. По мнению Н.В. Николенко, среди широких масс народа табак был востребован только в начале XIX в. [Николенко, 2013, с. 150]. В письменных памятниках Прикамья упоминания об употреблении табака встречаются с середины XVII века. Доставка подпольного «черкаского табака» способствовала его распространению среди людей разного достатка и разных народностей. В документах встречаются упоминания о курении табака русскими, татарами и черемисами [Полякова, 2010, с. 8–9]. Следует отметить, что в славянской культуре табак считался «проклятым», «поганым» растением, особенно устойчивое негативное отношение к курению табака наблюдалось среди старообрядцев [Белова, 2012, с. 223–224]. Рассказ о сновидении И. Тотмянина позволяет предполагать, что в середине XIX в. табак курили и коми-пермяки, а отношение части людей к этому явлению, по-видимому, было негативным.

В середине XIX в. в Пермской губернии были заведены и другие судебные дела о распространении слухов об увиденных наяву и во сне явлениях. В архиве хранятся три подобных дела из Камышловского уезда. В них тоже встречается мотив о том, что религиозные персонажи в назидательном и требовательном тоне указывают на неприемлемые ими вещи: «*Не следует носить никому цветное ситцевое и шелковое платье*» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 201. Л. 1 об.]; «*Не велел носить кубовых сарафанов и браниться матерною бранью*» [ГАПК. Ф. 65. Оп. 4. Д. 177. Л. 1]. То есть данные мотивы были распространены в народном православном кругу того времени и, видимо, выражали отношение части верующих к определенным предметам.

В рассказе о сновидениях И. Тотмянина помимо «убавления» урожая называются другие виды божественного наказания за непослушание и грехи: болезни, скотский падеж и «ноев потоп». Очевидно, что герой судебного

разбирательства знаком с ветхозаветной историей, в частности, слышал или знает о великом потопе. Мотивы о том, что Бог может наслать болезни на людей и скот, тоже встречаются в Библии, например, в книгах «Исход» и «Второзаконие» [Грилихев]. Вместе с тем, у коми-пермяков вера в это была очень сильна и выражалась в народных представлениях о *мыжа* ‘кара’, ‘болезнь’, которую могут наслать на человека и домашнее животное не только «боги», но и умершие. В данных воззрениях тоже можно увидеть сочетание разных по происхождению поверий.

Символичной можно назвать просьбу Николы Можайского во сне отдохнуть во время поста в часовне. Часовня представляется местом кратковременного пребывания святого. Предполагаем, что время, проведенное в часовне, крестьянами могло восприниматься как передышка от тяжелого труда, а соблюдение христианских норм и ограничений в пост – своеобразным отдохновением для души, что может объяснить озвученный мотив.

Интерес представляют и собственно приснившиеся религиозные персонажи. В описании «Богородиц» в виде дев в черной одежде, от которых исходил свет, можно увидеть соединение визуальных образов духовенства, одетых в черные рясы, и иконописных ликов, имеющих ореолы. Николай Можайский – вариант иконописного изображения св. Николая Чудотворца. На севере Пермской губернии до революции существовал особый культ образа Николы Можайского, который находился в д. Зеленья Оханского уезда. По данным В.А. Оборина, коми-пермяки вместе с другими православными народами приходили к нему за сотни верст [Оборин, 1990, с. 91–92]. Бытописатели отмечают своеобразное почитание коми-пермяками св. Николая: «Особенно уважают Пермяки св. Николая, называя его Николой Милостивым. Если же Пермяк узнает, что это – Николай “Чудотворец”, то немедленно постарается уничтожить его образ из боязни, как бы он “не натворил чудес”» [Крупкин, 1911, с. 304]. Николаю Чудотворцу посвящен главный престол Кудымкарского храма. В д. Шадриной же особо чтимыми праздниками являются Ильин день и Воздвижение. В конце XIX в. там существовал обычай приносить в Ильин день в часовню бараньи головы [Памятная книжка, 1896, с. 119]. Примечательно, что Ильинская неделя является и временем почитания Николы Можайского. Хотя шадринская часовня не была посвящена данному образу, по-видимому, часовенный староста относился к нему с особым почтением.

О своих сновидениях И. Тотмянин рассказал двум соседкам-старухам, которые, по его словам, *«присоветовали мне вместе с ними ходить по ночам в часовню и молиться в ней со свечами Богу»* [ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 896. Л. 15]. Соседки же свидетельствовали, что молиться позвал их сам И. Тотмянин. В первый раз молились вчетвером, с ними была жена старосты. Женщины принесли за пазухой печеный хлеб. На следующий день к ним присоединилось еще шесть посторонних человек. И. Тотмянин объясняет увеличение числа богомольцев тем, что часовня стоит на проезжей дороге, люди видели по ночам в ней огонь и стали заходить, молиться вместе с ними. Затем молва о молениях распространилась, людей стало приходить еще больше. Причем староста и его соседки утверждали, что никому не рассказывали о сновидениях. Крупное «сборище» в часовне, по словам подсудимого, было три раза, пока его не запретили. По показаниям управляющего именем Я. Невзорова, на последнем молении он застал в часовне в 10 часов вечера несколько сот человек, среди

которых в основном были женщины и девушки [ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 896. Л.29]. Люди приносили в часовню холсты, хлеб, деньги.

Сноха старосты Дарья Егорова рассказала об этом следующее: *«Неизвестно мне, по какому случаю вечером послал меня нашей деревни в часовню молиться Богу, приказал нести на голове хлеб, что я и исполнила, принесла в руках часть печеного хлеба. Пришедши в часовню, я застала там довольно народу, но кто они такие, не знаю. Помолившись, пошла домой. Причем свекор мой дал мне холста несколько, аршин не знаю, принеся его домой, я положила на стол»* [ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 896. Л. 19].

Хранение части прикладных холстов и денег в своем доме И. Тотмянин объяснил тем, что в часовне их держать было небезопасно; утверждал, что деньги хотел отдать в церковь с. Кудымкарского, молился же староста для спасения души. Хлеб, по показаниям соседки, люди после молебна забирали обратно домой.

Если считать все указанные показания правдивыми, то в данной истории обращают на себя внимание несколько фактов. И. Тотмянин рассказал о сновидениях не своей семье и священнику, а пожилым соседкам. То есть люди старшего возраста имели определенный авторитет в вопросах религиозного характера. Причины проведения молений в позднее время не совсем понятны. Возможно, им придавалось особое значение, так как ночные службы в церкви обычно бывают накануне больших праздников и воскресных дней. В рассказе о сновидениях ничего не говорилось о прикладах, но люди активно несли в часовню холсты и оставляли деньги. После последнего молебна И. Тотмянин взял на хранение прикладных денег на сумму 4 рубля 50 копеек. По описаниям конца XIX в. [С.М.А., 1889, с. 211] и современным данным известно, что коми-пермяки «задабривали» Бога и святых прикладами обычно в случаях болезней. Для этого приклады приносили в часовню, в которой праздновали день памяти того святого, которого они считали своим карателем. Приклады указывают на то, что богомольцы считали службу значимым религиозным событием, которое могло повлиять на их жизнь.

В литературе прилежность коми-пермяков к посещению храмов характеризуется по-разному. Одни авторы оценивают ее положительно [Шестаков, 1899, с. 2], другие указывают на пренебрежение, редкие визиты [Рогов, 1858, с. 74–77; С.М.А., 1889, с. 213]. Важным является замечание о том, что особое священное значение коми-пермяки придавали посещению почитаемых мест: монастырей, местностей с чудотворными иконами [Шестаков, 1899, с. 2]. Описанное стихийное массовое посещение часовни нельзя назвать обыденным событием, оно свидетельствует о вере в божественные знаки, и, скорее, является формой особого локального религиозного культа. Похожие случаи появления народных обычаев известны по более поздним материалам. Например, поминовение умерших в местечке Шойнаыб у д. Войвыл началось после случайного вскрытия старого погребения в 1908 г. [Кривошеков, 1914, с. 92]; обычай посещения родника Таркомыс в Троицкую субботу, по одной из версий, возник после сновидения, в котором прозвучала просьба восстановить в этом месте «чудскую часовню» [Голева, 2017, с. 120]. Вероятно, что, если бы местные власти не запретили моление и не завели судебное дело, в д. Шадриной мог сложиться своеобразный часовенный обычай.

По показаниям И. Тотмянина известно, что он рассказал о своем сне и проводимых молениях церковному старосте с. Кудымкарского Василию Климову, когда приехал к нему за свечами. Перед последним собранием верующих он был вызван священником Вениамином Поповым и управляющим имением Яковом Невзоровым, которым повторил свой рассказ, и никаких запретов от них не получил. Во время последнего моления они прибыли к часовне вместе со старостой церкви и приказчиком и стали обращаться к народу со словами, *«что вы завели пустое богомолье, и что вас Тотмянин обманывает и обирает деньги»*. Несмотря на эти слова, народ еще долго не расходился. В доме часовенного старосты провели обыск. Его самого арестовали. Разбирательство длилось около года. Из-за нанесения ущерба домохозяйству подсудимого во время нахождения его под следствием приговор смягчили. 28 августа 1848 г. было предписано наказание 60-ю розгами и предание церковному покаянию, найденные в его доме деньги часовенные и личные поступали в пользу церкви. Соседкам и жене часовенного старосты приговор смягчили из-за возраста, присудили выговор и церковное покаяние [ГАПК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 896. л. 77–78, 84]. Думаем, такие последствия «разглашения» сновидений и попытки последовать услышанным во сне призывам стали уроком для местных крестьян и могли повлиять на их религиозное мировоззрение и обычаи. Отметим, что историю о ночных молениях и сне И. Тотмянина, по данным наших опросов, современные жители д. Таровой, не знают.

Заключение

Представления о христианских образах в рассмотренном деле отражают вариант синкретических народных представлений, на которые повлияли условия крестьянской жизни и этнические традиции. Данный источник позволяет судить о вере в знамения, о роли старшего поколения в их интерпретации, об участии в религиозных практиках подобного рода в основном женской части населения. Описание происходивших событий показывает механизм складывания локальных религиозных традиций у коми-пермяков: необычное происшествие побуждает к совершению ритуала, который начинают поддерживать наиболее верующие или суеверные люди.

Библиографический список

1. Белова О.В. Табак // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 5. – М.: Международные отношения, 2012. – С. 223–224
2. Голева Т.Г. Почитание коми-пермяками родника Таркомыс // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIII / под общ. ред. А.М. Белавина. – 2017. – С. 118–125
3. Голева Т.Г. Семиотический статус хлеба в мифологии коми-пермяков // Этническая культура и современная школа. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2007. – Вып. 5. – С. 122–126
4. Грилихес Л. Библейский взгляд на причины и сущность болезни [электронный ресурс] // Слово: образовательный портал. URL: <https://www.portal-slovo.ru/impressionism/36202.php> (дата обращения: 07.11.2020).
5. Коршунков В. Колдовское преступление писаря Кошкина // Родина. – 1918. – № 6. – С. 98–101

6. Кривошеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. – Пермь: Электро-Типогр. «Труд», 1914. – 839 с.
7. Крупкин А. Верования Пермяков-инородцев // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. – 1911. – № 4. – С. 301–307
8. Николенко Н.В. Табак и курение в традиционной культуре (XIX в.) // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2013. – № 1 (24). – С. 150
9. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. – Иркутск: Изд-во Ирк. ун-та, 1990. – 168 с.
10. Памятная книжка для духовенства, изданная по случаю 500-летия блаженной кончины святителя Стефана Епископа Великопермского, с приложением Адрес-календаря на 1896 год. – Пермь: Тип-я Н-ков П.Ф. Каменского, 1896. – 157+188 с.
11. Полякова Е.Н. Что пили и курили в Прикамье в XVI – первой трети XVIII вв. (по данным лексики пермских памятников письменности) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – Вып. 1. – С. 8–9
12. Рогов Н.А. Материалы для описания быта пермяков // Журнал министерства внутренних дел. – 1858. – № 4. – С. 45–126
13. С.М.А. Пермяки Ошибского прихода, Соликамского уезда // Пермские епархиальные ведомости. – 1889. – № 14. – С. 225–233.
14. Сведения об инородцах, обитающих в пределах Пермской епархии (преимущественно в религиозном отношении) // Пермские епархиальные ведомости. – 1874. – № 39–40. – С. 387–394
15. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 799 с.
16. Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. Народна религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. – М.: Индрик, 2003. – 464 с.
17. Смирнов И.Н. Пермяки: Историко-этнографический очерк (Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. Т. 9. Вып. 2). – Казань: Тип-я Императ. Ун-та, 1891. – 289 с.
18. Список населенных мест Российской империи. Вып. 31: Пермская губерния по сведениям 1869 года. / Обработ. Н. Штиглицом. – СПб.: Изд. Центр стат. Ком. Мин. внутр. дел, 1875. – CDLX+380 с.
19. Шестаков И. К просвещению иньвенских инородцев Соликамского уезда // Пермские губернские ведомости. – 1899. – № 20. – С. 2.
20. Worobek Cr.D. Possessed Women, Witches, and Demons in Imperial Russia. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2001. – 288 pp.

УДК 398.2

DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-147-159

А.В. Черных,^{1,2} А.В. Вострокнутов²**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕЙ КАМЫ (по материалам полевых исследований 2018 – 2019 гг.) ***¹ Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, РФ² Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, РФ

В статье представлены результаты исследования устных исторических преданий, бытующих в русских поселениях Нижней Камы в Лаишевском и Чистопольском районах Республики Татарстан. Работа основана на полевых материалах, собранных в ходе экспедиций в 2018 – 2019 гг. Авторы отмечают несколько типов сохранившихся преданий: топонимические, об исторических лицах, о разбойниках, о барине и об этнических соседях. В каждой из этих групп преданий выделяются несколько сюжетных линий. Исторические предания, сохраняя в своей основе реальные исторические факты, включают и вымышленные детали, связанные с народной интерпретацией событий, народной этимологией. В настоящее время историческая проза испытывает влияние краеведческой литературы, средств массовой информации, работы сотрудников местных музеев, которые в ряде случаев создают своеобразные литературные версии преданий. Тем не менее она сохраняет устную основу и является важной частью локальной культуры и идентичности.

Ключевые слова: историческое предание, фольклор, жанр, барин, Лаишевский район, Чистопольский район, Нижняя Кама, село, деревня

A.V. Chernykh,^{1,2} A.V. Vostroknutov²**HISTORICAL TALES OF RUSSIAN RURAL POPULATION OF LOWER KAMA (BASED ON THE MATERIALS OF FIELD STUDIES OF 2018-2019)**¹ Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia² Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russia

The article presents the results of studying oral historical tales that exist in Russian settlements of Lower Kama in Laishevsky and Chistopolsky Districts of the Republic of Tatarstan. The work is based on field materials gathered during the expeditions of 2018-2019. The authors note several types of the tales preserved: toponymic tales, tales about historical figures, bandits, master ("barin") and ethnic neighbours. In each group of the tales several storylines can be highlighted. Historical tales preserving real historical facts also include fictional details connected with folk interpretation of events and folk etymology. At present, historical prose is influenced by local history, mass media and the activities of local museum workers who often create their own specific literary versions of tales. However, it still preserves its oral basis and remains an important part of local culture and identity.

Keywords: historical tales, folklore, genre, "barin", Laishevsky District, Chistopolsky District, Lower Kama, countryside, village.

Введение

Преданиями называют жанр несказочной прозы, в которых рассказывается об исторических событиях и лицах. Подобные рассказы носят, как правило, локальный характер.

* Работа выполнена в рамках государственного задания, номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2, и при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Предания начали привлекать внимание фольклористов довольно рано. Записи образцов этого жанра мы находим у М.Б. Едемского, В.Н. Майнова, С.В. Максимова, Н.Е. Ончукова и многих других исследователей фольклора. Привлекали предания и краеведов. Подобных текстов много в различных краеведческих сборниках, материалах статистических комитетов, в губернских и епархиальных ведомостях. К преданиям обращались и историки, считавшие предание важным источником по изучению истории населения той или иной территории.

На ранних этапах существования в преданиях преобладают мифологические представления, накрадывающиеся на реальную историю коллектива. В поздних преданиях неизменно присутствует вымысел, частично опирающийся на мифологический фонд мотивов. Предания отражают народные взгляды на события и на их участников, представляя собой своеобразный фонд исторической народной памяти.

Несмотря на то, что собирать предания начали довольно рано, к исследованию этого жанра, вопросами его происхождения и структуры, особенностями образной системы и проблемами классификации, ученые обратились в середине XX века. Этот жанр привлек внимание таких исследователей как В.Я. Пропп [Пропп, 1965, 1969], К.В. Чистов [Чистов, 1967], В.К. Соколова [Соколова, 1970], Н.А. Криничная [Криничная, 1987, 1988] и другие. Подробный историографический разбор этого термина в отечественной фольклористике, в т.ч. в конце XX в. дан И.К. Феоктистовой [Феоктистова, 2000, с. 86–98]. К настоящему времени сложилось устойчивое представление о том, что предания являются жанром фольклорной несказочной прозы, в котором «разрабатывается историческая тематика в ее народной трактовке» [Белова, 2009, с. 246].

Предания в русских селах Среднего Поволжья также привлекали внимание исследователей. Наиболее показательна в этом отношении работа преподавателей и студентов кафедры устного народного творчества МГУ им. Ломоносова, которые в 1981–1987 гг. работали в русских селах и деревнях Татарской АССР. Ими был выявлен большой корпус текстов исторического характера, включающий в себя 1541 текст, две трети которых составляли предания [Ковшова, 1990, с. 125–138]. Экспедиция охватила своей работой 9 районов: Алексеевский, Заинский, Камско-Устьинский, Куйбышевский, Мензелинский, Мамадышский, Нижнекамский, Черемшанский и Чистопольский. М.Л. Ковшова распределила их по следующим категориям: I. Заселение края; II. Об исторических лицах; III. О разбойниках; IV. О местных героях; V. О силачах [Ковшова, 1990, с. 125].

Наша экспедиция отчасти затрагивала те же районы Республики, что и экспедиция сорокалетней давности. В ходе экспедиций 2018–2019 гг. в русских деревнях Лаишевского и Чистопольского районов было собрано 76 текстов исторического характера разной тематики. Следует констатировать, что предания в настоящее время представлены существенно меньшим числом записей. Изменились и тематические циклы преданий. Если экспедицией МГУ были выявлены циклы о заселении края, об исторических лицах, о разбойниках, о местных героях и о силачах, то наш материал несколько иной. Нами зафиксированы предания об исторических лицах и разбойниках. Предания о заселении края в нашем случае представляют преимущественно

топонимические предания, народную топонимику и этимологию. Не зафиксировано нами и преданий о героях и силачах. Однако материал позволяет говорить о существовании в настоящее время еще двух групп преданий: о барине и об этнических соседях. Безусловно, предания о барине могут рассматриваться в контексте преданий об исторических личностях, но нам показалось уместным выделить их в самостоятельный раздел.

Предания Лаишевского и Чистопольского районов

Исследований о русском заселении края не так уж и много.

Территория современного Лаишевского района начала заселяться русскими после завоевания Казани Иваном Грозным с середины XVI века. Одно из старинных русских сел этого района – село Тарлаши, например, упоминается как архиерейское село в «Книге Казанского уезда сел и починков, и деревень, и пустошей, и селищ архиепископских и Преображенского монастыря, что внутри Казани и Зилантовского монастыря письма и меры Дмитрия Андреева сына Кикина с товарищи, лета 7075». В нем в 1568 г. находились архиерейский двор, двор архиерейского дворецкого, двор архиерейского сына боярского и 9 крестьянских дворов [Список с писцовых книг..., 1877, с. 66]. Село было известно в документах под разными названиями. На Геометрической карте Казанской губернии (1796 г.) оно обозначено как Покровское, по престолу сельского храма. Такое же название сохраняется и в других картах, позднего времени. На карте 1860 г. данное село обозначено как «ПокрТарлаши». А на карте Лаишевского уезда 1899 г. село значится уже как «Тарлаши».

История формирования русского населения современного Чистопольского района (этнографический район Закамья), в настоящее время, хорошо освещена в исследованиях Р.Г. Насырова [Насыров, 2007].

Отметим, что на протяжении своей истории села и деревни, речь о которых пойдет ниже, изменяли свои названия или имели двойные, что и фиксировалось в документах.

Так, например, из исторических источников следует, что *села Малый Толкиш и Большой Толкиш* были основаны до 1710 г. и 1708 г. соответственно как дер. Верхний Толкиш и дер. Нижний Толкиш. Население в них так же, как и сейчас, было русским [Насыров, 2007, с. 219]. Однако, на Геометрической карте Казанской губернии 1796 г. на месте Малого Толкиша находится дер. Дмитриевская, а на месте Большого Толкиша – с. Дмитриевское. Если мы посмотрим на карту Казанской губернии 1871 г., то соответственно обнаружим там с. Сергиевское и с. Дмитриевское. На карте же 1895 г. встречаем Малый, Средний и Большой Толкиши [электронный ресурс: <http://etomesto.ru>: дата обращения 18.04.2020].

Исторические данные свидетельствуют, что в 1700 – 1705 гг. на месте современного *села Изгары* числилась русская дер. Искар, на тот момент пустая. Возможно, именно к тому времени можно отнести пожар (о котором рассказывают в селе), вынудивший жителей перебраться на другой берег реки, где поселение постепенно стало селом Рождественским. На Геометрической карте Казанской губернии 1795 г. село также фигурирует именно как Рождественское [электронный ресурс: http://www.etomesto.ru/map-kazan_geometric-1796/: дата обращения 15.04.2020]. Однако метаморфоза в названии происходит к 1871 г., когда вновь появляется уже современное название Изгар (на карте обозначено как Городище (Изгар))

Исторические данные свидетельствуют, что село *Булдырь* (тогда ясачная дер. Болдырь) возникло в 1704 г. на месте владений татарских мурз. Первыми русскими поселенцами здесь были выходцы из сёл Жукотино и Чистое поле (современный г. Чистополь) [Насыров, 2007, с. 108]. На Геометрической карте 1795 г. село указано как «Булдырь». На карте губернии 1860 г. имеется сдвоенное название «Рождесс. Булдарь», на карте 1871 г. село уже именуется Рождественским с пояснением «Булдырь». На карте Чистопольского уезда 1895 г. мы находим уже современное название – Булдырь.

Р.Г. Насыров отмечает, что село Кубассы (тогда деревня Кубас) возникло в 1675 году. Жителями деревни в то время были русские ясачные крестьяне – выходцы из центральных губерний. Первые поселенцы пришли сюда из дер. Гремячий Ключ, куда, в свою очередь, один из поселян прибыл из г. Темников, предварительно переселившись в с. Чистое Поле. Другой житель д. Кубас некоторое время проживал в дер. Ирюк. Р.Г. Насыров указывает также на тот факт, что татарские деревни давали временный приют беглым крестьянам [Насыров, 2007, с. 85–86]. Кубассы фигурируют на картах под разными названиями. На Геометрической карте Казанской губернии 1796 г. мы находим с. Сергиевское. Предание о том, что ранее село имело такое название, было зафиксировано в ходе полевых работ: На карте губернии 1871 г. также указано с. Сергиевское. В карте Чистопольского уезда 1895 г. с. Кубассы уже имеет современное название.

Налицо факт использования нескольких названий или переименования населенных пунктов (иногда даже по нескольку раз) за двухвековой период их истории. Причем в данном процессе наблюдается тенденция (во второй половине XIX в.) к смене русского православного названия, очевидно, имеющего прямую связь с главным престолом в местном храме, на народное название (Покровское – Тарлаши, Рождественское – Изгары, Рождественское – Булдырь и т.д.)

Обратимся к тем преданиям, которые существуют на данный момент в селах и деревнях Лаишевского и Чистопольского районов.

1. Топонимические предания. Народная топонимика. Народная этимология

К данным преданиям относятся рассказы, связанные с конкретным местом: о названии населенного пункта, его частей, окружающей местности.

Топонимические сведения, которые удалось собрать в ходе полевых работ, часто соответствуют сведениям, содержащимся на географических картах разных лет. Информаторы не всегда могут объяснить, откуда появилось то или иное название, либо что оно означает. Этими и обусловлено наименование раздела: пока человек знает и может объяснить появление названия – это топонимическое предание; если знает, но не может объяснить, откуда то или иное название появилось, – народная топонимика; если информаторы пытаются объяснить название по своему – народная этимология. Наиболее крупной группой среди этой категории преданий являются сведения о возникновении населенных пунктов, а также объясняющие их названия

Эти предания могут объяснять названия того или иного населенного пункта, связывая его с рекой:

«Есть Малый Толкиш, Средний Толкиш и Большой Толкиш. Толкишская река идёт. По реке (название), река-то Толкишская идёт, толкишская, поэтому уж и назвали эти деревни Толкишами» (д. Средний Толкиш, Чистопольский район).

«Талкыш» по-татарски какая-то была птица, какая птица – ну наверно, есть уже современное её название – вот поэтому и по птице, название птицы. Поэтому все Толкиши, которые есть – Малый, Средний и ещё есть Татарский Толкиш, четвёртое поселение, где вот на этой реке Толкишке» (с. Малый Токиш, Чистопольский район).

«Мать рассказывала, это не Кунтечи, а когда-то была татарская деревня, и тут река протекала вот сзади там щас вот там рыбачут... появились откуль-та э говорит, река протекала Куна и вот и назвали, а тут пробежали татары когда-то, наши-те их выгнали, а их-то вот это э деревня так и по-ихнему-то и осталась видать Кунтечи» (с. Кунтечи, Лаишевский район).

«Старше нас люди говорили, тут кака-то река текла, называлась она «Кунча». И вот так нашу деревню назвали в честь реки» (с. Кунтечи, Лаишевский район).

На этих примерах можно отметить, что, объясняя название своего села или деревни рекой, которая протекает вблизи, информаторы не дают объяснения, что означает название этой реки. В обоих случаях (р. Толкишка и р. Куна или Кунча) – это тюркское название, указывающее на первоначальное население данной территории.

Помимо названий, привязанных к названию реки, местные жители объясняют выбор наименования своего населенного пункта по особенностям освоения местности, либо с событиями, произошедшими здесь. Тут же приводится и объяснение этих действий – либо вырубка леса для строительства землянок, либо пожар, вследствие чего село было перенесено на новое место, получив соответствующее название:

«[Что означает Колок?] – А Колок...мне кажется, я знаю там...лес, лесок был, недалеко вот, вот, где дорога, вот, туда подальше, лесок был. И вот из этого леса построили вот эту деревню...как Колок. – [Покололи лес?] – Ну, да. ...и вот построили дома...ну, землянки, землянки в начале. В землянках жили, долго жили в землянках. Там прям на горе...» (д. Фиков Колок, Чистопольский район).

«[А Изгары почему так называются?] – Изгар раньше не здесь был, он там за рекой, он там сгорел весь. Вот. И сюда перетащился всё. Не знаю, в каком даже году. В тыщу семьсот... Село Рождественское было. По-новому-то» (с. Изгары, Чистопольский район).

Отдельную категорию составляют исторические предания, содержащие сведения об альтернативных названиях населенных пунктов, в которых отражается информация о храмах и проживавшем здесь иноэтничном населении:

«А Кубасы называлась Серьговская. – [Почему?] – Потому что сразу назвали. Была церковь построена в Сергиев день» (с. Кубассы, Чистопольский район).

«Это, она сперва называлась не Русь Сарсазы, я забыл, в каком году только переименовали её, а она называлась село Покровское, а в каком году уж переименовали их в Русь Сарсазы» (с. Большой Толкиш, Чистопольский район).

«Раньше было Караево, щас Никольск называется. – [Караево, что означает?] – ну вот раньше была деревня Караево наша-то вот, а щас вдруг Никольско стало. – [В Караево тоже русские жили] – Ну конечно, конечно. Деревня старая, старая» (с. Никольское, Лаишевский район).

«Здесь когда-то оно назывался это село Архиерейско, а в какие годы, мы не знаем, а потом тут э когда пертрубация была и каким-то образом вот татары жили и на Тарлыши повернули это село» (с. Тарлаши, Лаишевский район).

[А почему Тангочи называется?] – Да кто знает. Я этого ведь не знаю. Зачем они...раньше зачем-то назывались Ятманы... Ятманы ...говорили... (д. Тангачи, Лаишевский район).

[Нармонка – оно русское село или смешанное?] – Изначально оно татарское. И называлось Мингерь. Мингерь – это я щас скажу, что это. Но, когда я переводила по-татарски, просто как любитель. У меня получилось «взберись». Мингер. Да. И вот получается, как Мингерь. А потом нашла название, что это овраг, еще тут есть в Татарстане такое село. Но потом когда с Фаридой разговаривали, она говорит: «Здесь, видимо, были кочевые. Менгары – татары» (с. Нармонка, Лаишевский район).

В связи с альтернативными названиями следует отметить, что большая часть преданий подтверждается историческими фактами – на картах Казанской губернии разного времени те населенные пункты, что «сменили» название, имеют православные наименования – Покровское, Сергинское и т.д. Сохранились предания и о первоначальном названии, которое связывается с проживанием в селе или деревне до прихода русского населения татар.

Особняком стоят исторические предания, в которых отражена информация о миграционных процессах в данной местности. В одном случае, эти переселенцы дали название целой деревне:

«[Рассказывали почему Астраханка так называется?] – Сюда раньше переселенцев заселяли, большинство с Астрахани были» (д. Астраханка, Лаишевский район).

«Это же деревня у нас переселенцев. Приехали...как... сказали вроде из Чебоксарки. Это вот уже эти мужики говорят – из Чебоксарки переселенцы. Деревни были большие питаться нечем было, сюда приехали – и вот, как получилось» (д. Средний Толкиш, Чистопольский район).

Упомянутая деревня Чебоксарка, очевидно современное село Русская Чебоксарка Новошешминского района Республики Татарстан, что лежит приблизительно в 30 км к юго-юго-западу от Среднего Толкиша. В начале XVIII в. она была русской, носила название Чебоксар, однако в 1700 – 1710 гг. числилась «пустой» [Насыров, 2007, с. 218]. Таким образом, последние два предания отражают процесс переселения в начале XVIII в., однако связывая его, как следует из повествования, с более поздними временами. На что указывают такие слова как «ликвидировали», «перебросили», которые больше подходят для лексики второй половины XX века.

Еще одна категория исторических преданий также имеет связь с происхождением населенного пункта, но связана с его основателем. В с. Булдырь мы наблюдаем несколько вариантов происхождения названия села, связанных со словом «Булдырь»:

«Какой-то забулдырька что ли здесь жил, вот и Булдырь назвали»;

«Ну так ли не так ли, как легенда идет ли, будто бы здесь какой-то, не знаю сколько прошло, может 300 лет, БолдАрь какой-то, как он сказать, ну решил поселение, что-ли сделать, вот, так вроде построился, вокруг его, крестьяне, вот та, вроде и стало»;

«Говорят, что какой-то тут был помещик или кто ли, звали по-татарски его БулдАрь что ли, и так остался – Булдырь, Булдырь и все»;

«Село, я так по наслышке вот слышал, там БулдА какой-то жил. Типа купца вот там на Маришкиной горе, вот в честь него село вроде это так назвали» (с. Булдырь, Чистопольский район).

Как видно из приведенных отрывков, личность основателя села обрastaет разного рода характеристиками – от уничижительного «забуддырьки» до купца и «татарского помещика» – т.е. прямо противоположные значения.

Исторические данные свидетельствуют, что село Булдырь (тогда ясачная д. Болдырь) возникло в 1704 г. на месте владений татарских мурз, как было указано выше. Таким образом, мы можем заключить, что исторические предания, сохраняющиеся в селе, отчасти воспроизводят этот сюжет (имеется ввиду «татарский помещик») [Насыров, 2007, с. 108].

Вместе с развитием населенного пункта внутри и вокруг него формируется корпус названий, знание которых отличает местное население, идентифицирует его как «местное», помогает отличать «своих» от «чужих». Большой пласт преданий повествует о топонимике как самих населенных пунктов, так и окрестностей. В первую очередь, – это названия частей самих деревень и сел:

«Это был Кубасс, а я жила в Берёзовке. – [а у вас разные концы деревни как-то называли?] – у нас была как Кубасска. Вот через, Кубасс-то сюда, Берёзовка туда, и протекал у нас Кубасска, так называли. У нас тут был рынок. Вот мы бывало на рынок-то девчонками выйдем, играм в погорельшки, песни поем. А в Кубассе-то была Азия да Голодяевка» (с. Кубассы, Чистопольский район).

«С четвертой улицы там начиналась Азия, а у нас Голодяевка» (с. Кубассы, Чистопольский район).

«[А вот разные концы деревни как-то называли у вас?] – Первый конец, Нижний конец. Эдак ли было. Менькин, ой, или тут Черто́в, там Менькин. Здесь Черто́в конец, а там Менькин конец» (д. Березовка, Чистопольский район).

«[Концы деревни как называются?] – Там вот Козловка, наша Заколюка была, да, а щас Озёрна стала» (с. Никольское, Лаишевский район).

[А у вас Державино-то большое село. А как-то концы назывались?] Вот это у нас — Рынка. Тот конец назвался... А эта у нас, вся эта часть, от церкви сюда – Конец. Можно сказать, как школа. А тут была СредИнка. Вот церковь, тут улочки эти, это была только Срединка (с. Державино, Лаишевский район).

Вокруг каждого поселения со временем формируется свой культурный ландшафт [Платонов, 2007, с. 232]. Знание и использование топонимов окрестностей населенного пункта показывает насколько широко конкретная деревня или село охватывают близлежащую территорию в культурном плане. Данная топонимика окрестностей также представлена в рассказах местного населения. Здесь можно найти названия оврагов, гор, лесов, озер:

«[А Маришкина гора это тоже у вас тут?] – Маришкина да. – [Почему она так называлась?] – Не знаю. Это вот Палфинова. Вот туда дальше вот Палфинова. Это вот Попова. Поп что ли ходил. – [А Палфинова почему?] – Не знаю, тоже ничё не знаю. И леса у нас тут... Там Середний, там Красный, там Мокрый. Зачем называли? Красный... Все леса названы, все улицы. У нас вот Ключевая» (с. Булдырь, Чистопольский район).

«[Как озеро называется] ну как – Рыто, Рыто. Рыто раньше звали, да. Его руками рыли. А теперь всё заросло. – [Одно озеро?] – Да» (с. Никольское, Лаишевский район).

[А там как озера назывались?]: Ну просто... этот назывался Факеево озеро, а то – Илье озеро, вот как они называются. Факеевы были...тут жили напротив, да. Ну так и звали Факеево, а там Илья жил, это Ильево озеро было, вот так вот они и называются (д. Тангачи, Лаишевский район).

«Вот озеро-то у нас Архиерейское. Здесь архиерея когда-то бывало, жили. И до сих пор это озеро пишется везде Архиерейское – [озеро потому что сюда архиерей

какой-то приезжал?] – да, да, да. Здесь, говорит, какое-то священное место. Говорит, здесь все равно здесь что-то у нас особенное. Вот мамин отец говорил вот так» (с. Тарлаши, Лаишевский район).

Собранный материал отражает весьма широкий спектр местной топонимики. Так, можно найти связь в таких названиях концов в с. Кубассы и с. Державино как «рынок» и «рынка», обусловленные экономическим фактором. Также можно объяснить наименование «Молоканка» в с. Булдырь. Названия «Голодяевка», «Менькин конец», «Палфинова», «Попова» явно имеют антропоморфную этимологию. То же относится и к названиям озер «Факеево» и «Ильево». Озеро Архиерейское в селе Тарлаши получило свое название, очевидно, из за факта, что само оно располагалось в селе, бывшем архиерейским, и на землях, также архиерейских. Необычное название «Заколюка» в с. Никольское имеет достаточно банальное объяснение – чтобы добраться до этой части села необходимо пройти достаточно извилистую тропинку (личные наблюдения).

2. Предания об исторических лицах

Несколько преданий связаны с именами Степана Разина, Екатерины II и Льва Толстого.

Так в Малом Толкише рассказывают легенду о пребывании здесь Степана Разина:

«Степан Разин вот тут был, в лесу тут в ближнем, они остановились тут. Ну больные, хворые тут остались у Степана Разина все-то со службы, и вот они тут поселились, у нас легенда села. Мы даже постановку делали, показывали это» (с. Малый Толкиш, Чистопольский район).

Восстание Степана Разина, полыхавшее в Среднем и Нижнем Поволжье, возможно, и затрагивало исследуемую территорию, поскольку в это время происходили волнения и среди населяющих берега Волги татар, марийцев и чувашей, однако участие самого предводителя восставших в появлении населенных пунктов по Нижней Каме представляется невозможным.

Следует также отметить, что районы западного Закамья были территорией, на которой действовали отряды восставших татар и башкир в ходе восстаний 1660 – 80 гг. [Насыров, 2005, с. 22]. Таким образом, можно заключить, что в народных преданиях отложился именно этот момент истории. В то же время, образ Разина для Поволжья является знаковым, также как образ атамана Ермака для Урала [Чагин, 1999, с. 50].

Интересны два предания о пребывании в Лаишевском районе Екатерины II и Льва Толстого. История о Льве Тостом связана с молодыми годами писателя. А Екатерина II предстает в своем «типичном» образе – «путешествующей императрицы»:

«У нас там мосточек старый стоял, и все говорили Екатерины Второй. Говорили, что здесь Екатерина Вторая приезжала, было приказано сделать мост. Мост сделали, и его расширили, а карета Екатерины Второй не прошла. Ее перенесли на руках. Так он остался мост, в общем. Екатерининский». Ну, его сейчас только остов там. А самое интересное, что Екатерина Вторая никогда нигде не ехала, она плыла по воде» (с. Нармонка, Лаишевский район).

«Вот однажды приезжают гости, барышни и все такое. Лев Николаевич прогуливается. И вдруг прыгает в одежде в озеро и начинает тонуть будущий писатель. В это время тут женщины убрали сено, кинули ему грабли, вытащили будущего писателя на берег» (с. Нармонка, Лаишевский район).

В случае с Екатериной, данная легенда является «типичной» для фольклорного образа императрицы [Виноградов, 2007, с. 4]. «Екатерининский мост» в данном случае прекрасно вписывается в «Екатерининский» ландшафт России, куда входят дороги, мосты, холмы, названия населенных пунктов и т.д. [Виноградов, 2007, с. 4–6].

Лев Толстой после смерти отца некоторое время действительно жил в Казани и бывал в с. Паново, которое принадлежало его тете. В «Материалах к биографии Л.Н. Толстого» описывается аналогичный случай [Гусев, 1954, с. 159]. Следует отметить, что повествование и в рассказе, записанном в Нармонке, и в книге совпадает практически полностью. В этом случае, возможно, имеет место пересказ прочитанного.

В современных записях преданий об исторических личностях, безусловно, сохраняется некий стереотип образа, который создается в фольклорной традиции. Однако в сравнении с записями более раннего времени, он более упрощенный и лишенный художественных деталей.

3. Предания о разбойниках

Следующий группа преданий связана с разбойниками.

В с. Кубассы бытуют истории о происхождении населенного пункта от разбойников, либо беглых крепостных с Урала:

«У нас вот тут Кубассы, а там Берёзовка, а разделяет овраг, овраг. Это сейчас, а это была большая река. Эту реку называли вот в честь пирата Кубасова. А сначала Отварка была»; «И они вот здесь в этих жили землянках. Грабили баржи. А награбленное раздавали людям. Потому что люди бедные приехали. И поэтому... через него, а он был Кубасов предводитель. Вот в честь него село переименовали в Кубасы, а речку – Кубаска»;

«[Откуда ваши пришли-то? По Каме что ли?] – По Каме. Это с Урала с Рудника этих, Демидовых. Они вот пришли, и в цепях, а здесь были леса. Они вот пришли, стали, спрятались здесь. Вот бабушка мне рассказывала. А потом вот после этого уже стали образовываться семьи, стали образовываться... Сначала землянки, говорит, сделали, а потом уже стали лес пилить, стали дома делать. Построили попозже, уже потом, церковь. У нас церковь здесь есть. – [А с Урала-то откуда?] – А вот, был разговор, что с Демидовых. Рудника Демидова. И в основном больше казаки. Вот. Казаки, казаки первые тут были» (с. Кубассы, Чистопольский район).

В последнем свидетельстве, очевидно, переплетаются две версии появления населенного пункта. Первая – о том, что первопоселенцы были беглыми с одного из рудников Демидовых, вторая – что казаки. Вторая версия также, возможно, о беглых, но в таком случае, о событиях, происходивших гораздо раньше появления Демидовых на Урале, т.к. в XVIII в, т.е. во времена строительства горных заводов, беглецы должны были направляться на восток – в Сибирь, но никак не в центральную часть империи.

В д. Тангачи информаторы сообщают об альтернативном названии д. Владимировка, расположенной рядом, которое она получила благодаря криминальному образу местных жителей:

«У нас деревня до сих пор была Владимировка. Грабиловка ее раньше звали. Там плохие люди жили, говорят. Ну там черный столб стоял. Уже знали, что лучше в эту деревню не заезжать. Вот такое мы слышали. Её называли Грабиловка эту деревню. Сейчас она Владимировка. Ну она и была Владимировка, а в народе Грабиловка. Потому что, они грабили путников и проезжих [И специально для этого столб стоял?] И столб стоял черный» (д. Тангачи, Лаишевский район).

Легенды о деревнях с криминальным прошлым – не редкость. Пример можно найти даже в художественной литературе: «А Кощеевка эта уж известная, Воровская. Вот и тут кого-то поубивали, крестик стоит, – ох, Господи! А за Талицами сейчас кресто-ов!.. Чуть поглуше где – крестик стоит». [Шмелев, 2012, с. 98].

4. Предания о барине

Значительную часть собранных исторических преданий на обоих берегах Камы составляют предания о барине/барыне. Их можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся рассказы о барине как историческом факте, без каких-либо подробностей, либо эмоциональной окраски:

«Белинская помещица жила. У нас один единственный дом остался, это вот где эта помещица жила (пос. Александровка, Чистопольский район).

«Помещик был. Этот сад как там у нас называется... Барин Епифан Палыч был. У нас до сих пор! «Куда пошли?» – «В барский сад». Так вот поля там все... Барин-то был, да. Он и больницу построил» (с. Изгары, Чистопольский район).

«Там барыня жила, барыня. Граф, граф там был сначала. Граф, а потом барыня» (с. Кубассы, Чистопольский район).

«[А почему Суворовкой-то называли?] – Ну барин вот... А зачем? Суворов кто-то был... его отец, что ли» (пос. Суворовка, Чистопольский район).

«[Рассказывали что-то про помещика?] – Вот когда помещик был тут, базар был у нас в деревне, маслобойка была, всё это было» (д. Астраханка, Лаишевский район).

«Барин был. Вот, он там церковь поставил. Сорокин, по-моему. Он здесь хотел церковь ставить, фундамент остался его-то. Революция совершилась, все запретили, не стали делать. Он помещик был, он не барин, а помещик. У его земли-то много здесь было, у нас вон земли-то ведь много» (с. Среднее Девятово, Лаишевский район).

«Три помещика жило, три помещика. Усадьба была помещичья. Здесь вот огромный сад был. Остались у нас только остатки от сада. Из детства помню. Бегали с кружечкой, собирали малину. – [А каких помещиков? Про них что-нибудь известно?] – Мы ничё не знаем, фамилия Дунаев был, Панаев и...на «-ев» как-то еще. РындОв. РындОв сад так и называли. Рындов, Дунаев и Панаев. Три помещика жило, мы этого уже ничего не застали. Нам родители рассказывали (д. Тангачи, Лаишевский район)

Другая крупная группа преданий о барине имеет эмоциональную окраску. Она может быть как позитивной, так и негативной, содержащей сведения об издевательствах над местными жителями и местью последних. Приведем примеры положительных рассказов о барине:

«Ну, вот, этот Фиков был добрый, хороший, говорят» (д. Фиков Колок Чистопольский район).

«Вот был этот конец барским – [Что про барина-то рассказывали?] – Ну как, это, одного-то барина больно хвалили, по-моему, Маклакова. Да. Он и кормил хорошо, и платил хорошо» (д. Березовка, Чистопольский район).

«Бабушка моя рассказывала: «Барыня у нас была». Барин, видимо там умер – барыня была. У них была там барская усадьба, у них там был барский пруд. Был у них барский парк у них там, озеро специальное. И вот бабушка рассказывала, она с тысяча восемьсот восемьдесят восьмого года была: «Еще девчонками мы молоденькими. Вот, барыня нас на праздник приглашала, мы хороводы водили. Барыня нам ленточки дарила. Пряниками нас угощала» (с. Чистопольские выселки, Чистопольский район).

«На Рождество барин выходил на улицу и раскидывал монеты горстями. Детям как это. Славил ведь ходили. А он на улицу выходил и эти дети, говорит,

накидывались и собирали эти монеты. Барин, говорит, был хороший. Вот так вот. И люди, я еще помню, что все были высокие. Он отбирал зачем-то высоких людей. А потом они переродились» (д. Тангачи, Лаишевский район).

Предания с негативной окраской повествуют об издевательствах, которые чинили помещики над своими крестьянами, за что впоследствии были убиты, либо покалечены:

«Потом барин сменился, стал вот жестокий, который пришёл, и вот...И его, по-моему, сожгли. Да, в бане сожгли, он...вот эти крестьяне, они собрались... Ну, он издевался над людьми... Потом всё это замаяли, ну, сгорел, сгорел...а потом один...одного напоили, и он рассказал всё. И потом их это, отослали в ссылку вот этих мужиков» (д. Фиков Колок, Чистопольский район).

«Там (в Березовке) основная фамилия была Мясниковы. По предсказаниям(?) бабушки, эта фамилия образовалась оттого, что барыня заставляла своих крепостных кормить грудью щенят. А потом люди собрались все и отрезали грудь ей. И вот их называли Мясниками. Это так, как легенда. И оттудова пошли МясникОвы» (с. Кубассы, Чистопольский район).

Можно заметить, что в последнем приведенном свидетельстве напрямую указывается, что это местная легенда о происхождении одной из фамилий села, в то время как барин в д. Фиков Колок, исходя из повествования, реально был убит местными жителями.

Интересную категорию «барских» преданий составляют рассказы о то выигранных в карты, либо обменных на собак крепостных крестьян. В одном случае, мена служит причиной особенностей местного говора:

«Выиграл в карты, говорят, одного, одного...Одну выиграл в карты, другую выкупил за собаку и третью привёз, как свою, из Красного Яра» (д. Фиков Колок, Чистопольский район).

«Даже менял людей, на собак. Выменял. Вспомнили то, что, вот, там был Фиков, вот, как фамилия...был барин. Он разводил собак, вот, щас как-то всё...и, вот, он людей менял на собак. Семью менял на собак. Семья из десяти...Он травлей людей занимался» (пос. Александровка, Чистопольский район).

Людей-то ведь тоже завезли откуда-то. Это же, это Астраханка просто привезенные люди. То ли с под Астрахани, он выиграл в карты. Этот барин. Привёз. Тридцать семейств, рассказывали (с. Нармонка, Лаишевский район)

«Дом у него стоял на берегу озера. Двухэтажный. Это я тоже уж не помню яво. Только кирпичи, что развалили эти коммунисты. И вот этот барин ездил в Москву и на собак наменял людей. Раньше люди здесь были очень высокие, здоровы. И вот что мы говорим на «А» – это с Москвы привезли нам – [Барин как бы обменял вас и заселил?] – Да, здесь. Нашу деревню. – [И поэтому вы все «акаете»?] – «Акаем» из-за этого, да» (д. Тангачи, Лаишевский район).

Несколько преданий передают бытовые подробности жизни помещиков на правом берегу Камы.

«Барин жил. Тут вот озеро всё обросло у нас, а раньше оно было, это мама мне рассказывала – он был весь озеро обгорожен. Ток купались господа одне. Всё обгорожено было озеро. А мы уж купались это хорошее, когда вот раскулачивали что ли, когда это, стал быть» (д. Тангачи, Лаишевский район).

«Ну...у них тут плот был, они всегда на нем катались, они никого не пускали в озеро то это, Барским считалось, они каталась, говорит, на нем, плот долго плавал, мы на нем еще...это ...купались на этом плоту» (д. Тангачи, Лаишевский район).

«Вот в основном имение выигрывали и проигрывали в карты. И везде было озеро барское. И посредине барского озера обязательно стоял остров, на острове жил медведь, и вот живой ручной медведь, все такое. Здесь было в точности такое озеро.

В Тангачах такое же озеро, про другие села не знаю. И была липовая аллея» (д. Тангачи, Лаишевский район).

5. Предания об этнических соседях

Исследуемый регион по своему этническому составу весьма разнообразен. Несмотря на то, что и Лаишевский и Чистопольский уезды по преимуществу русские, местное население здесь зачастую соседствовало с татарами. Это отразилось в тех нарративах, что удалось собрать в ходе полевых работ. Взаимоотношение с татарским населением имеет двоякий характер. Например, в Чистопольском районе (левый берег р. Камы) вся собранная информация преподается в положительном ключе:

«[Тут русских деревень много было?] – В основном все русские. В каждой деревне ведь есть и татары, и чувашаи» (пос. Александровка, Чистопольский район)

«[В Средних Толкишах кто жил русские или еще кто-то?] – В основном все русские (д. Средний Толкиш, Чистопольский район)

«[Татарские деревни рядом. Как раньше с татарами жили?] – Ну как. Я вот в Среднем Толкише родился и жил, а татары в Исляйкино. Исляйкино – это через Средний Толкиш ездили на луга, сено косили да че. В общем, у нас с Исляйкином отношения дружные были. По гостям ездили, татары к нам приезжали, наши к ним» (с. Малый Толкиш, Чистопольский район).

На правом берегу Камы в Лаишевском районе, напротив, можно встретить информацию о взаимоотношениях между русскими и татарами, как в позитивном, так и нейтральном ключе. В собранных сведениях татары также выступают как соседи русских.

«Их боялись, татар-то. Идут с бляхами и сразу «ой, татары идут!». С бляхами, всё... Они там косы плели, у них чёт там... Идут и штоб спрятались. От них. А щас все вместе стали. И замуж выходят, и женятся на русских...» (д. Дятлово, Лаишевский район)

«С татарами всегда мы хорошо, всегда хорошо, даже никакие ничё, у нас татарская деревня была, наша деревня – одна только была семья татар» (с. Никольское, Лаишевский район).

«У нас всё говорили – татар поедет, значит дождик будет» (с. Никольское, Лаишевский район).

«[А с татарами вообще дружно жили? Ходили к ним на праздники, в гости?] – Ходили. Они у нас в школе учились, вот школа середь деревни была. В школе учились в русской. – [А к ним на праздники-то ходили?] – На Сабантуй ходили. Вся деревня ходила. Сейчас ведь только и ходят, а тогда было-то один год все Танеево, Рождественско, Дятлово – все» (д. Тангачи, Лаишевский район).

Заключение

Подводя итог анализу преданий, которые сохранились у русского населения Лаишевского и Чистопольского районов, мы можем сделать несколько выводов. В целом, мы можем говорить о сохранении устойчивой традиции исторической фольклорной прозы у русского населения Нижней Камы, как об одном из составляющих современной культуры в селах и деревнях. Исторические предания, сохраняя в своей основе реальные исторические факты, включают и вымышленные детали, связанные с народной интерпретацией событий, народной этимологией. Сохраняя устную основу и являясь важной частью локальной культуры и идентичности, в настоящее время историческая проза испытывает влияние краеведческой литературы, средств массовой

информации, работы сотрудников местных музеев, которые в ряде случаев создают своеобразные литературные версии преданий.

Библиографический список

1. Белова О.В. Предания. В кн. «Славянские древности». – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 246–249
2. Виноградов В.В., Громов Д.В. Легенды о путешествующей императрице // Живая старина. – 2007. № 3. – С. 4–7
3. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. – М: Изд-во АН СССР, 1954. – 720 с.
4. Криничная Н.А. Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры. – Л: Наука, Ленингр. отд., 1987. – 225 с.
5. Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа. – Л: Наука, Ленингр. отд., 1988. – 191 с.
6. Насыров Р.Г. Сельское расселения Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII в. / автореферат канд. дисс... – Казань, 2005. – 34 с.
7. Насыров Р.Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – 240 с.
8. Платонов Е.В. Сакральная топография деревень в нижнем течении р. Шелонь (исследования в округе бывших Илеменского, Ретенского и Скнятинского погостов) // Антропологический форум. – 2007. № 7. – С. 231–279
9. Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора // СЭ. – 1965. № 4. – С.147–154
10. Пропп В.Я. Рецензия на книгу К.В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX вв.» // СЭ. – 1969. № 2. – С. 141–143
11. Соколова В.К. Русские исторические предания. – М: Наука, 1970. – 290 с.
12. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. – Казань: Тип-я Императ. ун-та, 1877. – 88 с.
13. Феоктистова И.К. Предания и легенды русских сибиряков // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX веков. Очерки истории и быта. – Омск: Изд. дом «Наука», 2003. – С.74–85
14. Феоктистова И.К. Русские предания и легенды: проблема разграничения жанров // Вестник Омского университета. – 2000. № 1. – С. 86–89
15. Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: Учебное пособие. – Пермь: Изд-во Перм. Ун-та, 1999. – 164 с.
16. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII – XIX вв. – М.: Наука, 1967. – 342 с
17. Шмелев И.С. Богомолье. Повести. 7-е изд. – М: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 512 с.
18. Электронный ресурс <http://www.etomesto.ru/>: Дата обращения 15.04.2020, 18.04.2020.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР – Академия наук Союза советских социалистических республик
АН РТ – Академия наук республики Татарстан
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ – Башкирский научный центр
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ГИООКН ПК – Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Пермского края
ГУП РБ БИ «Китап» – Государственное унитарное предприятие республики Башкортостан Башкирское издательство «Китап»
ДВО РАН – Дальневосточное отделение Российской академии наук
Дил – дилатометрия
ДМА – динамический механический анализ
ДСК – дифференциально-сканирующая калориметрия
ДТА – дифференциально-термический анализ
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИИ АНРТ – Институт истории академии наук республики Татарстан
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИКНП – Институт истории и культуры народов Приуралья
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
ИКС – инфракрасная спектроскопия
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИЭРиЖ УрО РАН – Институт экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук
ИИЯЛ БФ АН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук Союза советских социалистических республик
ИЯЛИ КНЦ УрО РАН – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
ИЯЛиИ – Институт языка литературы и истории им. Г. Ибрагимова
КамГЭС – Камская гидроэлектростанция
КАЭЭ ПГГПУ – Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГГПУ
КГТУ – Калининградский государственный технический университет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КНЦ – Коми научный центр
КСП – комплекс связанных признаков
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры М.-Л. – Москва – Ленинград.
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ ПГГПУ – Музей археологии и этнографии Пермского Предуралья ПГГПУ
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ – Новосибирский государственный университет
НИИ – Научно-исследовательский институт
НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НИР – научно-исследовательская работа
НТГСПА – Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ПГПУ (ПГГПУ) – Пермский государственный педагогический университет, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ПГУ (ПГНИУ) – Пермский государственный университет, Пермский государственный национальный исследовательский университет
ПГУ им. В.Г. Белинского – Пензенский государственный университет им. В.Г. Белинского
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
ПОНИЦАА – Пермский образовательный научно-исследовательский центр авитальной активности
ПФ ИИиА УрО РАН – Пермский филиал Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
РА – Российская археология
РАК – Рождественский археологический комплекс
РГПУ – Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
РФЛА (РФА) – рентгенофлуоресцентный анализ
РФА – рентгенофазовый анализ
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СПб. – Санкт-Петербург.
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография
СЭМ – сканирующая электронная микроскопия
ТГА – термогравиметрический анализ
ТГОМ – Тверской государственный объединённый музей
ТМА – термомеханический анализ
ТюмНЦ – Тюменский научный центр
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УДИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
УНЦ РАН – Уфимский научный центр Российской академии наук
УПАСК – Урало-поволжская археологическая студенческая конференция
УрГУ – Уральский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук
УФС – ультрафиолетовая спектроскопия
ЭА – элементный анализ
ЭКА – этнокультурный ареал
ХМС – хромато-масс-спектрометрия
ЯМР – ядерный магнитный резонанс

СОДЕРЖАНИЕ

Проценко А.С., Бубнель Е.В., Сарапулов А.Н., Шмуратко Д.В. К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ИВАНОВА	4
Мокрушин И. Г., Красновских М. П., Подосенова Ю.А., Сарапулов А.Н. ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	14
Демаков Д.А., Лычагина Е.Л., Кулькова М.А. ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА КАМЕННОГО СЫРЬЯ С МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОСА II	27
Коновалова К.Ю. ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА (2018 г.)	33
Черноусов В.А. О ПЕРСПЕКТИВАХ ИЗУЧЕНИЯ «ПЕЩЕРНОГО ПАЛЕОЛИТА» ПРИКАМЬЯ.....	40
Митрошин Е.Н., Лычагина Е.Л. МЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ОГУРДИНО (по материалам раскопок 2018 г.)	53
Батуева Н.С. О СООТНОШЕНИИ ОРНАМЕНТАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ПОСУДЫ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ	63
Данич А.В. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПО МАТЕРИАЛАМ ПИТЕР (СТЕПАНОВО ПЛОТБИЩЕ) МОГИЛЬНИКА	72
Крыласова Н.Б. РЕКОНСТРУКЦИЯ «КЛАССИЧЕСКИХ» ПОЯСНЫХ НАБОРОВ, ВКЛЮЧАЮЩИХ НАКЛАДКИ С «БАБОЧКОВИДНЫМ» ОРНАМЕНТОМ	85
Брюхова Н.Г. ПОВТОРЯЮЩИЙСЯ ОРНАМЕНТАЛЬНЫЙ МОТИВ НА МЕДАЛЬОНАХ И ПОДВЕСКАХ ПЛОТНИКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА	100
Подосёнова Ю.А. ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ С ГРОЗДЬЕВИДНОЙ ПРИВЕСКОЙ ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	104
Вострокнутов А.В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ ШУМЯЩИХ УКРАШЕНИЙ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ КОНЦА XI – XIV ВВ. (МАТЕРИАЛ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ЗВУК)	115
Шмырина М.Е. ПРОБЛЕМА ИМПОРТА КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ (на примере Иньвенской группы памятников)	122
Пастушенко И.Ю., Перевозчикова С.А. КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС САРАПУЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ	131
Голева Т.Г. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОБЫЧАИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ: НА МАТЕРИАЛАХ СУДЕБНОГО ДЕЛА СЕРЕДИНЫ XIX В.	140
Черных А.В., Вострокнутов А.В. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕЙ КАМЫ (по материалам полевых исследований 2018 – 2019 гг.)	147
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	160

Научное издание

**ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
Выпуск XVII**

На обложке – наконечник ремня, бронза, литье, XI в. Рождественский могильник

*Издание зарегистрировано в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)
договор 697–11/2013*

Р е д к о л л е г и я :

Крыласова Наталья Борисовна (отв. редактор выпуска)
Белавин Андрей Михайлович
Сарапулов Алексей Николаевич
Подосенова Юлия Александровна

Издается в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за достоверность приводимых сведений,
цитирования и использованных иллюстративных материалов*

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию», книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 05.12.2020. Формат 60х90 ¹/₈
Бумага ВХИ. Печать на ризографе. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 20,37. Тираж 100 экз. Заказ № [REDACTED]

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь ГСП, ул. Сибирская, 24, корп. 2, оф. 71,
тел. (342) 215-18-52, факс (342) 215-18-52 (доб. 332)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Книжный формат».
Адрес: 614000, г.Пермь, ул.Пушкина, 80